84(2Рос=Рус)1
К 484

Носилов К.Д.

В снегах

Москва, 1914

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

К. Д. НОСИЛОВЪ.

ВЪ СНѢГАХЪ.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ СѢВЕРНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Яковъ Ивановичъ Павловскій.

Цѣна. 50 к.

Москва.—1914.

НОСИЛОВЪ, К. Д. Золотое время. Очерки и разск
Никифоровна.—За саранками.—Зося.— Сестра Оля.—
путешествія. — На колокольнѣ. 2-е изданіе. Съ рис.
У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. уч. завед. (О
отъ 20 янв. 1911 г.).

— **Въ снѣгахъ.** Очерки и разсказы. Ц. 50 к. 7-е изд
Н. Пр. *одобрена* для ученич. младшаго возраста библіот. сред
учебныхъ заведеній и *допущена* въ безплат. народ. чит. (От
8 марта 1910 г.). *Одобрена* для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ

— **На охотѣ.** Галейко.—Изъ жизни киргизовъ.—Пасха
ѣдовъ.— Дѣдушкины журавли.— Дядя-кузнецъ.— Неу
Ц. 30 к. Гл. Упр. Военно-Учебн. заведеній книга *рекомендован*
въ библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I и II классов
№ 7, 1905 г.) *Одобрена* для ротныхъ библіотекъ кадетскихъ кор
К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низш. учебн. завед. (Отн
отъ 20 янв. 1911 г.).

— **На дикомъ Сѣверѣ.** Первый сборникъ разсказовъ.
Птичій островъ.—Дѣдушка-вогулъ и его внуки. 2-е изда
О. О. У. К. М. Н. П. *допущена* въ безплат. библ. и чит., а та
библ. городскихъ училищъ. (Отнош. № 2248, отъ 15 янв. 1913 г.)

— **На дикомъ Сѣверѣ.** Второй сборникъ разсказовъ.
ловля. — На родинѣ. — Ворона. — Наши инженеры. — В
остяка. — Судъ. 2-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П
въ безплат. библ. и ... же въ ученич. библ. городск
(Отнош. № ... отъ 15 ... г.).

— **Въ** ... за карасями.—На лабазѣ.—Бѣлая рукав
ка —... О. ... К. М. Н. П. *допущен*
...веденій ... бл. и чит. (Отноше

— ... ихъ инородце
... П. *допущена* въ ученич. библ. низш.
(... г.).

— ... **въ и звѣр... вов... зера.** Съ рис. Ц. 40 к.
... *допущена* ... библ. низш. училищъ. (О
... 1912 г.).

— ... **ярной с... мовки.** Разсказъ. Съ ри

— **За поляр...** ... 35. к. Съ рис. О. О. У. К...
допущена въ ученич. библ. низш. учеб. завед. (Отн. № 49121, отъ 9

Библіотека для семьи и школы.

К. Д. Носиловъ.

ВЪ СНѢГАХЪ.

РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЖИЗНИ СѢВЕРНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. книга одобрена для ученич. младш. возр. библіотекъ средн. и низшихъ ученыхъ заведеній и допущена въ безплатныя читальни. (Отнош. № 13103, отъ 9 мая 1900 г.).

Гл. Упр. Военно-Учебныхъ завед. книга рекомендована для пріобрѣтенія въ библіотеки кад. корпусовъ для чтенія кад. I и II классовъ. («Педагог. Сборникъ», № 7, 1901 г.).

7-е изданіе редакціи журнала „ЮНАЯ РОССІЯ“.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

Яковъ Ивановичъ Павловскій.

МОСКВА.
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 21.
1914.

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
В ДАР

- 59938 -

К н84 84(2Рос=Ру©)1

Яковъ Ивановичъ Павловскій.

ТАНЯ ЛОГАЙ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СѢВЕРУ.

I.

На Новой Землѣ у меня есть одна знакомая самоѣдская дѣвушка, которая, будучи тринадцати лѣтъ, уже била бѣлыхъ медвѣдей.

Эту замѣчательную дѣвушку всѣ знаютъ на этомъ полярномъ островѣ; зовутъ ее Таня Логай.

Въ первый разъ я съ ней познакомился зимой 1887 года.

Однажды въ зимній коротенькій денекъ, когда вмѣсто солнечнаго свѣта въ замерзшія окна заглядывали къ намъ полярныя сумерки, а на дворѣ шелъ снѣгъ, мы вдругъ услыхали подъ окнами нашей зимовки громкій лай цѣлой

стаи собакъ, Это было вѣрнымъ признакомъ, что пріѣхалъ къ намъ кто-нибудь изъ самоѣдовъ.

Дѣйствительно, черезъ какую-нибудь минуту, вмѣстѣ съ облакомъ холоднаго пара, вошелъ къ намъ въ комнату, весь въ снѣгу, въ широкой, мохнатой оленьей малицѣ-шубѣ, съ громадной, пришитой къ ней, шапкой, маленькій, юркій, веселый самоѣдъ Логай.

Онъ зимовалъ отъ нашей колоніи верстахъ въ двадцати, на берегу одного широкаго залива, гдѣ стояла его маленькая избушка, и мы тотчасъ же догадались, что онъ пріѣхалъ къ намъ въ такую погоду по какому-нибудь важному дѣлу.

Съ трудомъ освободившись отъ своего теплаго костюма, въ которомъ смѣло можно рѣшиться заночевать въ какой-угодно морозъ прямо на снѣгу, онъ намъ сообщилъ новость: у него родился недавно сынокъ, и вотъ теперь онъ пріѣхалъ просить батюшку-миссіонера окрестить ребенка, а меня— быть кумомъ.

Я очень былъ радъ такому приглашенію и спросилъ,— кто будетъ моей кумой?

Логай помялся немного и, сказавъ, что достать куму со стороны очень трудно, предложилъ за неимѣніемъ другой свою дочь, Таню.

Я давно уже, съ самаго пріѣзда на островъ, слышалъ объ этой замѣчательной дѣвушкѣ и, самъ будучи страстнымъ охотникомъ, радъ былъ покумиться съ маленькой охотницей-самоѣдкой.

Угостивъ нашего гостя чаемъ, мы съ батюшкой собрались вечеромъ въ путь, потеплѣе закутавшись въ самоѣдскія шубы. На дворѣ стоялъ морозъ, и къ тому же съ утра порошило снѣгомъ, и пробѣгали вихри, поднимая и крутя въ воздухѣ снѣжную пыль. Около дверей насъ уже съ нетерпѣніемъ поджидала пара низенькихъ самоѣдскихъ санокъ, въ которыя было запряжено по цѣлому десятку разношерстныхъ самоѣдскихъ собакъ. Онѣ нетерпѣливо потявкивали,

старались освободиться отъ легкихъ ремешковъ-лямочекъ, которыми ихъ привязали къ санкамъ съ надѣтыми на шеи петлями, что-то въ родѣ хомутовъ, и были очень рады сорваться съ мѣста, какъ только ихъ вожаки взяли длинныя „хореи“—палки и предложили намъ покрѣпче сѣсть и держаться. Мы сѣли, закутались и, при оглушительномъ лаѣ собакъ, которыя отъ радости чуть не передрались, быстро скользнули изъ колоніи на ледъ залива и понеслись, прыгая по изрытому вѣтромъ твердому снѣгу, вдоль высокихъ, скалистыхъ береговъ моря.

Я очень люблю ѣзду на собакахъ. Маленькія, длинныя, низенькія саночки, десятокъ разношерстныхъ, пушистыхъ, съ загнутыми на спину хвостами, собачекъ, которыя такъ забавно вытянутся на ходу во весь ростъ, приподнимутъ веселыя мордочки, поставятъ торчкомъ уши, ихъ поспѣшный бѣгъ, ихъ оживленіе, высунутые языки, порой, на бѣгу, маленькая драка;—все это дѣлаетъ поѣздку такой необычной, такой оживленной, веселой, что ее не скоро позабудешь. Легкія санки неслышно скользятъ по твердому, убитому вѣтромъ снѣгу, скачутъ по льду, поднимаются на берегъ, пересѣкаютъ голый, скользкій ледъ озерка, рѣчки, летятъ стремглавъ подъ гору, раскатываются на поворотахъ, перепрыгиваютъ черезъ камни, слетаютъ съ сугробовъ. При всемъ этомъ не нужно забывать, что на Новой Землѣ нѣтъ не только какой-нибудь дороги, но даже и тропы. Быстро, порой во весь собачій опоръ несутся впереди запряженныя вѣеромъ собаки. Онѣ и безъ дороги хорошо знаютъ, какъ и ихъ вожакъ-самоѣдъ, куда надо держать путь; имъ совсѣмъ не тяжело тянуть за собой санки съ двумя сѣдоками, и порой, когда мы пересѣкаемъ свѣжій слѣдъ песца, лисицы, имъ даже хочется попробовать догнать звѣря. Но длинный, тонкій шестъ самоѣда, которымъ онъ то правитъ, то тормозитъ съ горы санки,—этотъ шестъ направляетъ собакъ снова на настоящій путь, и онѣ позабывъ уже песца, снова бѣгутъ

впередъ, и мы неслышно несемся при слабыхъ сумеркахъ вечера въ полярной пустынѣ.

Порой, чтобы дать вздохнуть собакамъ и поправиться самимъ, обтереть отъ снѣжной пыли лицо, мы останавливаемся. Собаки тогда садятся въ кружокъ, ластятся къ намъ, охорашиваютъ свои пушистыя лапки, а мы прислушиваемся, какъ шумитъ въ горахъ вѣтеръ, какъ стонутъ въ морѣ подъ берегомъ льды, какъ треснетъ что-нибудь отъ мороза въ рѣчкѣ... Минута, и мы снова несемся дальше.

Двадцать верстъ промчались въ какихъ-нибудь полтора часа, и даже меньше, и вотъ уже мы на томъ самомъ широкомъ, пустынномъ, съ высокими снѣжными горами по бокамъ, заливѣ, гдѣ зимуетъ самоѣдъ Логай.

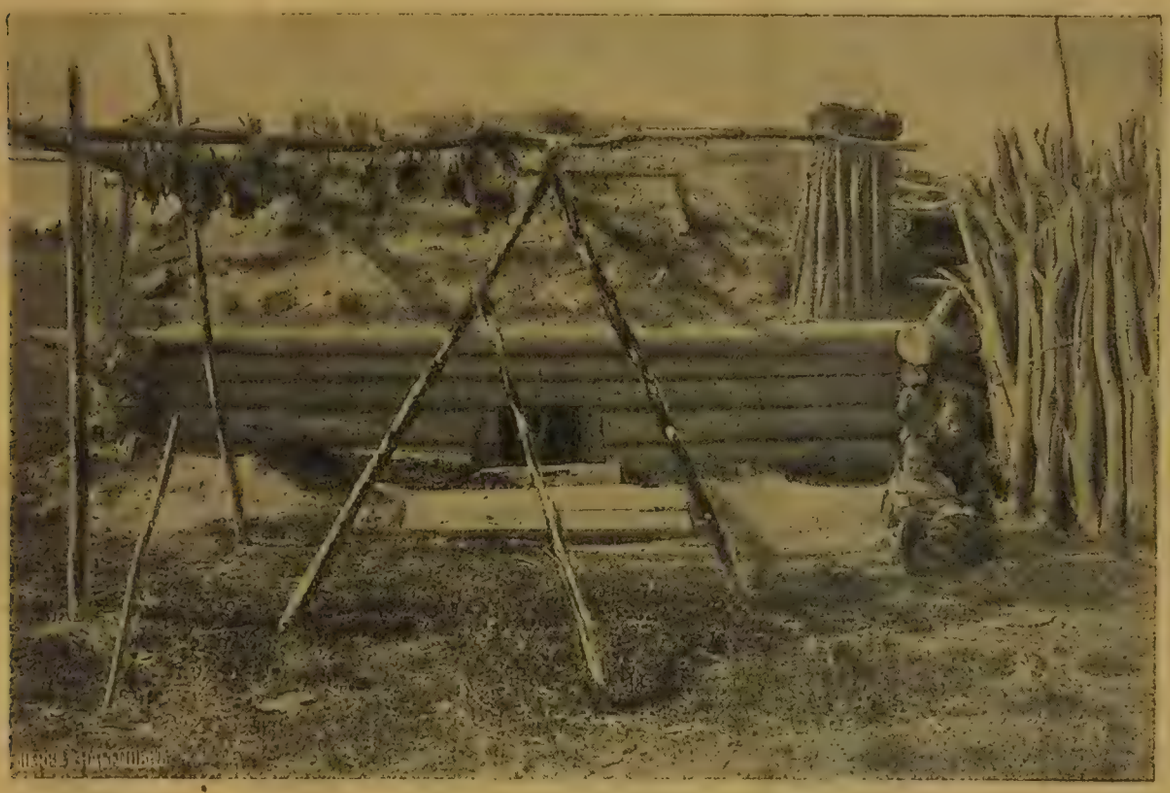
Вотъ впереди на низменномъ, едва видимомъ берегу мелькнулъ огонекъ. Собаки оживились и съ лаемъ бросились туда во весь духъ. Къ нимъ навстрѣчу выскочили и несутся другія, и мы, всѣ въ снѣгу, въ облакѣ снѣжной пыли, влетаемъ на берегъ и прямо останавливаемся чуть не въ самыхъ сѣняхъ зимовальной избушки.

Боже, какая маленькая хижина, гдѣ живетъ этотъ самоѣдъ! Она почти вся вровень съ крышей занесена снѣгомъ, какъ стѣнами, обложена сугробами, и только крыша одна да дымовая труба, изъ которой теперь валитъ тихонько сѣренькій дымокъ съ искрами, говорятъ о томъ, что здѣсь живутъ люди.

Черезъ цѣлый сугробъ снѣга мы скатываемся въ сѣни, вползаемъ въ избу и видимъ бѣдную обстановку жилища самоѣда. Оно всего въ пять шаговъ длины; впереди видно маленькое оконце, заткнутое тряпицей, по бокамъ тянутся нары съ мягкими постелями изъ оленьихъ шкуръ. При свѣтѣ ночника, съ тюленьимъ саломъ и воткнутымъ туда лоскутомъ тряпицы, мы разглядѣли, что на нарахъ сидятъ въ рядъ въ оленьихъ, мохнатыхъ костюмахъ, съ шапочками на головахъ, пять маленькихъ ребятишекъ, которые съ любопытствомъ насъ разглядываютъ, засунувъ, разумѣется, пальцы въ ротъ;

вмѣстѣ съ ними—пара молодыхъ щенятъ, которые составляютъ единственную компанію дѣтей.

Противъ нихъ въ углу топится очагъ, а передъ нимъ стоитъ жена Логая, которая такъ намъ обрадовалась, что не знаетъ, какъ и чѣмъ насъ встрѣтить. Дымъ отъ очага прямо поднимается кверху и такъ густо застилаетъ потолокъ, что его совсѣмъ не видно.



Мы съ трудомъ освободились отъ тяжелыхъ костюмовъ, и только тогда разсмотрѣли, что въ одномъ углу сидитъ, не смѣя пошевелиться, та дѣвушка, которую мнѣ такъ хотѣлось давно видѣть,—моя будущая кума.

Таня совсѣмъ еще ребенокъ, невысокая, съ круглымъ смуглымъ личикомъ, которое такъ красили черные глаза, застѣнчивая. Она, казалось, совсѣмъ не видала людей и была готова при первомъ же словѣ спрятаться или убѣжать изъ дому. Но ея костюмъ такъ оригиналенъ, что мы невольно засмотрѣлись. (Черезъ три-четыре года Таню выдадутъ за-

мужъ, и ее наряжали, какъ будущую невѣсту). Она была одѣта въ оленій, расшитый разными цвѣтными сукнами, костюмъ, съ яркими, красными, синими, зелеными, желтыми ленточками, которыя торчали повсюду среди шерсти, съ замысловатыми узорами изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ по подолу. Ея косы были такъ унизаны разноцвѣтными бусами, колеч-

ками, даже какими-то мѣдными пряжками, составляющими, несомнѣнно, драгоцѣнность для самоѣда. Мы такъ засмотрѣлись на оригинальный нарядъ, что не могли отвести глазъ. Дѣвушка, разумѣется, еще больше отъ этого стѣснялась. Но, къ ея счастію, въ избу вошелъ ея отецъ, зажегъ привезенную отъ насъ свѣчку и сталъ приготовлять все для крестинъ ребенка.

Зажгли передъ страшно закопченой иконой восковыя свѣчи, поставили среди пола купель; избушка весело освѣтилась, и началось крещеніе, во время котораго мы съ кумой, стоя рядомъ, порой не знали, что нужно дѣлать, какъ держать голенькаго въ пеленкахъ ребеночка, боясь его уронить, и только прислушивались, что читалъ нашъ батюшка. Крещеніе кончилось, насъ поздравили, и моя кума скрылась опять въ свой темный уголъ.

Теперь насъ стали угощать, какъ гостей. Намъ сварили уху изъ лососей, которыхъ старшій братъ кумы наканунѣ наловилъ съ ней въ ближайшемъ озерѣ, угостили копченымъ оленьимъ мясомъ, которое намъ очень понравилось послѣ дороги и мороза, и мы стали разспрашивать самоѣдовъ, какъ они живутъ. Уже по самой обстановкѣ можно было судить, что Логай живетъ не богато, какъ и большинство самоѣдовъ, но зато ихъ жизнь была такъ разнообразна, такъ оживлена, благодаря охотѣ, что я даже и теперь промѣнялъ бы свою на ихнюю, хотя бы и на короткое время.

Какъ только выдастся тихій, безъ вѣтра денекъ, Логай съ сыномъ, въ другой разъ и съ моей кумой, отправляются на морской ледъ залива, къ ближайшей полыньѣ, гдѣ такъ часто показываются тюлени.

Охотники становятся вдоль края полыньи, прячутся за высокія льдины и ждутъ, когда на гладкой поверхности незастывшей полыньи покажется любопытная голова тюленя. Этотъ житель полярныхъ льдовъ очень любопытенъ, и стоитъ только ему замѣтить на льду человѣка, стоитъ ему только слышать его шаги, какъ онъ уже появляется изъ-подъ воды, вытягиваетъ свою круглую голову и, если человѣкъ его не пугаетъ, а еще прячется и свиститъ, то любопытство и смѣлость тюленя доходитъ до того, что онъ подплываетъ къ самому краю льда, еще болѣе вытягиваетъ толстую шею, еще сильнѣе вглядывается, кто спрятался тамъ за льдиной, пока въ его голову не ударитъ пуля, и онъ, опрокинувшись на-

взничь, затрепещется весь на минуту и потомъ всплыветъ уже трупомъ.

Тогда поспѣшно сталкиваютъ маленькую промысловую лодочку, плывутъ къ тюленю, вывозятъ его на лодь, тутъ же обдираютъ лоснящуюся пеструю шкуру, а мясо бросаютъ

собакамъ. (Тюленью кожу хорошо знаютъ школьники,—изъ нея дѣлаютъ ранцы).

Порой Логай съ дѣтьми ѣздитъ въ горы, гдѣ бродятъ олени, разыскивая бѣлый вкусный мохъ среди розсыпей горъ: здѣсь его не такъ глубоко заноситъ снѣгомъ, какъ въ долинахъ. Высмотрѣвъ оленей, охотники подползаютъ къ нимъ на выстрѣлъ изъ-подъ вѣтра и стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Перепуганныя животныя бросаются въ сторону и исчезаютъ гдѣ-нибудь за первымъ пригоркомъ, недоумѣвая, что случилось: они рѣдко видятъ, а часто вовсе не

знаютъ человѣка и не слышатъ выстрѣловъ на этомъ пустынномъ полярномъ островѣ.

Въ другой разъ, когда наступитъ весенняя пора, когда выдастся тихая лунная ночь, эти охотники ѣдутъ вдоль берега моря, объѣзжаютъ мысы, осматриваютъ заливы и ищутъ тамъ бѣлыхъ медвѣдей, которые въ это время любятъ выходить съ пловучихъ льдовъ на берегъ, любятъ бродить въ поискахъ тюленя на льду залива, любятъ кататься съ горокъ, со снѣжныхъ заносовъ, гоняться другъ за другомъ и играть. И эта самая лучшая охота, самое лучшее, незамѣнимое удовольствіе, особенно, если охотникамъ удастся подкараулить медвѣдя, догнать его на льду, спустить на него собакъ, которые займутъ его лаемъ, заставятъ его гоняться, кружиться въ погонѣ за ними, благодаря чему охотнику легко удается подбѣжать и пустить въ звѣря вѣрную пулю даже среди лунной ночи.

Но въ охотѣ на медвѣдя рѣдко участвуетъ Таня, хотя у нея есть свое, подаренное ей отцомъ, ружье-винтовка, и она отъ всей души рада была бы ѣздить на охоту, такъ какъ совсѣмъ не боится медвѣдей. Но ея не берутъ на эту охоту, потому что боятся оставить ночью на долгое время свое семейство: по ночамъ часто ходятъ по острову медвѣди, и Таня, въ случаѣ прихода незваннаго гостя, что случается далеко не рѣдко, можетъ защищать семью отъ нападенія.

Чаще всего Таня занимается охотой на песцовъ, на тѣхъ маленькихъ бѣлыхъ пушистыхъ лисичекъ, которыя сами прибѣгаютъ по ночамъ къ зимовкѣ, забѣгаютъ даже, случается, въ сѣни, тащатъ оттуда все, что только попадется, и нисколько не боятся ни человѣка, ни собакъ, съ которыми даже порой устраиваютъ игры.

Въ сторонѣ отъ зимовья Таня ставитъ на песцовъ капканчики, кладетъ въ нихъ для приманки кусочки тюленьяго сала. Песцы, разыскивая пищу, заслышавъ лакомый запахъ, бѣгутъ къ приманкѣ и попадаются въ капканы.

Каждое утро Таня осматриваетъ эти капканы со своимъ маленькимъ любимымъ братишкой Костей. Порой они застаютъ около капкановъ, даже при свѣтѣ дня, песцовъ, которые, повидимому, нисколько не опасаясь людей, ни за что не хотятъ бѣжать въ горы безъ своихъ товарищей, тоскливо сидящихъ въ капканахъ, съ прижатыми холоднымъ желѣзомъ лапками.

Такъ какъ песцы кусаются слабо, а часто и совсѣмъ не сопротивляются, позволяя себя взять въ руки, то Таня беретъ ихъ рукавицей за шею, освобождаетъ ихъ, при помощи брата, изъ капкановъ и идетъ обратно домой съ живой ношей, которой такъ всегда бываютъ рады ея братишки; для нихъ забава съ песцами—любимое дѣло.

Случается, что нѣкоторые изъ молодыхъ песцовъ такъ привыкаютъ къ людямъ, что приживаются, какъ собаки, бѣгаютъ по хатѣ, играютъ со щенятами и спятъ вмѣстѣ съ своими маленькими хозяевами, даже не думая о свободѣ, гдѣ и холодно, и голодно въ зимнее время. Другіе, быть можетъ, и убѣжали бы снова на волю, но такъ страшно боятся собакъ, что не смѣютъ даже сунуть носа въ сѣни.

Одного изъ такихъ любимцевъ показала намъ кума во время нашего разговора съ нею. Она его съ трудомъ разыскала за печкой, куда онъ, вѣроятно, со страху при появленіи незнакомыхъ людей, забрался. Звѣрокъ былъ такъ выпачканъ въ пыли и грязи, что его бѣлоснѣжная шкурка и пушистый лисій хвостъ скорѣе походили на цвѣтъ сѣраго зайца. Онъ любопытно смотрѣлъ на насъ карими веселыми глазками, тянулся изъ рукъ и, когда мы дали ему кусочекъ вареной говядины, жадно схватилъ ее и заковылялъ, сгорбившись по-лисьи, снова за печку, гдѣ, вѣроятно, ему казалось и спокойнѣе, и теплѣе.

Мы, помню, съ восторгомъ слушали Логаевъ, торопившихся намъ разсказать, какъ они коротаютъ зиму. Эти постоянныя охоты, поѣздки на море, въ горы, домашняя, пол-

ная разнообразія жизнь, этотъ интересъ къ окружающимъ ихъ полярнымъ животнымъ,—все это заставляло посидѣть у нихъ подольше и послушать, посмотрѣть, какъ они живутъ совершенно одни на этомъ берегу залива, гдѣ сначала кажется такъ дико, печально, грустно, при взглядѣ на бѣдность жилья, на суровость природы Сѣвера.

Но главнаго, что намъ хотѣлось такъ услышать—какъ убила бѣлаго медвѣдя моя кума,—намъ она все-таки не разсказала. Какъ только мы коснулись этого важнаго для нея воспоминанія и попросили ее передать намъ хотя немного подробностей, она вдругъ, вспыхнувъ румянцемъ, быстро скользнула въ уголъ и скрылась, какъ и ея песецъ, за печкой.

Самъ хозяинъ Логай не могъ, къ сожалѣнію, передать намъ всѣ подробности этого замѣчательнаго событія, прославившаго на всю Новую Землю маленькую самоѣдскую охотницу: онъ былъ въ это время вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Иваномъ на промыслѣ, въ морѣ, а дома оставалась одна его жена съ Таней и ребятишками. Но наше любопытство все же было удовлетворено разсказомъ его жены, которая хоть и плохо говорила по-русски, но понять ее все-таки было можно.

II.

Это событіе случилось какъ разъ годъ тому назадъ.

Такъ же, какъ и сейчасъ, Логаи зимовали тогда въ такой же маленькой зимовальной избушкѣ, находящейся, какъ и теперь, на берегу одного широкаго морского залива, но только много южнѣе, на, такъ называемой, Гусиной Землѣ. Это—большая низменность на западномъ берегу Новой Земли, куда въ лѣтнее время прилетаетъ масса гусей, которымъ нравятся тамошнее приволье и озера,—потому-то и прозвали такъ эту землю.

Какъ и теперь, зимовальную избушку Логая занесло вровень съ крышей снѣгомъ, и только въ сторону моря она

была свободна отъ сугробовъ и смотрѣла туда одинокимъ крошечнымъ оконцемъ. На ночь, когда бывало холодно, оконце затыкали тряпицей, а днемъ для свѣту вставляли въ него льдинку, сквозь которую и проходитъ слабый свѣтъ въ хижину.

Однажды рано утромъ, какъ только забрезжилась заря, Логай съ сыномъ Иваномъ захватили съ собой ружья, лодочку, запрягли собакъ и уѣхали на море промышлять тю-

лекей. Дома остались только женщины да ребятишки, да еще съ ними двѣ собачонки. Ребятишки поѣли каши, заползли на постели и давай играть съ щенками, а мать съ Таней занялись чѣмъ-то у печки. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали охотники, вдругъ окошечко брякнуло на полъ; стало темно, и къ нимъ въ избенку просунулась огромная голова бѣлаго медвѣдя... Просунулъ онъ голову въ оконце и смотритъ блестящими глазами... Затѣмъ потянулъ носомъ, фыркнулъ и зарычалъ...

Мать съ Таней отскочили въ уголъ, стоятъ и смотрятъ на медвѣдя. Такъ онъ ихъ перепугалъ, что даже съ мѣста онѣ сдвинуться не могутъ: „ну,—думаютъ,—съѣстъ“...

Ребятишки закричали, бросились съ постелей, кто—за печку, кто—подъ кровать, кто—къ матери; щенята съ визгомъ за ними, собаки залаяли. Жена Логая закричала, и не извѣстно, что было бы, если бы въ это время не нашлась наша Таня. Она быстро подскочила къ огню, выхватила оттуда пригоршню углей и, размахнувшись, бросила ими прямо въ страшную голову звѣря. Тотъ, вѣроятно, не ожидалъ такого нелюбезнаго пріема со стороны хозяекъ, крикнулъ и вытащилъ голову изъ окошка. Слышно было, какъ онъ поскребся немного около угла и, не желая больше заглядывать въ окно, залѣзъ по сугробу на крышу. Съ потолка посыпался песокъ, когда медвѣдь зашагалъ по крышѣ. Думали, что онъ продавитъ потолокъ, провалится въ избушку, задавитъ и съѣстъ всѣхъ; но, къ счастію, онъ тамъ нашелъ тюленьи шкуры, стащилъ съ крыши и началъ ихъ грызть, какъ разъ противъ самыхъ сѣней. Сунулась, было, жена Логая запереть двери въ сѣни, а онъ тутъ какъ тутъ, у самыхъ дверей.

Видитъ Таня, что дѣло плохо, вытолкнула къ медвѣдю пару собакъ,—можетъ, онѣ его отгонятъ. Но собаки были плохія, перепугались медвѣдя такъ, что съ визгомъ удрали на заливъ, а оттуда—чуть не за версту, и лаютъ на него, зачѣмъ онъ пришелъ къ нимъ на зимовку... На собакъ, значитъ, надежда плохая. Стащила Таня поскорѣе со стѣны старое отцовское ружье, зарядила его пулей и рѣшилась стрѣлять. А ребятишки вцѣпились въ мать и ревмя-ревутъ, не даютъ ей и повернуться, не то что помочь чѣмъ-нибудь Танѣ...

Но только что Таня завозилась съ ружьемъ, отыскивая пистоны, какъ медвѣдь снова появился въ окошкѣ, еще дальше просунувъ голову, такъ и ломится въ избушку.

Но тутъ ужъ въ его бѣлую громадную голову полетѣла цѣлая головешка. Крякнулъ онъ, помоталъ головой передъ окошечкомъ и опять полѣзъ на крышу. Нашелъ тамъ опять что-то, снова сползъ внизъ и ѣстъ недалеко отъ избушки. Высунулась Таня въ сѣни, видитъ,—нѣтъ его тамъ, захлопнула поскорѣе сѣнныя двери и стала смотрѣть на дворъ. Видитъ—медвѣдь недалеко, гложетъ тюленьи шкуры, только клочья летятъ.

Тутъ ей страшно захотѣлось выстрѣлить въ звѣря. Просунула она въ щель стволъ винтовки, прицѣлилась, прищурилась отъ страху, выстрѣлила и убѣжала въ избу... Слушаютъ, выглядываютъ въ оконце,—ничего не видно. Пріотворила Таня двери въ сѣни, выглянула на дворъ, а медвѣдь, какъ ни въ чемъ не бывало, рветъ да ѣстъ тюленьи шкуры. Ухватится лапами за одинъ конецъ шкуры, прижметъ къ снѣгу, возьмется зубами за другой, да такъ и отдираетъ, а самъ все посматриваетъ на избу, нельзя ли туда зайти и съѣсть ребятишекъ.

Таня бросилась въ избу, опять зарядила пулей винтовку и пошла въ сѣни стрѣлять медвѣдя... А онъ какъ разъ уже стоитъ передъ самыми дверями и пробуетъ ихъ отворить лапой... Выстрѣлила она въ него въ упоръ, не помня себя убѣжала въ избу и держитъ ручку дверей, думая, что медвѣдь бросится за нею... Но въ сѣняхъ ничего не слышно.

Затихли всѣ. Прислушиваются... Проходитъ такъ нѣсколько минутъ, и звѣря какъ-будто не стало. Зарядила Таня еще разъ винтовку, выглянула въ сѣни, а медвѣдь лежитъ у самыхъ дверей мертвымъ.

Долго они не смѣли подойти къ подстрѣленному звѣрю. Долго онъ еще вздрагивалъ, ворочался, скребъ широкими, мохнатыми лапами снѣгъ, но, наконецъ, совсѣмъ затихъ. Только теперь прибѣжали собаки, и, набравшись храбрости, стали лаять на убитаго медвѣдя, потомъ набросились на него и начали его грызть, теребить за уши. Но тутъ, видно, по-

няли псы, что съ мертвымъ воевать не стоитъ, бросили его и стали подлизывать кровь, которая лилась изъ раны на снѣгъ.

Ребятишки такъ перепугались бѣлаго гостя, что не только выйти, не смѣли даже взглянуть въ сѣни. А Таня ликовала; она съ гордостью, въ сотый разъ, обходила кругомъ звѣря, пробовала поднять его мохнатую, пирокую лапу, пробовала стащить его съ мѣста, такъ какъ онъ какъ разъ лежалъ у самыхъ дверей; но звѣрь былъ такъ великъ и такъ тяжелъ, что имъ и съ матерью вмѣстѣ не удалось стащить медвѣдя съ мѣста.

Самъ Логай, когда вечеромъ воротился съ сыномъ, даже глазамъ не вѣрилъ, когда увидалъ, что бѣлый медвѣдь лежитъ въ сѣняхъ у самыхъ дверей избушки.

Съ этихъ поръ Таня стала настоящей охотницей. Медвѣжью шкуру продали и купили Танѣ бусъ, платковъ, ленточекъ, въ которыхъ она теперь франтила передъ нами, а отецъ ей даже подарилъ свое старое ружье. Съ этихъ поръ ее стали часто брать на море, гдѣ она охотилась не хуже брата, обдирала тюленей, ловко ѣздила на промысловой лодочкѣ, лихо стрѣляла, соперничая со своимъ старшимъ братомъ въ мѣткости стрѣльбы.

Но еще раньше въ Танѣ замѣтна была страсть къ охотѣ. Отецъ разсказывалъ, что она совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой уже обнаруживала нѣкоторое пристрастіе къ ней.

— Бывало,—говорилъ онъ,—какъ только станешь налаживать ружье, она ужъ тутъ какъ тутъ, сидитъ рядомъ, смотритъ, какъ онъ заряжаетъ или починиваетъ, и разспрашиваетъ, куда онъ хочетъ ѣхать, далеко ли это, надолго ли уѣдетъ, какого звѣря привезетъ, гдѣ спятъ бѣлые медвѣди, и прочее? Ее все интересовало, и, бывало, когда наступитъ теплое время, вскроется море, прилетятъ гуси, зашумятъ съ горъ ручьи, онъ никакъ не можетъ отъ нея отвязаться, беретъ ее съ собою и везетъ въ санкахъ къ морю, посадитъ тамъ

- 59938 -
Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

въ лодочку и ѣздитъ съ нею цѣлый день по заливу, стрѣляя тюленей, гоняясь за водяной птицей, а она спокойно сидитъ себѣ въ лодочкѣ, слѣдитъ за всѣмъ своими черными, бойкими глазками и даже домъ и мать забудетъ.

Таня ѣздила съ отцомъ и въ горы, когда онъ промышлялъ тамъ оленей. Она даже не боялась оставаться тамъ одна, когда отцу нужно было, подсмотрѣвши оленей, оставить съ ней собакъ съ санками, а самому ползти, подкрадываясь къ звѣрю. Однажды, когда Таня такъ оставалась съ собаками, а отецъ ея ушелъ стрѣлять оленей, собаки, увидя послѣднюю, не выдержали, бросились отъ дѣвочки, вырвали у нея вожжечку и убѣжали въ горы, оставивъ ее совершенно одну въ горахъ. Она и тутъ не испугалась: залѣзла на большой камень, набрала камешковъ, стала ими играть и заснула. Отецъ ея очень перепугался, когда не нашелъ на мѣстѣ ни дочери, ни собакъ. Помчался въ горы, и тамъ ея нѣтъ. Собаки убѣжали версты за три, и онъ ихъ переловилъ, а Тани все нѣтъ. Только вечеромъ нашелъ онъ ее на камнѣ и увезъ домой.

Когда мы кончили разговоры и собрались домой, моимъ ямщикомъ на обратный путь оказалась кума. Она проворно выправила собакъ въ лямкахъ, взяла длинный шестъ, крикнула собакамъ, тѣ вскочили, бросились за первыми санками; она на бѣгу присѣла на передокъ, и мы понеслись съ ней въ сумракѣ ночи, оставляя снѣжный вихрь позади санокъ.

Только теперь я могъ разсмотрѣть, какой лихой, живой человѣкъ моя кумушка: она ловко правила собаками, быстро справляясь съ ними на раскатахъ, и тѣ, чувствуя надъ собой ея длинный, покачивающійся шестъ, зная ея руку, летѣли впередъ во весь собачій духъ, такъ что я держался обѣими руками за санки.

И на каждомъ толчкѣ раската, на каждомъ ныркѣ сугроба, только побрякивали ея мѣдныя цѣпочки, шуршали бусы и развѣвались по вѣтру ея ленточки... Я не могъ налюбоваться на удаль этой молодой дѣвушки, которой, казалось,

больше доставляло удовольствія быть въ роли мальчика, возиться съ ружьемъ, чѣмъ сидѣть дома, играть въ куклы и забавлять маленькихъ братьевъ и сестеръ.

Черезъ какой-нибудь часъ мы были дома, и я подарилъ моей юной кумѣ такой красный платокъ, какого она сроду не видала на Новой Землѣ.

Такъ кончилась моя поѣздка къ Логаю, гдѣ я познакомился съ этой замѣчательной маленькой охотницей-самоѣдкой.

III.

Познакомившись съ Таней Логай, я часто потомъ видалъ ее у насъ въ колоніи, куда она, подчасъ являясь одна-одинешенька, а то и съ братомъ или съ отцомъ за покупками, или просто повидаться, поболтать съ знакомыми самоѣдами. У нея теперь были свои санки для разъѣздовъ, собаки, которыя ее любили, потому что она ихъ хорошо кормила, и всѣ принадлежности охоты. Непремѣнно съ ней же неразлучно всегда было и ружье, которое она привязывала вдоль санокъ, въ особомъ чехлѣ, съ порохомъ и пулями наготовѣ.

Въ такіе пріѣзды она непремѣнно заходила и къ намъ съ батюшкой. Теперь она уже насъ знала и меньше стыдилась. Придетъ, помолится Богу, поклонится намъ и станетъ скромненько у дверей.

— Ну,—спросишь, бывало,—Таня, какъ расправляешься ты нынче съ бѣлыми медвѣдями, часто ли ходятъ они къ вамъ въ гости?..

Она засмѣется.

— Какъ промышляешь, много ли тюленей убила, сколько песцовъ поймала въ капканы?

Таня все подробно и обстоятельно разскажетъ. Пригласишь гостью чаю напиться (дома она рѣдко пила чай, потому что отецъ не держалъ его, считая баловствомъ этотъ

напитокъ), и вотъ она оживится, разскажетъ, какъ, когда она ѣздили съ братомъ въ горы, какъ онъ промахнулся въ оленя, а она убила на бѣгу его пулей, какъ ихъ чуть-чуть не оторвало отъ берега на льдинѣ и чуть, было, не унесло на море, когда они стрѣляли тюленей на льду залива, какъ они видѣли стадо моржей, бѣлыхъ дельфиновъ, когда прилетѣли первыя гаги на море, когда слышали голосъ лебедя... Все это она знала, за всѣмъ слѣдила, ей была мила, дорога эта природа полярной страны, гдѣ она родилась, ей понятенъ былъ ея языкъ, ея прелести. Она слѣдитъ за всѣмъ, она не живетъ жизнью одного скучнаго чума—жилища самоѣда для нея есть другой міръ, и она его любитъ. И странно,—порой эта дѣвочка, четырнадцати лѣтъ, совсѣмъ еще неразвившаяся, почти ребенокъ, низенькая, худенькая, заставляла насъ заслушиваться ея разсказовъ; съ ней было отрадно, весело, пріятно.

Всѣ самоѣды тоже ее любили. Они утверждали, что Таня, дѣйствительно, хорошо стрѣляетъ.

— У нея твердая рука и счастье на звѣря.

И, дѣйствительно, это была правда; не прошло и года съ нашей первой встрѣчи, какъ Танѣ опять посчастливилось поохотиться на бѣлаго медвѣдя, тогда какъ другимъ самоѣдамъ не удавалось по цѣлымъ годамъ даже въ глаза видѣть звѣря.

Въ этотъ годъ Логаи зимовали очень далеко отъ насъ, и я видѣлъ только одинъ разъ свою куму. Они жили на берегу одного длиннаго мыса, выдавшагося въ море въ верстахъ полутораста отъ насъ, и нарочно туда уѣхали еще по веснѣ, чтобы поохотиться на бѣлыхъ медвѣдей, которые, бродя зимой вдоль береговъ Новой Земли, любятъ заходить на выдающіеся мысы острова. У нихъ даже тамъ проложена своя дорога, тропа въ зимнее время.

Логаи и теперь промышляли преимущественно тюленей. Теперь у нихъ не было избушки, потому что выстроить ее было не изъ чего, и они жили въ кожаномъ оленьемъ чуму-

палаткѣ, въ видѣ конуса, въ которомъ зимовать еще страшнѣе, чѣмъ въ маленькой избушкѣ. Такъ какъ жилье ихъ было далеко отъ полыньи, гдѣ они охотились, то приходилось складывать убитыхъ тюленей на одинъ мысокъ залива, который, какъ крѣпостная стѣна, возвышался надъ заливомъ, неподалеку отъ мѣста ихъ промысла. Мысъ этотъ состоялъ изъ отвѣсныхъ скалъ, куда только съ двухъ сторонъ можно было подняться съ моря по крутымъ, неловкимъ подъемамъ, словно нарочно высѣченнымъ въ скалѣ.

Стаскивая туда тюленей, Логаи укладывали ихъ въ кучи и были увѣрены, что медвѣди сюда не заберутся. Но оказалось напротивъ. Какъ только море замерзло, какъ только нанесло къ берегамъ пловучія льдины,—на нихъ приплыли и бѣлые пассажиры. Складъ сала у Логаевъ сталъ замѣтно убывать...

Оказалось вскорѣ, что туда ходитъ не одинъ медвѣдь, а чуть ли не цѣлый пятокъ. Какъ только Логаи пріѣдутъ на мысъ утромъ, смотрятъ,—уже десятка тюленей и нѣтъ; и нахожено, и наброжено по снѣгу. Въ одномъ мѣстѣ видно, что ѣлъ сало большой медвѣдь; тамъ видно, что тащилъ тюленя маленькій, а здѣсь—остались одни клочки шкуры... Мало того, что медвѣди ѣли запасы,—они еще здѣсь и забавлялись: поѣдятъ-поѣдятъ, а потомъ покатаются съ сугробовъ на спинѣ, поиграютъ, попрыгаютъ около, а нѣкоторые даже и спать тутъ улягутся: вырыли себѣ за вѣтромъ ямы въ снѣгу, и видно, что отлеживались послѣ сытнаго обѣда.

Незваные гости грозили скоро совсѣмъ уничтожить складъ сала, и Логаи рѣшились ихъ побезпокоить. Но какъ они ни старались захватить медвѣдей раннимъ утромъ, какъ ни поджидали ихъ позднимъ вечеромъ, имъ никакъ это не удавалось. Медвѣди приходили на воровской промыселъ позднею ночью и уходили тотчасъ же, какъ забрезжитъ заря, и со стороны зимовья послышится лай запрягаемыхъ собакъ.

Оставалось одно: караулить ихъ здѣсь, на мѣстѣ, остав-

шись тутъ на ночь. Но рѣшиться на такое дѣло было трудно: медвѣдь ходилъ не одинъ, ночь темна, стоитъ только промахнуться,—какъ звѣрь уже передъ тобой и заноситъ широкую лапу.

Въ это же время, какъ нарочно, занемогъ самъ Логай, и моей кумѣ со старшимъ братомъ приходилось однимъ отбивать медвѣдей отъ склада сала.

Долго они придумывали, какъ имъ отвадить медвѣдей лакомиться чужимъ добромъ; долго они обсуждали, какъ устроить ловушку, капканъ или что-нибудь такое, чѣмъ бы можно было хоть испугать медвѣдей; но ничего у нихъ не выходило. Поставили они однажды старое заряженное ружье, взвели курокъ, протянули отъ него нитку, думая, что какъ только звѣрь станетъ подниматься по спуску, то задѣнетъ нитку, курокъ спустится,—и пуля угодитъ звѣрю прямо въ лобъ. Но оказалось, что пуля попала въ скалу и медвѣдей лишь разсердила... Таня съ братомъ на другой день нашли отъ ружья одно только ложе и обломки, а сала убыло еще больше... Но на ихъ счастье наступили тихія, свѣтлыя, лунныя ночи, и они рѣшили подкараулить гостей на мѣстѣ.

Взяли они всѣ свои ружья, зарядили ихъ крѣпкими зарядами и отправились подъ вечеръ на скалу, куда ходили ѣсть ихъ сало медвѣди.

Тамъ они сдѣлали себѣ въ снѣгу засаду надъ самымъ тѣмъ подъемомъ, по которому влѣзали на скалу медвѣди, гдѣ была уже протоптана цѣлая тропа широкими медвѣжьими лапами, и засѣли.

Пока еще догорала румяная заря на темномъ горизонтѣ моря, золотя плавучіе льды, сидѣть было весело; но какъ только наступили сумерки, съ моря потянуло холодомъ и сыростью, пропала изъ виду дальняя зимовка, сумерки закутали и море, и горы,—охотники остались совсѣмъ одни въ этомъ сыромъ, холодномъ полумракѣ, и стало имъ такъ жутко среди этой мертвой тишины, въ этомъ одиночествѣ, что они готовы

были уже бѣжать домой, если бы только это было теперь возможно.

А между тѣмъ, скрипъ льдовъ подъ берегомъ, трескъ лопавшагося отъ мороза камня, шорохъ сталкивающихся въ морѣ льдовъ, осыпь снѣга гдѣ-нибудь подъ скалою—такъ волновали ихъ, такъ тревожили, что имъ казалось, будто уже окружили, идутъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ бѣлые медвѣди, и не видѣть имъ больше ни дому, ни отца съ матерью...

Вслушиваясь въ эту тишину, вглядываясь въ потемнѣвшій снѣгъ залива, Танѣ и брату уже ясно казалось, что вотъ идутъ со льдовъ медвѣди, вотъ остановились, прислушиваются, вотъ поднимаются на скалу,—и молодые люди, невольно пугая порой другъ друга, схватываются за ружья, готовые бороться за жизнь до послѣдней капли крови, замирая отъ волненія, такъ что слышно было, какъ колотятся въ груди ихъ сердца...

Но вотъ позади ихъ, изъ-за горы показался отблескъ свѣта, еще немного,—и оттуда выкатилась полная луна и облила все такимъ серебристымъ свѣтомъ, что заиграли лучами снѣга и льды, и стало даже весело...

Теперь все хорошо видно: и заливъ подъ снѣгомъ, и горы съ снѣжными вершинами, мрачными скалами, и темная поверхность застывающей полыньи, съ которой поднимается густой бѣлый паръ и тянется къ берегу, тутъ же теряясь въ морозномъ воздухѣ ночи. Теперь они могутъ видѣть все, имъ совсѣмъ не страшно, только холодно, и они продрогли.

Но не долго пришлось нашимъ охотникамъ дожидаться къ себѣ бѣлыхъ гостей.

Гдѣ-то далеко послышались явственно тяжелые шаги... Всмотрѣлись Таня съ братомъ въ края льдовъ залива и увидали, что къ нимъ прямо подвигается медленно что-то огромное, бѣлое... То шелъ медвѣдь и притомъ, видимо, старый, большой.

Онъ одинъ. Онъ остороженъ. Онъ часто останавливается

на ходу, влѣзаетъ на льдину, встаетъ на дыбы и всматривается впередъ, словно чувствуя, что тамъ, въ засадѣ, сидятъ люди... Затѣмъ опять идетъ. Идетъ медленно, широко размахивая громадной головой, увѣренный, видимо, въ своей силѣ, не боясь никого и ничего на свѣтѣ. Охотники замерли. Кума говорила, что у нея даже волосы зашевелились отъ страха, когда медвѣдь подошелъ къ самой скалѣ, остановился, сталъ всматриваться, потянулъ мордой воздухъ и фыркнулъ.

Они уже думали, что звѣрь ихъ замѣтилъ и только высматриваетъ... Стоитъ имъ шевельнуться, и медвѣдь бросится на нихъ. Но, къ счастью, звѣрь ихъ не замѣтилъ, и, постоявъ въ раздумьи подъ скалой съ минуту, которая показалась нашимъ смѣльчакамъ вѣчностью, онъ такъ же медленно и увѣренно полѣзъ вверхъ, на скалу, по крутому подъему... Слышно было, какъ полетѣлъ изъ-подъ его лапъ камень, какъ посыпался снѣгъ... Но только что медвѣдь поднялся до половины и высунулся изъ-за ближайшаго камня, какъ мелькнулъ на секунду огонекъ, другой, раздались разъ-за-разомъ два выстрѣла, и что-то, кряхтя, покатилось подъ скалу и тамъ заворочалось, заворчало... Немного погодя, все затихло...

Таня съ братомъ схватили запасныя ружья, взвели курки и, не смѣя сказать другъ другу слова, не зная, что случилось, убитъ ли звѣрь, или надо ждать, что онъ очнется, бросится на нихъ,—чутко прислушивались въ тишинѣ, которую только на мигъ нарушили слабо треснувшіе въ морозномъ воздухѣ выстрѣлы.

Была такая мертвая тишина, что, казалось, будто ничего и не случилось... Только дрожащія руки говорили о томъ, что произошло что-то страшное, что гдѣ-то около бродитъ, быть можетъ, смерть...

Посмотрѣть подъ скалу, куда свалился медвѣдь, было невозможно: скала отвѣсная; ночью, какъ разъ, сорвешься... Вотъ они опять сидятъ съ ружьями въ рукахъ, съ взведен-

ными курками, то посматривая впередъ на спускъ, то оглядываясь тревожно назадъ, все еще ожидая, что звѣрь очнется, подкрадется и бросится на нихъ.

Но вмѣсто него, со стороны темной полосы морской воды, послышались еще шаги, и охотники увидали, что къ нимъ направляются двѣ бѣлыя фигуры.

Вотъ онѣ подходятъ ближе, вотъ можно уже разобрать, что это медвѣдица съ годовалымъ медвѣжонкомъ. Таня съ братомъ знаютъ, какъ злы бываютъ медвѣдицы, и приготовляются встрѣтить страшную гостью, спѣшно заряжая ружья.

Медвѣди идутъ прямо по слѣду перваго. Они не останавливаются ни на секунду и, вѣроятно, полагая, что первый уже закусилъ, торопятся утолить и свой голодъ. Медвѣдица идетъ впереди, молодой лѣниво тянется позади. Но вотъ онъ узнаетъ мѣсто склада, бросается нетерпѣливо впередъ, бѣжитъ къ подъему. Но тутъ его нагоняетъ мать и даетъ ему такого шлепка широкой лапой, что онъ кубаремъ летитъ прочь и стонетъ отъ боли... Вотъ медвѣди ужъ у самой скалы, вотъ ихъ стало не слышно. Охотники замерли въ ожиданіи. Они едва держатъ ружья. Проходятъ минуты за минутами, но звѣри не показываются. Вдругъ Танѣ и брату приходитъ на мысль, что медвѣди взошли съ другой стороны и, быть можетъ, смотрятъ на нихъ сзади... Они оглядываются, и, дѣйствительно, передъ ними всего, быть можетъ, саженяхъ въ десяти стоятъ медвѣди и, вытянувшись, въ недоумѣніи, не рѣшаясь еще напасть, смотрятъ на нихъ, готовые броситься. У охотниковъ опустились руки; они видятъ, какъ блестятъ глаза медвѣдицы, они видятъ, какъ поднимается у нея на спинѣ шерсть, но у нихъ нѣтъ силы поднять ружья, они застыли отъ ужаса, отъ неожиданности...

Раздался страшный ревъ, медвѣдица стала на дыбы, медвѣжонокъ бросился назадъ... Тогда мать, быстро, неожиданно

повернувшись, скрылась за медвѣжонкомъ подъ скалу, оставивъ въ покоѣ прижавшихся другъ къ другу охотниковъ... Слышно было, какъ медвѣди ушли въ море. Стало совсѣмъ тихо. Но Таня долго не могла успокоиться и рыдала на груди своего брата...

Подъ самое утро еще приходилъ одинъ молодой медвѣдь, но онъ ихъ не замѣтилъ, не рѣшился подняться на скалу и долго, до самаго разсвѣта бродилъ около скалы, что-то нюхая и не давая заснуть утомленной, полузамершей и теперь равнодушной ко всему охотницѣ...

Утромъ охотники нашли подъ скалой, у самаго подъема, наповалъ убитаго медвѣдя: обѣ пули попали ему въ грудь, и смерть была моментальная.

Такъ закончилась эта памятная ночь, о которой Таня что-то не любитъ вспоминать и разсказывать.

Но этотъ случай, какъ можно было бы ожидать, не отбилъ у дѣвушки страсти къ охотѣ. Она все скоро забыла, страсть взяла верхъ, и вплоть до самаго моего отъѣзда съ острова (я прожилъ тамъ еще два года) мнѣ часто приходилось слышать, что кума моя попрежнему охотится, ѣздитъ за оленями, ловитъ въ капканы песцовъ, стрѣляетъ въ морѣ моржей, бѣлыхъ дельфиновъ и даже перещеголяла на охотѣ отца и брата.

Самоѣды просто удивляются ей и ужъ собираются сватать, но она ни за что не хочетъ мѣнять своей свободы и ружья на чумъ и котлы, и непремѣнно хочетъ остаться дѣвушкой и помогать старику-отцу поднимать на ноги ребятишекъ.

Въ послѣдній разъ я ее видѣлъ незадолго до своего отъѣзда. Она пріѣхала къ намъ одна-одинешенька съ берега Карскаго моря, гдѣ тогда зимовалъ ея отецъ. Это было, по крайней мѣрѣ, въ верстахъ полутораста.

Таня явилась не одна, а въ компаніи съ маленькимъ бѣлымъ медвѣжонкомъ, котораго она привезла живымъ, поймавши его гдѣ-то тамъ, въ берлогѣ, послѣ того, какъ они съ братомъ убили медвѣдицу.

Бѣлый кавалеръ сидѣлъ у нея за спиной на санкахъ, привязанный веревочкой, и что-то жалобно жаловался, вѣроятно, не привыкши кататься на санкахъ съ такой удалой красавицей.

Я сталъ ее разспрашивать про отца, про семью, про то, какъ они провели эту зиму, много ли убили бѣлыхъ медвѣдей, много ли словили бѣлыхъ песцовъ. Все оказалось хорошо: охотились они тамъ чудесно; зимой медвѣдей была пропасть, чуть не каждый день бродили они кругомъ зимовки. Иной разъ собаки спать не давали, гоняясь за ними, но было плохо одно, что ея отецъ боленъ и лежитъ вотъ

уже цѣлый мѣсяцъ, а маленькій ея любимецъ Костя, котораго она уже таскала на охоту, недавно умеръ, и его похоронили на берегу Карскаго моря...

Таня очень любила братишку, и теперь, вспомнивъ про него, заплакала...

Она погостила у насъ день, накормила собакъ, запаслась припасами. Я послалъ ея отцу лѣкарства, сказалъ, что унывать не надо, болѣзнь пройдетъ, все поправится, простился съ ней, и она, попрежнему веселая, беззаботная, выправила собакъ въ лямкахъ, крикнула на нихъ, сѣла въ санки и въ минуту скрылась за ближайшимъ мысомъ нашего залива.

Послѣ того мы уже съ ней не видались и, вѣроятно, больше и не увидимся; но, вспоминая ее, я часто вижу передъ собою худенькую, низенькую дѣвушку, съ смуглымъ, красивымъ личикомъ съ блестящими, черными, бойкими глазами, которая, можетъ быть, и теперь носится привольно по своей пустынной и дикой родинѣ на легкихъ саночкахъ, запряженныхъ веселыми мохнатыми собачками, съ привязаннымъ ружьемъ на боку...

САМОѢДЪ—НЕВОЛЯ.

ИЗЪ ЖИЗНИ САМОѢДОВЪ.

I.

Это было зимой 1888 года, въ первый годъ моей жизни на Новой Землѣ. Наша маленькая самоѣдская колонія переживала конецъ полярной ночи. Мы уже три мѣсяца, какъ проводили солнце, которое спустилось отъ насъ за горизонтъ и съ тѣхъ поръ было гдѣ-то тамъ, далеко, глубоко, посылая намъ изрѣдка слабый отблескъ свѣта въ полдень, какъ бываетъ рано утромъ, когда только забрезжитъ заря, зажигая облака слабымъ, розовымъ свѣтомъ.

То и другое, продолжаясь цѣлыхъ три мѣсяца, насъ мало радовало; всѣмъ было скучно безъ свѣта, всѣмъ было тяжело жить въ постоянныхъ сумеркахъ, не видя солнца, которое такъ грѣетъ, блеститъ, такъ оживляетъ, веселитъ все въ природѣ. Но особенно скучно было безъ него нашимъ ребятишкамъ: они давно ожидали его, давно скучали о немъ и каждый день бѣгали на ближайшую гору посмотрѣть, не показалось ли оно, не вышло ли изъ-за горизонта моря, гдѣ пылали теперь ежедневно красныя облака.

И каждый разъ, когда они возвращались оттуда, надо

было видѣть ихъ радость, надо было слышать ихъ оживленный разговоръ, увѣренность, что завтра непремѣнно покажется солнышко, что завтра они непремѣнно его увидятъ.

Однажды, возвратившись изъ такого путешествія на горку, они съ шумомъ ворвались въ колонію, говоря, что видѣли съ горы, какъ кто-то къ нимъ ѣдетъ по льду залива съ юга. Кто бы это могъ быть?!. Путешественники, матросы погибшаго судна? Мы давно уже не видали никого, и эта новость сразу поставила всѣхъ на ноги, и всѣ бросились во дворъ, на горку и, сбившись въ толпу, стали смотрѣть туда, куда указывали ребята, перебивая другъ друга.

Но на заливѣ, который терялся изъ вида между островами, никого не было видно.

— Быть можетъ, бѣлый медвѣдь?—спрашивали ребятъ.

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ,—мы видѣли, что-то чернѣлось.

Кто прикладывалъ руки къ глазамъ, кто смотрѣлъ въ кулакъ,—ничего не видно. Я послалъ самоѣда за зрительной трубой.

Пока бѣгали за ней, мы смотрѣли на просторъ нашего широкаго залива; тамъ кой-гдѣ чернѣли острова, лучился снѣгъ, и повсюду разстилалась одна ровная снѣжная равнина.

Но вотъ и трубка. Я быстро ее растянулъ по звеньямъ, сѣлъ на камень и сталъ наводить на дальніе острова, еще не зная, куда смотрѣть... Но вдругъ мнѣ закричали:

— „Вонъ, вонъ, около Дальняго, гдѣ крестикъ!..“ Я навожу на Дальній островъ, вижу, какъ весь въ снѣгу, послѣ вчерашней бури, стоитъ тамъ одиноко крестъ, но ничего больше не видно... Но вотъ что-то черное мелькнуло у меня въ стеклѣ, я навожу на него и вижу, что къ намъ на десяткѣ пестрыхъ собакъ ѣдетъ человѣкъ, весь закутанный въ мохнатый оленій совикъ съ длиннымъ тонкимъ шестомъ въ рукахъ, которымъ онъ помахиваетъ надъ тихо бѣгущими собаками.

Меня обступаютъ; я передаю то, что вижу: самоѣдъ, въ бѣломъ совикѣ, сидитъ на санкахъ... собаки пестрыя... са-

моѣдъ съ шестомъ... ѣдетъ къ намъ. Но этого недостаточно, всѣмъ хочется узнать,—кто ѣдетъ, откуда, къ кому въ гости; спрашиваютъ: какая передовая собака, которой онъ правитъ? не пестрый ли совикъ? нѣтъ ли бѣлой собаки?—и я, чтобы удовлетворить поскорѣе разгорѣвшееся любопытство самоѣдовъ, передаю имъ трубку, чтобы они смотрѣли и узнавали сами.

Но какъ они ни водили ею по заливу, какъ они ни упирались ею въ чернѣющую точку, которая тихонько, словно нарочно поддразнивая наше любопытство, двигалась къ намъ, не торопясь, никто не могъ узнать,—кто къ намъ ѣдетъ... Кто говорилъ, что это Ѳома, кто увѣрялъ, что это Сямдей; одинъ даже клялся, что непремѣнно долженъ быть его братъ, Логай...

Одинъ кинулся за ружьемъ, другой бросился поднимать на мачтѣ флагъ, затѣмъ вскорѣ раздались выстрѣлы, какъ вообще бываетъ, когда самоѣды встрѣчаютъ гостей; на мачтѣ заколыхался тихо флагъ, и мы пошли поскорѣе къ самому берегу, потому что рѣшительно невозможно было разсмотрѣть даже вблизи, хотя самоѣдъ и подъѣзжалъ уже къ нашей колоніи.

Собаки, сбитыя съ толку, не зная, куда смотрѣть, бѣжать, что видѣть, о чемъ кричатъ такъ ихъ хозяева, безтолково тявкнули; за ними подхватили другія и, вообразивъ, что на заливѣ бродитъ бѣлый медвѣдь, вдругъ всѣ бросились туда и съ громкимъ лаемъ понеслись къ островамъ, вытянувшись въ длинную шеренгу по снѣжной поверхности. Но вотъ они замѣтили гостя, съ лаемъ бросились въ его сторону, быстро добрались до него на заливѣ, окружили; видно было, какъ онѣ подскочили, было, драться съ его собаками, видно, какъ мелькнулъ его шестъ, и онѣ, отскочивъ прочь, побѣжали съ нимъ вмѣстѣ къ намъ торжественнымъ поѣздомъ.

Черезъ десять какихъ-нибудь минутъ, самоѣдъ шумно въѣхалъ на нашъ берегъ, быстро остановилъ собакъ, соскочилъ съ санокъ, воткнулъ свой шестъ въ снѣгъ и пошелъ къ намъ здороваться.

Нашъ гость оказался самоѣдомъ Вылкой; онъ зимовалъ эту зиму далеко отъ насъ, на одномъ мысу острова къ югу, и мы никакъ не ожидали, что онъ пріѣдетъ къ намъ. Онъ чинно, какъ гость, немного удивленный нашей встрѣчей, подошелъ къ намъ и поздоровался, и его вдругъ всѣ обступили и стали разспрашивать, здорова ли его мать, жена, дѣти. Женщины мигомъ бросились къ санкамъ, распеленали оленьи шкуры и вытащили оттуда небольшого мальчика, который, закутанный въ мѣха, въ бѣлой шапочкѣ, казалось, недоумѣвалъ, откуда взялось такъ много народа на его островѣ, и равнодушно принималъ поцѣлуи родни, которая не выпускала его изъ рукъ.

Я познакомился съ Вылкой и пригласилъ его съ дороги зайти ко мнѣ напиться чаю.

Черезъ полчаса гость сидѣлъ уже у меня вмѣстѣ со своимъ сыномъ,—Неволей. Онъ не сѣлъ на стулъ, а опустился прямо на полъ, какъ обыкновенно сидятъ дома самоѣды, и рядомъ съ нимъ, также подогнувъ подъ себя ноги, сѣлъ и маленькій самоѣдъ Неволя, котораго очень, повидимому, удивила обстановка моей комнаты.

Это былъ небольшой мальчикъ, лѣтъ пяти, съ кудрявой, черной головкой, съ бойкими, черными глазками, съ приплюснутымъ немного, какъ вообще у самоѣдовъ, носомъ; онъ одѣтъ былъ въ оленьи шкуры и такъ въ нихъ закупоренъ, что только видно было одно лицо. Къ его костюму для удобства и тепла были пришиты тутъ же шапка и пара рукавицъ. Въ такой же одеждѣ былъ и его молодой еще отецъ,—Вылка. Это былъ здоровый, смуглый самоѣдъ, съ кудрявыми волосами, живымъ, открытымъ лицомъ, немного краснымъ съ дороги отъ мороза.

Но всего больше меня удивила пара маленькихъ колокольчиковъ, которые были привязаны къ локтямъ Неволи. Я спросилъ Вылку: для чего у его сына эти колокольчики? Онъ мнѣ сказалъ, что это—украшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ—сигналъ,

если мальчикъ убѣжитъ за чумъ отъ матери, чтобы она могла слышать, гдѣ онъ. Они при каждомъ его движеніи побрякивали, и, видимо, Неволя гордился этимъ.

Его оленій костюмъ въ видѣ рубашки, внизъ шерстью, былъ весь изукрашенъ красными лентами по подолу, съ опушкой изъ песца. Его маленькія пимы *) изъ оленьей шкуры, пестрыя, полосатыя, были совсѣмъ, какъ у взрослаго самоѣда, и мы съ него не сводили глазъ, любуясь этимъ маленькимъ самоѣдомъ, который чинно сидѣлъ передъ нами на коврѣ, скромно посматривая на насъ черными глазками.

Имъ подали чай, поставили передъ ними подносъ съ лакомствами, вареньемъ, кренделями, пряниками, сластями, и Неволя съ удивленіемъ смотрѣлъ на все это, не видавъ ничего подобнаго на своемъ вѣку.

Мы поторопились его угостить; но онъ не хотѣлъ брать самъ, стѣсняясь; пришлось ему положить всего понемногу на колѣни, въ подолъ его красивой, расшитой малицы, и сдѣлать видъ, что мы имъ не заняты.

Скоро мы разговорились съ его отцомъ; онъ говорилъ немного по-русски, я зналъ немного по-самоѣдски, и намъ можно было бесѣдовать.

Онъ разсказалъ намъ, какъ зимуетъ на Гусиномъ мысу, гдѣ у него стоитъ небольшой самоѣдскій чумъ, въ видѣ конусообразной изъ шкуръ оленей палатки. Онъ живетъ тамъ вмѣстѣ съ женой, старушкой-матерью и парой, вотъ такихъ, какъ этотъ Неволя, ребятишекъ.

Онъ не скучаетъ, когда бываетъ тихій день, онъ ѣздитъ на собакахъ къ морю, бьетъ изъ ружья тюленей, моржей, случается даже—бѣлаго медвѣдя; изрѣдка ѣздитъ и въ горы бить дикаго оленя, ѣздитъ и въ чистую тундру, когда туда прилетаетъ множество гусей, благодаря обилію которыхъ и назвали его Гусинымъ мысомъ.

---

*) Пимы—сапоги.

Такъ какъ самоѣды на Новой Землѣ исключительно живутъ морскимъ промысломъ, то собравшихся ко мнѣ, по случаю пріѣзда гостя, самоѣдовъ нашей колоніи больше всего занимало количество его промысловъ: сколько онъ убилъ за эту зиму тюленей, сколько онъ перебилъ оленей въ горахъ, но главное,—сколько онъ добылъ бѣлыхъ медвѣдей, этихъ царьковъ полярныхъ странъ, которыхъ достать для каждаго самоѣда не только представляетъ своего рода выгоду, но и удовольствіе, что дѣлаетъ его героемъ, заставляетъ говорить другихъ объ его ловкости, удальствѣ, геройствѣ...

Оказалось, что тюленей Вылка перебилъ что-то около двухсотъ, оленями питался цѣлую зиму съ избыткомъ, бѣлыхъ медвѣдей убилъ четыре, и одинъ изъ нихъ самъ пришелъ къ нему въ гости, къ чуму, въ одно непогожее утро, когда онъ беззаботно сидѣлъ въ чумѣ и игралъ съ Неволей.

— Вдругъ,—разсказываетъ онъ,—залаяли на дворѣ собаки, высунулся я изъ дверей, а медвѣдь стоитъ передъ самымъ носомъ и нюхаетъ, въ чумъ хочетъ залѣзть... Совсѣмъ бы онъ къ намъ влѣзъ въ чумъ, если бы не собаки; бросились онѣ на него, окружили; тѣмъ временемъ я схватилъ ружье, зарядилъ его пулей, выскочилъ во дворъ и убилъ его тутъ же около чумовища, такъ что Неволя даже видѣлъ въ дырочку...

Мы спросили Неволю, видѣлъ ли онъ медвѣдя, но Неволя такъ занялся пряниками и конфетами, что, пожалуй, ему было уже не до медвѣдя, хотя отецъ намъ рекомендовалъ его страстнымъ охотникомъ и даже говорилъ, что сдѣлалъ ему лукъ для охоты.

Онъ рѣшительно не зналъ, какъ извлечь сладкое изъ моихъ конфетъ; то онъ сосалъ ихъ вмѣстѣ съ бумагой, кладя въ ротъ, то обмакивалъ въ горячія чай, ловилъ ихъ рукой, потомъ вытиралъ о свою кудрявую головку, то раскрывалъ ихъ, распечатывалъ и, казалось, дѣлалъ большое открытіе, совсѣмъ позабывъ насъ и всю обстановку.

И только порой, когда въ его ротъ, дѣйствительно, попадало сладкое безъ бумаги, онъ поднималъ свою голову и съ торжествомъ смотрѣлъ на насъ, словно недоумѣвая, какая сладость попала ему въ ротъ, не знавшій еще ничего сладкаго, кромѣ оленьей крови, которую самоѣды считаютъ первымъ лакомствомъ на свѣтѣ...

Мнѣ понравился этотъ мальчуганъ; нравились его бойкіе, смышленые, черные глаза, бѣленькое, блѣдное личико, темные вьющіеся волосы; его любилъ и отецъ, его ласкали и самоѣды, говоря, что „вотъ настоящій промышленникъ вырастетъ у нихъ на Новой Землѣ, всѣхъ бѣлыхъ медвѣдей перебьетъ“.

* * *

Неволя съ отцомъ погостили у насъ въ колоніи дней пять. Вылка не боялся подолгу оставлять жену съ сыномъ одну въ пустынѣ этого острова: самоѣды привыкли къ одиночеству, а стрѣлять она умѣла въ случаѣ, если придетъ къ нимъ, въ его отсутствіе, бѣлый медвѣдь. Неволя, со своей стороны, совсѣмъ, казалось, забылъ и мать, и чумъ, и брата Тыко, и не сходилъ съ рукъ ласковыхъ самоѣдовъ, которые обильно угощали его всевозможными лакомствами, начиная съ тюленьяго сала и кончая моими пряниками...

Мнѣ очень понравился Вылка; онъ родился на Уралѣ, переѣхалъ сюда лѣтъ семь, женился и теперь нарочно удалился въ сторону отъ самоѣдовъ, чтобы, живя одиноко на хорошемъ для промысловъ мысу острова, набить тамъ побольше тюленей и бѣлыхъ медвѣдей, продать ихъ, когда лѣтомъ пріѣдутъ сюда норвежцы и русскіе моряки, и вымѣнять у нихъ хорошее ружье, что было его первой мечтой въ ту пору.

Онъ былъ страстный охотникъ, съ восторгомъ говорилъ о поѣздкахъ въ горы, на море, о своихъ удачахъ въ охотѣ и непремѣнно звалъ меня къ себѣ погостить весной и посмотрѣть его Гусиную Землю.

Я съ удовольствіемъ согласился на это,—мнѣ хотѣлось провести весну въ подобномъ мѣстѣ, какъ Гусиная Земля, чтобы видѣтъ всю прелесть полярной весны, которая такъ славится прилетомъ птицъ и оживленіемъ моря и береговъ, и я просилъ его пріѣхать за мной черезъ четыре мѣсяца, когда будетъ потеплѣе.

Мы разстались съ нимъ друзьями, какими только могутъ быть охотники; Неволя, познакомившись со мной, получилъ подарки, лакомства; его снова увязали въ оленью шкуру, такъ что были видны только глаза да носъ, усадили въ передокъ санокъ, привязали, чтобы онъ не упалъ, и наши гости, сопровождаемые поклонами, пожеланіями, быстро скользнули на заливъ и понеслись къ югу, гдѣ уже ярко горѣли облака краснымъ свѣтомъ, обѣщая, что вотъ-вотъ покажется солнышко.

И вдругъ, въ то время, когда санки достигли перваго острова, на которомъ стоитъ крестъ, сквозь облака блеснули лучи, задрожали въ морозномъ воздухѣ, облили все кругомъ краснымъ свѣтомъ,—и крестъ, и санки самоѣда, и заливъ, и острова, и насъ, и горы позади насъ словно освѣтили бенгальскимъ огнемъ.

— Солнышко, солнышко!—закричали ребята.

Мы зажмурились отъ лучей и, видя, какъ показался край солнца, такъ и застыли въ восторгѣ, не зная, что дѣлать. Кто-то бросился за ружьемъ, чтобы привѣтствовать солнышко, раздались выстрѣлы, крики „ура“, дѣти захлопали въ ладоши, но солнышко, показавшись краешкомъ, тонкимъ, словно золотымъ краешкомъ, снова погрузилось за горизонтъ, и лучи потухли въ воздухѣ. Дѣти бросились, было, на крышу, на горку, но было уже поздно, оно ушло за горизонтъ, подаривъ насъ минутой-двумя своимъ свѣтомъ за три мѣсяца полярной ночи. Кто-то сказалъ, что это Неволя намъ привезъ солнышко съ юга.

2.

Черезъ четыре мѣсяца, въ маѣ, Вылка, дѣйствительно, пріѣхалъ за мною въ колонію и на этотъ разъ тоже съ Неволей, который никакъ не хотѣлъ остаться дома, зная, какъ хороши мои пряники. Онъ, со времени возвращенія отъ насъ, каждый день спрашивалъ отца, скоро ли онъ поѣдетъ за мной, скоро ли я привезу къ нимъ на Гусиный мысъ пряники? Онъ передавалъ столько новостей, столько подробностей обо мнѣ, о моей книгѣ, о нашей колоніи своей матери, бабушкѣ, такъ часто говорилъ про насъ, что, казалось, только о насъ и думалъ.

И вотъ Неволя снова у меня, на полу, на малицѣ, сидитъ весь красный отъ радости, что въ его подолѣ лежатъ и пряники, и сласти.

Вылка говоритъ, что у нихъ на югѣ тепло, что къ нимъ уже прилетѣли гуси, лебеди, появилась птица на морѣ, таетъ снѣгъ.

Я живо собрался въ путь, и черезъ день мы уже оставили колонію и двинулись въ путь на парѣ санокъ. Впереди ѣхали Вылка съ Неволей на восьми собакахъ, сзади — я съ проводникомъ.

Было тепло; солнце, которое четыре мѣсяца тому назадъ только что показалось на двѣ минуты, теперь совсѣмъ не сходило съ небосклона, снѣгъ быстро таялъ, и собаки, весело посматривая по сторонамъ, думая, что мы поѣхали на охоту, быстро бѣжали впередъ, потряхивая ушами, тявкая, готовыя пуститься вдаль, готовыя схватиться со звѣремъ.

Мы ѣдемъ по льду залива, рядомъ съ открытымъ моремъ, которое словно спитъ подъ лучами низкаго солнца. Снѣгъ блеститъ, лучится, льды отражаются въ водѣ; на водѣ показываются то голова тюленя, которому надо непремѣнно узнать, кто ѣдетъ по краю льда, то черные листики, утки, посвистывая намъ на дорогу, словно радуясь, что и онѣ

проводили страшную зиму, что и онѣ дождались весны, тепла, радостей. Эти черныя птички цѣлый годъ живутъ на Новой Землѣ, зимуютъ въ скалахъ и каждый разъ, когда человѣкъ появляется у воды, привѣтствуютъ его, то словно радуясь ему, то словно жалуясь ему, что такъ холодно, такъ темно на этомъ островѣ.

Наши санки легко и бойко скользятъ вдоль берега и моря, снѣгъ не хруститъ; передъ нами промелькнутъ то черная скала острова, то льдина моря, то цѣлая гора льду; порой къ намъ прилетитъ сѣрая чайка, полетаетъ надъ нами, покричитъ, тоже словно радуясь видѣть человѣка, и снова мы одни среди льдовъ широкаго залива моря; этотъ заливъ около тридцати верстъ шириной, и мы торопимся до утра проѣхать его, чтобы не поднялся вѣтеръ, не сломалъ ледъ и не унесъ насъ вмѣстѣ съ Неволей въ море.

Въ полночь солнце спустилось къ самому горизонту, прокатилось надъ нимъ въ видѣ громаднаго, красно-тусклаго шара и снова загорѣлось яркими лучами, облило все своимъ свѣтомъ и стало подниматься, напоминая путникамъ, что настало утро. Мы совсѣмъ не видали въ дорогѣ ночи, какъ она прошла. Неволя сладко спалъ на колѣняхъ отца, и когда мы, наконецъ, проѣхали заливъ, поднялись на берегъ острова и остановились отдохнуть и напиться чаю, то онъ спалъ такъ, что его положили мы на снѣгъ, на шкуры оленя, прикрыли, даже не подумавъ будить его къ чаю.

Мы живо собрали нѣсколько кусковъ выброшеннаго моремъ лѣса, развели костеръ на берегу и навѣсили чайникъ. Такъ какъ воды было взять негдѣ,—морская не годится, соленая,—то мы положили въ чайникъ снѣгу и въ виду моря и горъ стали пить чай, закусывая мерзлыми пирожками, захваченными въ дорогу.

Отдохнувъ, мы снова двинулись въ путь, но теперь уже не по льду залива, а по ровной низменности, которая назы-

вается Гусиной Землей, потому что лѣтомъ на ней бываетъ столько гусей, что они встрѣчаются здѣсь повсюду.

Даже теперь, ранней весной, мы видѣли ихъ по рѣдкимъ проталинамъ, гдѣ они бродили цѣлыми стадами, пощипывая жесткую прошлогоднюю траву, когда вездѣ лежалъ еще снѣгъ, и масса озеръ, гдѣ они живутъ лѣтомъ, еще не вытаяла изъ-подъ снѣга.

Одно стадо, завидѣвъ насъ, съ шумомъ и крикомъ пронеслось надъ нашими головами и разбудило Неволю. Онъ не зналъ, гдѣ онъ, что съ нимъ, изо всѣхъ силъ старался поскорѣе выпутаться изъ одѣяла, обернуться въ ту сторону, куда пролетѣли гуси, словно охваченный какою-то заботой. Стадо опустилось недалеко на снѣгъ, присѣло и, казалось, удивлялось, что видитъ въ этой пустынѣ человѣка.

Мы придержали собакъ, вынули поскорѣе ружья; Неволя, было, ухватился за ружье отца, прося выстрѣлить, но тотъ не далъ ему; мы прицѣлились и послали пару пуль къ сѣрымъ гостямъ острова. Одинъ какъ-то неловко повернулся и присѣлъ, стадо съ крикомъ поднялось на воздухъ и, оглашая его удивленными криками, понеслось куда-то дальше къ горамъ. Неволя бросился къ гусю, запнулся, упалъ; поднявшись, снова бросился къ нему, но, добѣжавъ до него, не смѣлъ его взять, хотя тотъ только вздрагивалъ еще въ предсмертныхъ судорогахъ, обливаясь алой кровью. Мы подошли, подняли его и отдали Неволѣ. Сѣрый гусь, вытянувъ шею, уже не шевелился. Неволя долго разсматривалъ его молча, держа въ рукахъ, какъ ребенка, затѣмъ гордо заявилъ отцу, что въ другой разъ онъ самъ будетъ стрѣлять и тоже убьетъ гуся, и что отецъ непремѣнно долженъ сдѣлать ему новый лукъ. Отецъ обѣщалъ, и мы возвратились къ собакамъ, которыя не меньше насъ радовались добычѣ; сгорая страстью, такъ и рвались къ Неволѣ, чтобы понюхать гуся, но Неволя положилъ гуся къ себѣ на колѣни въ санки и, казалось, не хотѣлъ съ нимъ разстаться до самаго чума.

До чума еще оставалось больше полсотни верстъ,—цѣлый день ѣзды.

Теперь дорога была еще разнообразнѣе, веселѣе, чѣмъ вчера. Мы постоянно встрѣчали что-нибудь интересное. То покажется песецъ на горкѣ, то прилетитъ и сядетъ неподалеку на камень сова, то пролетятъ стороной гуси, то покружится надъ нами сѣрая морская чайка.

Но особенно насъ занимали песцы, эти маленькія бѣлыя лисички, которыя повсюду бѣгали на виду, казалось, не замѣчая и не боясь насъ, какъ вообще всякій звѣрь и птица въ полярныхъ странахъ, не знающіе еще человѣка и его ружья.

Порой они даже лаяли на насъ, и тогда нашихъ собакъ рѣшительно нельзя было сдержать; онѣ рвались къ этому звѣрку, лаяли на него, сворачивали съ дороги и разъ даже понеслись за однимъ такъ, что мы едва ихъ остановили, чуть-чуть не вылетѣвъ изъ санокъ въ снѣгъ.

Разъ, только что мы спустились въ одну долинку, какъ вдругъ наши собаки поворотили въ сторону и понеслись къ горамъ, что-то почуявъ. Мы остановили ихъ, но онѣ рвались, взвизгивали, почуявъ звѣря, даже дрожали отъ страсти. Мы думали уже, что поблизости бродитъ бѣлый медвѣдь, схватили ружья, привязали собакъ, оставили караулить ихъ Неволю и бросились по тому направленію, куда смотрѣли, не сводя глазъ, и рвались собаки.

Но тамъ оказались олени. Ихъ было семь штукъ, и они безпечно бродили по голой, вытаявшей землѣ въ долинкѣ, всего отъ насъ въ ста саженяхъ, пощипывая траву. Мы возвратились къ Неволѣ, взяли его съ собой и пошли стрѣлять оленей. Недалеко отъ нихъ была небольшая пологая горка, мы зашли за нее, спрятались за камни и стали поджидать, когда къ намъ поближе подойдутъ олени, которые шли въ нашу сторону. Помѣстившись за камнемъ, мы посадили тутъ же Неволю и сказали, чтобы онъ не шевелился и молчалъ.

Но Неволя нашъ постоянно взмахивалъ руками, вертѣлся на мѣстѣ и выказывалъ столько охотничьихъ страстей, что мы покатились со смѣху. Онъ то приподнимался, то указывалъ, то командовалъ стрѣлять, то самъ просилъ ружье и, казалось, не могъ дождаться, когда звѣри подойдутъ на выстрѣлъ.

Но вотъ они подходятъ, вотъ ближе всѣхъ идетъ впереди крупный, сѣрый, съ рогами, самецъ, вотъ дальше идутъ прямо на насъ самки, вотъ выбѣжалъ совсѣмъ близко къ намъ сѣрый дѣтенышъ съ маленькими стоячими рожками. Въ это время Неволя не утерпѣлъ, пошевелился; маленькій олень замѣтилъ его, остановился и не сводилъ съ насъ глазъ. Была одна минута, когда мы думали, что все кончено: звѣрь догадается, услышитъ, замѣтитъ и убѣжитъ; но молодой олень не зналъ еще человѣка, смѣло пошелъ въ нашу сторону, за нимъ пошелъ старый самецъ, потянулись самки, ничего еще не догадываясь; мы прицѣлились, замерли, и вдругъ среди тишины грянули выстрѣлы, заклубился дымъ, и пара оленей повалилась на снѣгъ и забила ногами. Маленькій олень первый бросился въ горы, за нимъ понеслись другіе, мы послали имъ вдогонку еще по выстрѣлу, но пули перелетѣли ихъ и, ударившись въ снѣгъ, только подняли тамъ облачко пыли.

Неволя бросился, было, къ оленямъ, но мы его удержали,— они могли убить его рогами,—и подошли къ нимъ, когда они еще бились въ судорогахъ, окрашивая кровью бѣлый, лучистый снѣгъ.

Неволя съ удивленіемъ смотрѣлъ на животныхъ, которыя теперь безпомощно лежали на бѣломъ снѣгу.

Вылка живо снялъ съ нихъ теплыя шкуры, изъ которыхъ Неволѣ сдѣлаютъ потомъ малицу, шубу, вскрылъ желудокъ, и сталъ пить теплую кровь. Послѣ него припалъ къ ней Неволя, и когда онъ поднялся, я удивился, какъ онъ былъ весь вымаранъ кровью, начиная со лба, кончая подоломъ его

малицы. Онъ съ жадностью, какъ молоко, пилъ теплую кровь, какъ и его отецъ, ѣлъ сырое мясо, и я удивился вкусу дикарей, которые не могутъ жить безъ крови въ этомъ холодномъ краю.

Черезъ часъ мы сложили мясо оленей на санки, прикрыли его шкурами оленей и снова двинулись въ путь.

Около полудня, на берегу моря, у одной скалы мы встрѣтили свѣжіе слѣды бѣлаго медвѣдя. Онъ только что этой ночью, быть можетъ, передъ нами, поднялся на эту скалу, постоялъ на ней, побродилъ по берегу и снова спустился подъ берегъ, подъ скалу и ушелъ къ тѣмъ плавающимъ льдамъ, которые, словно острова, теперь бѣлѣли на тихомъ морѣ. Мы долго смотрѣли въ зрительную трубу, въ надеждѣ увидѣть этого царька полярныхъ странъ, но напрасно; на льду лежали только одни тюлени, моржи съ бѣлыми клюками, и сидѣли стада крикливой пестрой гаги, которая еще не вила на островахъ теплаго гнѣзда, изъ котораго самоѣды въ іюнѣ собираютъ теплый, легкій, замѣчательный пухъ.

Вечеромъ мы, наконецъ, замѣтили вдали дымокъ чумовища. Онъ, какъ точка, стоялъ среди бѣлой снѣжной равнины, и если бы не дымокъ, который тихо тянулся изъ него къ морю, то его трудно было бы замѣтить среди этой однообразной равнины и снѣга.

Черезъ часъ мы были у него. На нашъ шумъ, крики обрадованнаго Неволи, что онъ снова видитъ родное жилище, сначала выбѣжали собаки, потомъ показалась молодая женщина, и скоро мы остановились у чума и отдали Неволю его матери и бабушкѣ, которыя о немъ давно уже скучали.

Тутъ же я увидѣлъ и его брата, Тыко. Это былъ уже большой мальчикъ, лѣтъ семи, съ типичнымъ лицомъ самоѣда, въ широкой малицѣ, спокойный, какъ-будто уже взрослый мужчина. Онъ, не спѣша, поздоровался съ своимъ бра-

томъ, отцомъ, со мной, подавъ намъ руки, удивился нашему гусю, пощупалъ его, какъ онъ жиренъ, и принялся вмѣстѣ съ матерью выносить вещи.

Мы вошли въ чумъ. Тамъ уже горѣлъ костеръ посрединѣ, на немъ висѣли чайники для чаю, котлы для ужина, кругомъ его были постланы чистыя шкуры оленей, въ одномъ углу хранились припасы, одежда; вдоль стѣнъ было положены подушки, въ переднемъ углу висѣла икона, стояли ящички, висѣло ружье, и чумъ, освѣщенный яркимъ огнемъ очага, наполненный вверху дымомъ, казалось, топился, пропуская сквозь верхнее отверстіе и жерди густой, черный, удушливый дымъ, который ѣлъ глаза съ непривычки.

Меня посадили, какъ гостя, на почетное мѣсто, на правую сторону чума; на лѣвой сѣли женщины съ дѣтьми, рядомъ со мной помѣстился хозяинъ Вылка, передъ нами поставили низенькій столикъ, помѣстили на немъ чашки, я вынулъ кренделей, сахару, намъ налили чаю, и мы, весело разговаривая, разспрашивая, какъ жили однѣ женщины, ожидали ли насъ,—принялись за чай, какъ словно въ домѣ.

Оказалось, что насъ давно ожидали, что Тыка уже взбирался на ближайшую горку посмотрѣть, не видно ли насъ въ равнинѣ, что ночью къ нимъ къ чуму прибѣгалъ песецъ, страшно перепугалъ всѣхъ: думали, что пришелъ бѣлый медвѣдь, потому что собаки бросились на него, какъ на большого звѣря, и Неволя долго смѣялся, что они боятся безъ него бѣлаго медвѣдя.

Онъ теперь весь былъ погруженъ въ разсказы про дорогу, какъ мы видѣли гусей, песцовъ, какъ мы стрѣляли оленей, какъ онъ видѣлъ слѣды бѣлаго медвѣдя и, выгрузивъ изъ кармана сласти, дѣлился ими и съ Тыко, и съ бабушкой, и съ матерью, прямо засовывая имъ въ ротъ сласти и смотря потомъ, какъ они удивлялись, что такъ хороши, сладки эти лакомства. Онъ даже подѣлился сластями со щенкомъ, своимъ пріятелемъ. Послѣ чаю намъ подали

ужинъ. Это было вареное мясо оленя. Его сварили въ громадномъ котлѣ, вынули оттуда, положили въ длинную деревянную чашку, посолили и подали на столъ, предложили ѣсть одними ножами.

Неволя, Тыко, отецъ ихъ, всѣ вынули острые ножики изъ ноженъ, взяли по куску мяса и, захвативъ его зубами, начали рѣзать его у самыхъ губъ, проглатывая отрѣзанное. Это они такъ ловко дѣлали, что не задѣвали губъ лезвеемъ ножа, въ совершенствѣ владѣя этимъ искусствомъ дикарей.

Такъ же ѣла по другую сторону у другого стола мать Неволи; такъ же ѣлъ, глотая, и мой проводникъ; такъ же ѣлъ даже и маленькій Неволя, и только одна бабушка, не имѣя зубовъ, сосала мясо, какъ сосутъ его маленькія дѣти.

Послѣ мяса намъ дали щей, мы выпили ихъ по чашкѣ, и ужинъ самоѣдовъ кончился. У самоѣдовъ мало кушаньевъ, они не гонятся за лакомствомъ, десерта у нихъ нѣтъ. Были бы только сыты,—и ладно, но зато они никогда не страдаютъ зубами, всегда здоровы, крѣпки и сильны.

Послѣ ужина снова развели костеръ, нагрѣли имъ чумъ, закупорили его наглухо отъ холода, посидѣли немного, погрѣлись у костра и легли спать на мягкія оленьи шкуры. Неволю съ Тыко мать положила въ глубокій мѣховой мѣшокъ, туда же залѣзли и пара щенятъ, и чумъ погрузился въ сонъ.

Вечеръ смѣнился свѣтлой, тихой ночью; среди тишины раздавались гдѣ-то голоса лебедей, гусей, гдѣ-то далеко, слышно было, ревѣлъ песецъ голосомъ шакала; гдѣ-то шумѣли льды моря. Порой надъ чумомъ проносилось стадо гусей съ крикомъ, свистя крыльями. Тогда Неволя просыпался, схватывалъ свой старый лукъ, торопился съ нимъ во дворъ и черезъ минуту возвращался, говоря, что онъ убилъ гуся, даже звалъ насъ поднять его, что онъ хорошо видѣлъ, какъ онъ скрылся за горкой, падая раненый. Но мы увѣряли его, что завтра мы его принесемъ, и снова Неволю укладывали въ

мѣшокъ. Но въ эту ночь гуси, словно нарочно, пролетали мимо, будили насъ, и мы не разъ видѣли, какъ изъ мѣшка на другой сторонѣ чума показывалась заспанная голова Неволи, какъ онъ прислушивался къ крику гусей, какъ онъ со сна моргалъ глазами, копошился, чтобы достать лукъ, и какъ онъ быстро затѣмъ, къ нашему удивленію, исчезалъ снова въ мѣшкѣ, куда утаскивала его за ноги разбуженная нашимъ хохотомъ мать... Гуси не давали намъ спать цѣлую ночь, и только утромъ все стихло, и мы заснули крѣпкимъ сномъ.

3.

Я прожилъ цѣлый мѣсяцъ на Гусиномъ мысѣ, и этотъ мѣсяцъ мнѣ показался за недѣлю. Солнце, не заходя по суткамъ, быстро согрѣвало землю; показались проталины, побѣжали ручьи, пробудились рѣчки, вскрылся заливъ, ледъ несло въ море, запѣли жаворонки, закричалъ еще громче гусь; зашумѣло подъ берегомъ море. Я не могъ надивиться, какъ быстро здѣсь явилась весна, какъ мертвая тишина природы смѣнилась вдругъ жизнью, шумомъ, свѣтомъ, движеніемъ всего и повсюду...

Неволя съ братомъ цѣлые дни охотились. У нихъ были луки, съ которыми они постоянно бродили то по лужамъ, пугая куличковъ, то на проталинахъ, ползая за птичкой. Они прицѣливались, стрѣляли, но все неудачно: стрѣлы летѣли выше, ниже, кулички съ крикомъ перелетали на сажень дальше, они снова ползли по лужамъ въ азартѣ охотниковъ, снова выпускали стрѣлы и являлись потомъ въ чумъ съ такими грязными малицами, что мать приходила въ ужасъ. Порой, въ погонѣ за дичью, они уходили на берегъ скалы, подходили къ обрыву и глядѣли внизъ, гдѣ сидѣли пингвины, оглашая воздухъ пронзительными криками, такъ что нельзя было слышать другъ друга. Это было настоящее птичье царство, и дѣти подолгу оставались тамъ, сидя на обрывѣ скалы, слу-

шая, о чемъ гогочутъ пингвины, какъ они тучами слетаютъ съ гнѣздъ, какъ снова тучами садятся на нихъ, покрывая скалу блестящими спинкамм. Они не боялись дѣтей; на нихъ можно было надѣвать силочки, въ нихъ, сколько угодно, можно было стрѣлять, и только пущенный камень спугивалъ ихъ, и они сотнями бросались со скалъ, падали внизъ и летали потомъ надъ валунами. Оттуда они смотрѣли, какъ изъ-подо льда вылѣзаетъ въ заливѣ тюлень, какъ онъ оглядывается, долго смотритъ на солнце и потомъ, словно наскучивъ, вдругъ бросается на ледъ, растягивается, треплетъ себя по сѣрому брюшку. И только одно смущало ребятъ, что съ моря можетъ къ нимъ придти бѣлый медвѣдь, и стоитъ, бывало, лишь зашумѣть отъ прилива льду, застонать подъ берегомъ, какъ они въ ужасѣ удирали прочь со скалы и прибѣгали домой, въ чумъ, къ матери, увѣряя, что они слышали, какъ бродилъ бѣлый медвѣдь, какъ онъ подкрадывался и хотѣлъ ихъ съѣсть.

Мать была, пожалуй, рада такому случаю, потому что ее больше заботило то, чтобы они какъ-нибудь не упали подъ берегъ и не убились.

Порой мы брали котораго-нибудь съ собой на охоту, на море, въ горы. Больше это удовольствіе выпадало на долю Неволи, потому что онъ такъ ревѣлъ, провожая насъ каждый разъ, что хоть затыкай уши... Но онъ тотчасъ же умолкалъ, когда его брали за шиворотъ старой малицы, сажали на колѣни и везли съ собой на охоту.

Онъ нисколько не мѣшалъ намъ: онъ тихо сидѣлъ въ лодкѣ, тараща глазенки на нырявшаго тюленя, не моргалъ, когда раздавался выстрѣлъ, лѣзъ вонъ изъ лодки, когда мы подплывали къ убитому тюленю, хватался ручонками за его катры и даже успѣвалъ порой стрѣлять въ него изъ лука, увѣряя, что это не мы, а онъ убилъ тюленя... Мы, разумѣется, не спорили, и тюлень полностью шелъ въ его собственность... Онъ по цѣлымъ часамъ разглаживалъ его

брюшко, вытягивалъ ему длинные усы, любовался его черными круглыми глазками и даже засыпалъ, положивъ голову на его спину, пока не будилъ его новый выстрѣлъ.

Но больше всего его потѣшали гаги. Онъ лучше насъ видѣлъ ихъ крохотными глазами и, замѣтивъ стадо вдали, кричалъ намъ, что летятъ гаги. Мы начинали махать руками. Неволя—тоже; любопытныя птицы всѣмъ стадомъ поворачивали въ нашу сторону, быстро налетали на насъ. Неволя спускалъ свою стрѣлу, мы выпускали по выстрѣлу, и если падали птицы, то онъ непремѣнно заявлялъ тутъ же, что это онъ всѣхъ убилъ одной стрѣлой и торопился подобрать ихъ самъ изъ воды, склоняясь въ то время, когда мы держали его сзади за подолъ малицы...

Боже, сколько радости было у него, когда на его колѣняхъ лежали красивыя птицы, съ яркимъ опереніемъ, блестя разноцвѣтными перьями, какими ихъ украсила сѣверная природа!..

Охота кончалась обыкновенно тѣмъ, что онъ засыпалъ въ лодкѣ; мы выносили его вмѣстѣ съ птицей на ледъ, клали на санки, завертывали въ оленью шкуру и везли, какъ тюленя, въ чумъ, гдѣ его выносила мать и укладывала поскорѣе, чтобы онъ не разревѣлся, въ мѣховой мѣшокъ...

Въ непогожіе дни, когда нельзя было отправляться на охоту, мы всецѣло принадлежали Неволѣ и Тыко. Они не сходили съ нашихъ колѣнъ, позабывали тогда и бабушку, которая тщетно ихъ звала, чтобы они отогнали отъ нея наскучившихъ ей щенятъ, забывали и мать, которая любила въ свободное время класть ихъ кудрявыя головы къ себѣ на колѣни и искать тѣхъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыя ихъ больше всего мучили, забывали даже своихъ щенятъ, которые облизывали ихъ носы въ самый разгаръ игры...

Въ такіе дни они все время проводили въ нашемъ обществѣ, слѣдя за всѣмъ, что мы дѣлали. Чистили ли мы ружье, они уже вертѣли винтиками его, училъ ли я ихъ

отца грамотѣ, они уже глядѣли въ книгу, нашѣвая подъ носъ что-то въ родѣ складовъ; играли ли мы въ шашки, они тоже были тутъ и смотрѣли такъ внимательно, что можно было подумать, что они понимаютъ даже игру.

Неволя совсѣмъ привыкъ ко мнѣ и даже безъ спроса лазалъ въ карманъ за часами, чиканіе которыхъ ему такъ нравилось. Его старшій братъ, Тыко, былъ скромнѣе, держался уже взрослымъ самоѣдомъ и не такъ отдавался шалостямъ, какъ Неволя. Онъ никогда не ревѣлъ, молча ложился спать; молча вставалъ, скромно дожидался обѣда, чаю, не лѣзъ въ тоскѣ къ матери и отцу и не производилъ того безпорядка въ чумѣ, какой часто дѣлалъ Неволя. Неволя любилъ даже покапризничать и порой такъ ревѣлъ, что къ нему примѣнялось крайнее средство: его высаживали на дворъ, запирали двери, и онъ тамъ могъ воевать, сколько ему угодно... Высаженный на улицу, за чумъ, онъ тамъ визжалъ, подергивалъ ногами, звучно шлепая оленьими пимами, потомъ колотилъ чумъ палками, ползалъ около стѣнъ, затѣмъ стихалъ, гнѣвъ его быстро проходилъ на морозѣ, и смотришь, бывало, онъ уже тихонько ползетъ молча домой,—мы дѣлаемъ видъ, что его не замѣчаемъ, онъ пробирался за спину бабушки, ложился тамъ и засыпалъ, пока его соннаго не переносили и не укладывали въ мѣховой мѣшокъ...

Каждое утро, проснувшись рано, я заставалъ его вмѣстѣ съ Тыко сидящими передъ только-что разведеннымъ костромъ совсѣмъ голыми. Въ это время ихъ обыкновенно мыла мать, и я думаю, что это было самое непріятное для нихъ время. Ихъ мыли у самаго костра, равнодушно, не обращая вниманія на то, что они корчатся отъ холода, обливая ихъ теплой водой, намыливая имъ голову и обтирая древесными стружками, которыя замѣняютъ самоѣдамъ полотенце.

Въ другой разъ ихъ просто выносили на дворъ и натирали снѣгомъ... И это ихъ мало смущало и не особенно волновало,—они только корчились отъ холода и поскорѣе по-

томъ садились передъ костромъ, протягивая чуть не въ самое пламя свои ручонки... Я очень полюбилъ этихъ ребятъ и въ особенности Неволю, изъ котораго, видимо, долженъ былъ выйти хорошій, страстный охотникъ, отъ котораго, дѣйствительно, какъ говорили самоѣды, горе будетъ и бѣлымъ медвѣдямъ на Новой Землѣ...

Наконецъ, пора было ѣхать мнѣ въ колонію. Неволя сталъ невеселъ, ему жалко было меня, онъ сталъ проситься въ колонію, но его не брали, и онъ съ понятной тоской печально смотрѣлъ теперь на сборы, какъ выносили ящикъ, гдѣ давно уже не было сластей, какъ выносили ружья, какъ вышелъ я, чтобы сѣсть на санки... И я долго еще потомъ видѣлъ, оглядываясь назадъ, какъ два брата стояли на высокомъ сугробѣ около чума, провожая насъ глазами...

4.

Когда наступило лѣто, когда окончательно сошелъ снѣгъ, открылось море, растаяли льды, отецъ Неволи пригналъ изъ бухты къ берегу большую лодку, поставилъ на нее парусъ, прикрѣпилъ руль, сложилъ на дно ея шкуры и сало тюленей, положилъ туда весь свой промыселъ, домашнія вещи, уложилъ туда и кожаный чумъ съ жердями, перенесъ туда бабушку, переловилъ и притащилъ всѣхъ собакъ, посадилъ Неволю съ братомъ на средину лодки, поднялъ парусъ, простился съ пустымъ берегомъ и пустился въ море. Когда Неволя спросилъ отца, куда они ѣдутъ, тотъ сказалъ ему, что дальше къ сѣверу, въ одинъ проливъ, гдѣ больше, чѣмъ здѣсь, оленей, гусей, всякой птицы, и гдѣ постоянно ходятъ бѣлые медвѣди.

Неволѣ было рѣшительно все равно, куда бы отецъ ни ѣхалъ, и онъ отъ души былъ радъ, что они вышли въ море, настоящее море, гдѣ чуть-чуть только полоской тянется вдоль хъ пути берегъ, и совсѣмъ потонули въ водѣ горы.

Его не пугало море, онъ плавалъ раньше съ нами въ маленькой лодочкѣ, теперь же онъ ѣхалъ на большой, гдѣ можно было ползать отъ борта къ борту, отъ кормы къ носу; волны хотя были и большія, но онъ ихъ не боялся, и каждый разъ, когда синяя, сѣдая волна высоко вздымалась за кормой и словно хотѣла его поглотить, онъ только удивлялся, что она подхватывала лодку, какъ перышко, толкала впередъ и, прожурчавъ подъ бортомъ, съ пѣной убѣгала дальше, опуская ихъ съ своего гребня, какъ будто въ пропасть, такъ что онъ даже хватался ручонками за мать и бабушку.

Его брату тоже было весело, и они съ удивленіемъ смотрѣли, какъ надувался парусъ, какъ покачивалась мачта, какъ гнуло ее вѣтромъ въ водѣ, какъ плескались волны около бортовъ, и лодка, плавая, то поднималась на волны, то скатывалась съ нихъ такъ, что замиралъ духъ.

По временамъ надъ ними кружились сѣрыя большія чайки; по временамъ они видѣли голову тюленя, который любопытно глядѣлъ на нихъ, словно удивлялся, видя, что плыветъ что-то большое, темное, съ бѣлымъ перомъ наверху, и, подпустивъ ихъ близко, въ то время, когда Неволя уже торопился вытащить куда-то запрятанный лукъ, вдругъ нырялъ, скрывался въ водѣ, и снова передъ нимъ катились однѣ синія волны. Они ѣхали цѣлый день и цѣлую ночь. Отецъ Неволи молчалъ и правилъ рулемъ, мать задумчиво посматривала на волны, на далекіе берега, словно провожая что-то, а бабушка равнодушно спала, по временамъ лишь покашливая на носу лодки, куда порой заглядывала волна, бросая пѣну и брызги.

На другой день утромъ они встрѣтили на пути большое ледяное поле. Множество мелкихъ льдинъ плавало на тихой водѣ, и почти на каждой изъ нихъ то лежалъ тюлень, то сидѣли гаги, утки, то грѣлись на солнцѣ моржи.

Неволя никогда не видалъ столько звѣрей, и когда одинъ

моржъ замѣтилъ лодку и подплылъ къ ней, заглядывая въ нее, поднявъ надъ водой громадную голову съ длинными бѣлыми клыками, Неволя собрался уже плакать, но моржъ быстро исчезъ въ водѣ, и отецъ Неволи, боясь звѣрей, которые часто нападаютъ на моряковъ и топятъ ихъ лодки, разбивая послѣднія своими длинными клыками, поторопился своротить подальше отъ льда, и они благополучно пробѣжали ледяное поле мимо.

Вечеромъ на другой день они, наконецъ, зашли въ проливъ. Волна сразу стихла, снова показались близко горы,

берегъ, земля, снова они подъѣхали къ берегу, и всѣ были рады выйти изъ него, постоять на твердой землѣ, гдѣ словно все еще ихъ покачивало отъ долгаго передвиженья по морю.

Они пристали между двумя высокими горами, какихъ еще сроду не видалъ Неволя; на вершинахъ ихъ былъ снѣгъ, но между ними была долина, текла рѣчка, было тихо, тепло, даже росли цвѣты, и у самаго берега постоянно высовывались изъ воды тюлени и даже заходили за рыбой въ рѣчку. Пока Неволя съ братомъ осматривали новый берегъ, гдѣ они будутъ жить и зимовать этотъ годъ, отецъ загналъ лодку

въ рѣчку, вытащилъ имущество, поставилъ съ женою чумъ. Не прошло и двухъ часовъ, уже казалось, что они вѣчно жили здѣсь,—такъ какъ снова по-старому топился чумъ, по-старому бѣгали кругомъ собаки.

На этомъ низменномъ берегу, рядомъ съ проливомъ, я и нашелъ Неволю съ отцомъ осенью второго года, во время своего путешествія по острову.

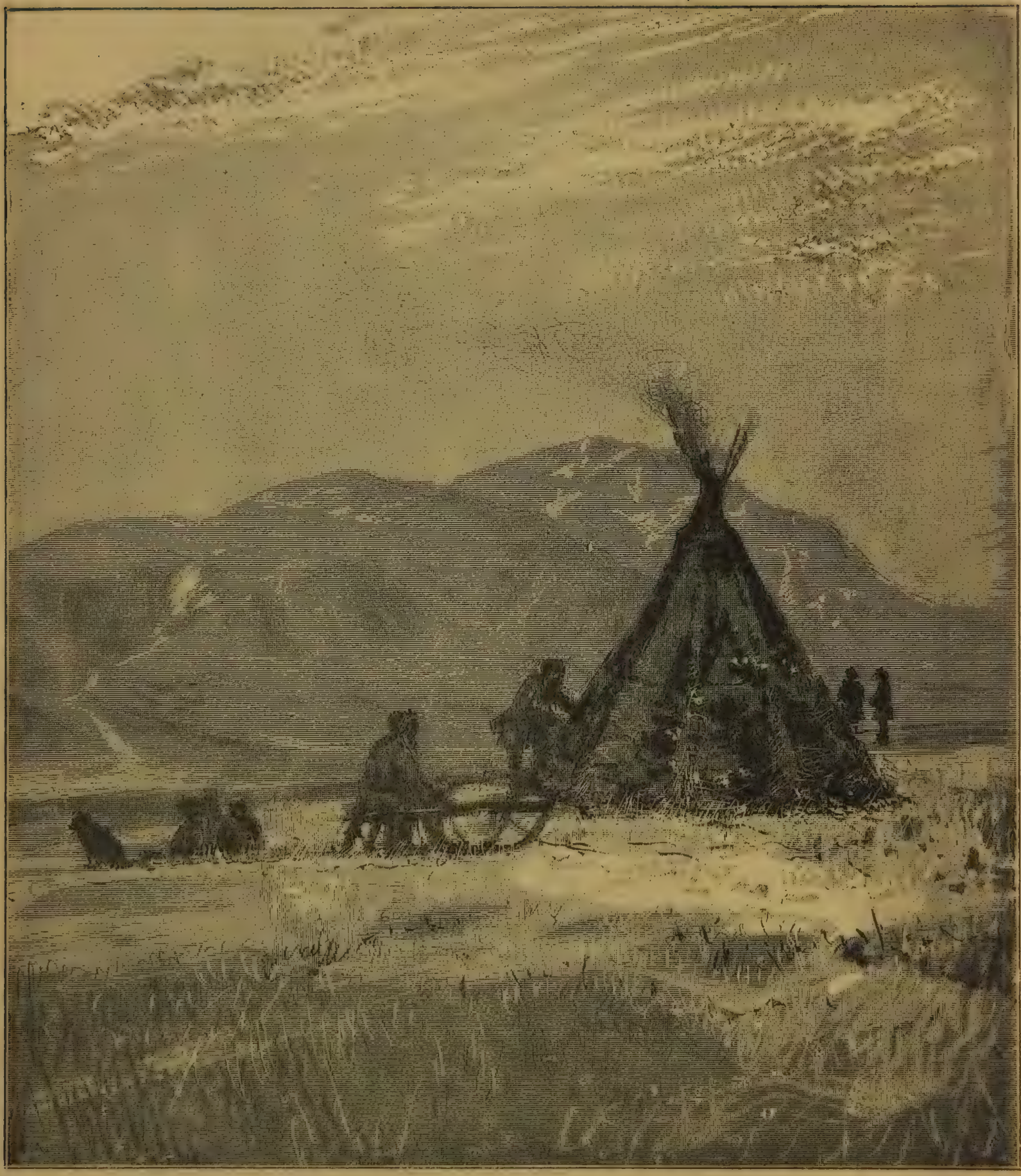
Было уже холодно, повсюду лежалъ снѣгъ, высокія горы тоже были въ снѣгу и казались еще выше; заливъ замерзалъ, на его водѣ уже не показывались тюлени, по берегу не бѣгали кулики, и было темно, скучно, не тянуло на воздухъ, хотѣлось сидѣть около огня, грѣться, потому что уже наступала темная пора, когда солнце скрывалось за горизонтомъ и наступали долгія, скучныя сумерки.

Я едва узналъ милыхъ ребятишекъ. Они были въ новыхъ пушистыхъ малицахъ, съ красной оторочкой по подолу, въ мохнатыхъ бѣлыхъ шапкахъ и рукавицахъ, окруженные бѣлымъ снѣгомъ, и, казалось, словно они побѣлѣли, съежившись отъ холода.

Боже, какъ они были рады мнѣ! Неволя давно уже спрашивалъ у отца, когда я пріѣду, привезу ли ему бѣлыхъ колачей, сахару, будемъ ли мы опять охотиться на морѣ?

Но теперь было уже не до охоты. Наступили морозы, подулъ съ горъ вѣтеръ, подняло въ воздухѣ снѣжную пыль; холодъ и снѣгъ загнали насъ въ чумъ, къ огню. Тамъ было по-старому весело. Посрединѣ чума горѣлъ огонь, кругомъ лежали шкуры оленей, на одной сторонѣ сидѣла мать Неволи, бабушка съ щенятами, на другой—мы съ отцомъ Неволи, Тыко и еще два самоѣда, которые пріѣхали зимовать вмѣстѣ съ нами.

Когда горѣлъ огонь, когда не было на дворѣ вѣтра, въ чумѣ было тихо и тепло. Онъ теперь кругомъ былъ обложенъ сугробами чуть не до самаго верха, и туда часто забирались собаки, чтобы посмотрѣть въ дымовую трубу, что



мы дѣлаемъ въ чумѣ. Это каждый разъ смѣшило до слезъ ребятишекъ, когда они вдругъ замѣчали сквозь дымъ наверху, откуда еще проникалъ къ намъ днемъ свѣтъ, спущенную внизъ голову собаки.

Каждую ночь къ намъ на берегъ пролива прибѣгали съ горъ бѣлые песцы. Здѣсь ихъ было очень много, и такъ какъ въ это время было нечего ѣсть, и они искали по берегамъ моря выброшенную рыбу, раковинъ, подбирали водоросли, то, заслышавъ запахъ тюленьяго сала, которое мы жгли вмѣсто свѣчей, постоянно старались подбѣгать къ намъ ближе, чтобы посмотрѣть, нельзя ли воспользоваться чѣмъ-нибудь съѣдобнымъ. Это были маленькія, веселыя бѣлыя лисички съ острыми ушами, пушистымъ хвостомъ и настолько смѣлыя, что даже порой ночью забѣгали въ самый чумъ, гдѣ вдругъ поднимали всѣхъ нашихъ собакъ на ноги; собаки бросались за ними гурьбой въ погоню, и можно было подумать, что къ намъ пришелъ бѣлый медвѣдь, такой онѣ поднимали шумъ, гоняясь за этими бѣлыми звѣрками.

Однажды днемъ, отправившись по слѣду одной такой лисички, я скоро на косогорѣ нашелъ ея нору. Она даже не думала отъ меня скрываться и, казалось, равнодушно посматривала на меня, не видавъ никогда еще человѣка, когда я тихо подкрадывался къ ея норѣ, думая завладѣть ею живой. Она сидѣла въ снѣжной норѣ и слѣдила за каждымъ моимъ движеніемъ. Я думалъ, что она скроется потомъ въ норѣ глубже, но когда подошелъ къ ней ближе, то оказалось, что нора была всего въ аршинъ. Загородивъ ее полой, я просунулъ руку и безъ борьбы захватилъ за шиворотъ звѣрка. Когда я его вытащилъ изъ норы, онъ съ такимъ же любопытствомъ разсматривалъ меня, какъ и я его, даже не думая на меня сердиться за то, что я его такъ безцеремонно вытащилъ изъ спѣга.

Боже, какъ были рады ребятишки, когда я его принесъ живымъ въ чумъ и пустилъ на полъ! Онъ сначала не зналъ,

куда броситься, но потомъ, разсмотрѣвъ, что кругомъ сидятъ люди, поскакалъ въ передній уголъ и скоро устроился тамъ въ углу, на какомъ-то мѣшкѣ, такъ что его было видно всѣмъ во всякую минуту. Онъ нисколько не боялся насъ, ходилъ по нашей одеждѣ, когда мы лежали, пробирался къ котлу, чтобы получить кусочекъ мяса, путешествовалъ по нашимъ спинамъ, когда мы отъ нечего дѣлать играли въ шашки, но ни за что не хотѣлъ выбраться на улицу, боясь страшно собакъ, когда порой онѣ входили въ чумъ со двора, чтобы погрѣться въ непогоду. Казалось даже, что онъ былъ доволенъ, что такъ удобно устроился на зиму, что ему не нужно было ночами бѣгать вдоль берега искать пищу, голодать, лежать въ непогоду въ снѣгу, скрываться отъ непріятелей. Онъ даже подружился съ щенятами бабушки, и такъ какъ былъ самъ молодъ, то такъ порой забавлялся съ ними, возясь, какъ собачка, что Неволя подпрыгивалъ отъ радости.

Но радостей у Неволи было теперь мало. Гусь уже не пролеталъ ночами надъ чумомъ, кулички уже не бѣгали по берегу, море застыло, на дворѣ было холодно, и только порой ребятишки въ тихій день выходили на дворъ и катались съ сугробовъ, но и это удовольствіе было часто немыслимо, такъ какъ вдругъ поднималась непогода, задували вѣтры, поднимался буранъ, и въ темномъ воздухѣ становилось мрачно, страшно, и раздавался вой и шумъ вихрей.

Грустно было въ такіе дни. Чумъ словно замиралъ; всѣ молчали, работа не шла на умъ; собаки гурьбой со стономъ забирались къ намъ въ чумъ; становилось холодно, душно, огонь нельзя было разводить, по чуму пробѣгали вихри, бросали въ лицо снѣгъ, онъ шуршалъ по стѣнамъ, моросилъ, что осенній дождь, всюду, засыпая насъ съ ногъ до головы. Всѣ ложились подъ одѣяла, старались заснуть, проспать эту непогоду, спрятаться отъ нея, чтобы не слышать этого воя, который надрывалъ душу, схорониться отъ этого свиста вѣтра, который встряхивалъ жилище, обсыпалъ снѣ-

гомъ, засыпалъ его больше и больше до самаго верха, такъ что нельзя было и думать выйти на улицу. И такъ порой продолжалось по нѣскольку дней.

Въ такіе дни дѣти словно таяли. Неволя совсѣмъ поблѣднѣлъ, сталъ прихварывать, сдѣлался капризнымъ и чаще сталъ плакать, не зная самъ, что ему нужно. Еще молчаливѣе, сосредоточеннѣе сталъ Тыко.

Но проходила погода, наставали тихіе дни, ясныя ночи, вспыхивало на сѣверѣ сѣверное сіяніе, и мы подолгу лежали тогда на сугробахъ снѣга, наблюдая за этимъ чуднымъ небеснымъ явленіемъ. Тогда на сугробъ приходили дѣти, женщины, даже бабушка вылѣзала изъ чума, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ копоти сальнаго ночника, и мы наслаждались необыкновеннымъ зрѣлищемъ, приводившимъ Неволю въ восторгъ.

Передъ нами на чистомъ, ясномъ, звѣздномъ небѣ вдругъ вставали цѣлыя облака, загорались розовымъ, синимъ, желтымъ свѣтомъ, таяли, колыхались; передъ нами вдругъ появлялась широкая лента, перекидывалась съ востока на западъ, загоралась яркими лучами, вспыхивала, колыхаясь, завиваясь, отбрасывала лучи, столбы, и все небо, казалось, шевелилось, двигалось, то обливая насъ розовымъ, синимъ свѣтомъ, то снова погружая въ сумракъ, то снова освѣщая передъ нами горы, льды, море, острова, нашъ чумъ, словно въ какой-то волшебной сказкѣ... Страшно было тогда: казалось, что-то странное таится въ воздухѣ, и даже собаки и тѣ пугливо прятались отъ этого двигающагося свѣта, точно боясь, что этотъ колыхающійся въ воздухѣ свѣтъ коснется земли, обожжетъ ее, уничтожитъ совсѣмъ... Неволя прижимался къ матери, къ отцу и не смѣлъ проронить слова.

Но это было недолго. На другой день снова начиналась непогода, и еще пуще злился вѣтеръ, еще пуще насъ заносило снѣгомъ, еще сильнѣе ревѣлъ вѣтеръ, встряхивая нашъ

чумъ такъ, что мы боялись, что онъ унесетъ его, и насъ заморозитъ на открытомъ воздухѣ. Но снѣгъ, сугробы спасали насъ, и мы снова отлеживались отъ пурги, чтобы завтра, послѣ-завтра снова переживать другую, третью бури, и такъ всю зиму.

Дѣти страдали больше всѣхъ. Неволя окончательно поблѣднѣлъ, захирѣлъ, на его личикѣ уже не было прежняго румянца, онъ словно задумался, словно потерялъ что-то и все больше и больше молчалъ, капризничалъ и меньше принималъ пищу. Его не соблазняли уже и мои колачи.

— О чемъ ты скучаешь, Неволя?—спросятъ его.

— О солнышкѣ,—скажетъ онъ и заплачетъ.

Мы всѣ скучали о солнышкѣ: оно уже полтора мѣсяца, какъ скрылось, ушло отъ насъ за горизонтъ, за горы, и нужно ждать еще столько же времени, чтобы оно снова появилось, чтобы снова насталъ свѣтъ, день, и исчезли вѣчныя сумерки и злые бураны.

Оно снилось даже ребятамъ, и однажды Тыко, проснувшись утромъ, съ восторгомъ разсказывалъ намъ, что онъ видѣлъ во снѣ солнышко, что оно взошло изъ-за горы, что оно грѣло его лучами, что оно щекотало его лицо, что онъ вотъ такъ закрывался отъ него ладонями рукъ, и онъ протянулъ ручонки къ окну, спрятался за нихъ, словно, дѣйствительно, онъ прятался отъ солнышка... Неволя съ радостью смотрѣлъ на брата, завидовалъ ему, что тотъ видѣлъ солнышко и, ложась вечеромъ спать, спрашивалъ мать, увидитъ ли онъ сегодня солнышко ночью, и утромъ всталъ пасмурный, невеселый и заплакалъ, говоря, что не видѣлъ солнышка.

Тогда я успокоилъ его, сказавъ, что сегодня вечеромъ, когда будетъ онъ ложиться спать, я ему непремѣнно покажу солнышко. Онъ повѣрилъ и съ какимъ нетерпѣніемъ онъ дожидался вечера, чтобы видѣть солнце...

Вечеромъ я досталъ ленту магнія, которую употреблялъ

для фотографіи, и когда погасили огонь, и всѣ легли спать, я вдругъ зажегъ ее, и чумъ освѣтился сильнымъ, яркимъ свѣтомъ. Песецъ, задравъ хвостъ, бросился въ свой уголъ, собаки соскочили въ ужасѣ съ мѣстъ, послышался смѣхъ, хохотъ, чумъ освѣтился до мельчайшей вещицы, всѣ зажмурились отъ свѣта. Неволя прикрылся даже ручонкой, какъ отъ настоящаго солнышка, и я видѣлъ, какъ онъ былъ радъ, вдругъ перемѣнился, засмѣялся, расхохотался, и когда погасла лента, онъ долго еще разсказывалъ всѣмъ, какъ было хорошо, свѣтло, какъ испугался песецъ, какъ попрятались собаки, и заснулъ въ надеждѣ, что онъ увидитъ этотъ свѣтъ и завтра, и послѣзавтра.

Въ половинѣ зимы я покинулъ Неволю, уѣхалъ въ колонію, сказавъ ему, чтобы онъ не тосковалъ, что я привезу ему скоро солнышко, настоящее красное солнышко.

Но нашъ Неволя не дождался его.

Когда я пріѣхалъ потомъ, Неволи уже не было,—онъ умеръ.

Бѣдный, онъ не могъ дождаться ни меня, ни солнышка. Говорятъ, онъ сильно скучалъ послѣ того, какъ я уѣхалъ; каждый день спрашивалъ, скоро ли я пріѣду, скоро ли покажется солнышко, будетъ тепло, прилетятъ кулички, закричатъ надъ чумомъ гуси, зажурчатъ ручьи, откроется море? Отецъ ему сдѣлалъ и новый лукъ, настрогалъ и новыхъ стрѣлъ съ перышками, но ничто уже его не занимало. Онъ таялъ съ каждымъ днемъ, похудѣлъ, осунулся, сталъ жаловаться на то, что болитъ грудка, что холодно рукамъ, ногамъ, сталъ кашлять, пересталъ ѣсть, пересталъ даже плакать, жаловаться, наконецъ, слегъ, и однажды ночью его нашли мертвымъ въ постелькѣ.

Страшный сонъ видѣла въ эту ночь бабушка.

Видитъ она, что сквозь чумъ въ трубу спускается къ нимъ большая желѣзная цѣпь. Спустилась она, обвила Неволю и потащила его, голенькаго, кверху... Видитъ она, та-

щитъ его, тащитъ тихонько, словно украсть у нихъ хочетъ; а онъ спитъ, прижалъ головку къ плечу, закрылъ глазки, ручки скрестилъ на груди... Жалко стало бабушкѣ его, испугалась она, страшно ей стало, пробудилась она и закричала на весь чумъ...

Страшно перепугались всѣ, вскочили, добыли огня, спрашиваютъ:

— Что съ тобой, бабушка, здорова ли ты?

— Ой, говоритъ,—бѣда, худой сонъ видѣла, живъ ли Неволя?

Бросились къ Неволѣ,—онъ былъ уже мертвъ.—Прижалъ головку къ плечику, весь бѣлый, холодный, уже не шевелится...

Заплакали тогда всѣ въ чумѣ, заплакала его мать, заплакалъ отецъ, заплакалъ Тыко, заплакала бабушка, взвыли собаки на дворѣ, и такъ страшно стало въ чумѣ, такъ страшно, что хоть бѣги вонъ...

И разсказала бабушка тогда сонъ, и еще стало страшнѣе...

Что дѣлать? Вымыли Неволю теплой водой, одѣли въ бѣлый совичекъ, надѣли на него бѣлую шапочку, пимики, рукавчики, положили въ передній уголъ, затеплили свѣчку, помолились, поплакали и, когда разсвѣло, понесли его на ближайшій мысокъ хоронить. Земля была мерзлая, снѣгу много, копать могилку было нельзя, подумали и положили Неволю въ снѣгъ, въ сугробъ, чтобы послѣ весной схоронить его, какъ слѣдуетъ.

Узнали про это песцы, и стали они ночью бѣгать къ Неволѣ рыться, чтобы съѣсть его съ голода. Но не удалось это имъ: отецъ Неволи каждый день утромъ ходилъ на мысокъ, и закапывалъ то, что они вырывали, а потомъ догадался, поставилъ капканъ и словилъ ихъ.

Опять настала весна, опять выглянуло солнышко, снова стало свѣтло, снова прилетѣлъ и кричалъ ночами гусь, но уже не было у насъ Неволи съ лукомъ.

Его схоронили на морскомъ мысѣ, на высокомъ каменномъ мысѣ, около котораго плескалось море, около котораго постоянно носились взадъ и впередъ льды. На этомъ мысѣ каждый годъ гнѣздились пѣночки, и одна изъ нихъ свила въ камняхъ его могилы себѣ гнѣздо, и каждый разъ, когда мы приходили туда, каждый разъ, когда мы съ Вылкой ѣхали на лодочкѣ мимо на охоту за гагами, тюленемъ, мы слышали, какъ жаворонокъ звонко пѣлъ свою грустную пѣсню, сидя на его крестѣ. И, слушая его, отецъ Неволи утиралъ кулакомъ слезы, говоря, какъ жаль, что нѣтъ съ нами Неволи, чтобы ловить за катры тюленей, чтобы подбирать подстрѣленныхъ гагъ, чтобы, сидя съ ними на колѣняхъ, качаясь съ ними на морѣ, засыпать потомъ счастливымъ, довольнымъ въ лодкѣ...

И мы вспомнили про желѣзную цѣпь... Эта полярная ночь унесла у насъ Неволю.

СЕМКА-ЯМЩИКЪ.

(Изъ дорожныхъ картинокъ).

Это было въ дорогѣ, зимой, въ Сибири.

Стояла лютая, морозная ночь. Мы, сидя въ легонькой кошевкѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали, когда кончится эта долгая станція, и покажется веселый, красный огонекъ въ ближнемъ селѣ. Лошадей едва было видно, такъ запушило намъ снѣгомъ глаза. Ямщикъ въ своей мохнатой громадной ягѣ казался какимъ-то чудовищемъ при лунномъ свѣтѣ. Колокольчики, казалось, замерзали, такъ какъ порой совсѣмъ переставали брякать, и только ровный лунный свѣтъ да безконечное снѣжное поле кругомъ, съ березовыми веселыми рощами, залитыми снѣгомъ и серебромъ инея, немного развлекали глазъ, рисуя фантастическія картины, благодаря особенно возбужденному ночью воображенію.

Морозъ не давалъ спать. Ямщика надоѣло безпокоить вопросомъ: скоро ли станція? Въ шубу пробирался холодъ. Носъ пощипывало, и мы уже хотѣли снова забраться подъ бѣлую громадную кошму, гдѣ хоть и скучно сидѣть, зато тепло и спокойно, какъ вдругъ экипажъ куда-то скатился, лошади бросились и понесли такъ, что замолкъ совсѣмъ колокольчикъ...

Мы откидываемся назадъ и видимъ,—на горѣ, на обрывистомъ берегу, мигаетъ огнями село,—вонъ и храмъ. Слава Богу, мы пріѣхали! Ямщикъ лихо вкатываетъ на гору; въѣзжаетъ въ узкую улицу; ѣдетъ мимо бѣлаго, каменнаго храма; проѣзжаетъ среди лавокъ, гдѣ бываютъ торжки; сворачиваетъ въ проулокъ, и мы очутились у деревяннаго дома,—крестьянской сибирской избы,—и вотъ въѣзжаемъ въ старыя тесовыя ворота.

Во дворѣ тихо. Стоятъ возки съ поднятыми оглоблями. Ямщикъ стучитъ въ ставень кнутомъ; изъ избы слышится женскій голосъ; черезъ минуту звякнула щеколда, скрипнула дверь,—мы спѣшимъ поскорѣе въ избу, гдѣ уже блеснулъ огонекъ сквозь ставень.

Входимъ въ сѣни, ищемъ ощупью дверную скобу, тянемъ за нее изо всей силы, но дверь примерзла. Кто-то бѣжитъ по избѣ къ дверямъ, толкаетъ ногой, дверь распахивается, и мы стоимъ лицомъ къ лицу со старушкой, которая привѣтливо приглашаетъ насъ зайти обогрѣться, притворяя за нами плотнѣе дверь.

— Прикажете, баринъ, самоварчикъ согрѣть?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, спасибо, бабушка, надо ѣхать...

— Въ морозъ-то такой? Господи, да какая вамъ, баринъ, охота ѣхать?.. Холодъ, ночь...

— Что, бабушка, дѣлать, если нужно...

— Такъ, значитъ, будить ямщиковъ-то, запрягать?..— спрашиваетъ она, накидывая душегрѣйку на плечи.— Пойти старика разбудить сначала...

Она уходитъ.

Мы остаемся одни въ комнатѣ. Комнатка чистая, съ половиками; въ переднемъ углу образа; въ простѣнкѣ—зеркальце съ картинками отъ дешевыхъ конфетъ; чья-то фотографическая карточка съ солдатами; на перегородкѣ, что загородила чуланчикъ, рядъ дешевыхъ картинъ со Страшнымъ Судомъ въ се-

рединѣ; тутъ же виситъ вышитое полотенце, на гвоздикѣ; а вдоль стѣнъ—широкія, чистыя, выкрашенныя лавки со столомъ, подъ красной скатертью, въ переднемъ углу подъ образами. Въ углу, у дверей, подъ синимъ ситцевымъ пологомъ—кровать, тамъ кто-то спитъ, легонько похрапывая, рядомъ на лавкѣ—тоже, но кто, не видно, а виденъ только одинъ старенькій овчинный полушубокъ, которымъ прикрытъ человѣкъ, поджавшій отъ холода ноги. Онъ тоже посвистываетъ носомъ и такъ сладко спитъ, что и намъ приходитъ на мысль: не завалиться ли на широкую лавку до утра? Но мысль, что старушка уже будитъ ямщиковъ, что весь домъ уже́ на ногахъ по случаю нашего пріѣзда, останавливаетъ отъ этого соблазна, и мы смотримъ на часы, чтобы узнать, сколько времени.

Четыре часа утра. Часа черезъ три будетъ свѣтъ, спать уже теперь поздно.

Дверь снова кто-то дергаетъ изо всей мочи; мы идемъ помочь, какъ намъ недавно помогла отворить ее бабушка, но дверь уже отворяютъ безъ насъ, и въ комнату, вмѣстѣ съ облакомъ пара, входитъ къ ягѣ старый ямщикъ и начинаетъ сдирать съ усовъ ледъ, бросая его въ уголъ у печки.

— Что, замерзъ?—спрашиваемъ.

— Какъ нашему брату, ямщику, баринъ, не замерзнуть, весь на облучкѣ...

— На вотъ тебѣ на водку,—подаемъ ему двугривенный.

— Покорно благодаримъ.

И онъ, взявъ монету красной отъ мороза рукой, зажалъ ее въ горсти, словно она могла его согрѣть.

Въ комнату входитъ бабушка. Она была въ избѣ черезъ сѣни, и слѣдомъ за ней оттуда вышелъ кто-то съ большимъ деревяннымъ фонаремъ и пошелъ на дворъ.

— Насилу добудилась старика, такъ разоспался на печкѣ-то... насилу снарядила...—говоритъ она за перегородку.

— А что, развѣ Никиты-то нѣтъ дома, что самого будишь?—спрашиваетъ ямщикъ.

— По сѣно уѣхали съ работникомъ, думаемъ, что ночью пріѣдетъ!..—проговорила старуха за перегородкой,—кошева-то своя?

— Барина.

— Пару?

— Пару, на парѣ привезъ, — отвѣчаетъ утвердительно ямщикъ.

— Земскій али за прогонъ?

— За прогонъ.

Старуха оживилась и бросилась снова изъ комнаты въ сѣни на дворъ.

— Захлопотала...—разсмѣялся ямщикъ.

— А что?—спрашиваемъ.

— Какъ же, баринъ, за прогоны, кому тоже копейка не нужна въ нашемъ мѣстѣ, тоже дни, недѣли ждешь такого случая... Бѣдность...—закончилъ онъ и сталъ надѣвать рукавицы, и вышелъ распрягать лошадей...

Мы снова остались одни въ комнатѣ; снова наступила тишина; снова слышны только свистъ носовъ съ лавки и легкое похрапываніе съ кровати изъ-подъ полога. И эти звуки такъ и нагоняютъ сонъ въ этой тишинѣ теплой комнаты, которая и сама нагоняетъ его своей уютностью и теплотой.

Проходитъ нѣсколько минутъ. Мы уже начинаемъ незамѣтно для себя дремать, сидя на лавкѣ, какъ снова дверь со скрипомъ отворяется, и въ комнату съ облакомъ холоднаго пара входитъ въ душегрѣйкѣ старушка. Она замерзла. Отъ нея вѣетъ холодомъ; она мнетъ худыя, старыя руки, но ей некогда грѣться, и она подходитъ къ лавкѣ, гдѣ кто-то спитъ, поджавъ ноги, подъ старымъ, нагольнымъ бараньимъ полушубкомъ, и, дотронувшись рукой, начинаетъ будить за плечо.

— Сема... Семочка... Семенъ... Сенька...

Сенька не ворочается.

— Сема... Сенечка... Семенъ... Проснись... Повозка прибѣжала...

Сема не слышитъ.

Старушка снимаетъ съ него полу барaньяго полушубка, и мы видимъ лицо Семы съ лохматыми, бѣлокурыми разбросанными волосами.

— Сема... Семочка... Семенъ... Семенъ...—говоритъ старушка уже строгимъ голосомъ.

Семенъ не издаетъ ни звука.

Она снимаетъ съ него верхнюю одежду: мы видимъ теперь худенькое дѣтское плечо, раскрытый воротъ пестрядинной рубахи и прижатыя къ груди руки.

Холодъ будитъ парнишку; онъ ежится и старается натянуть на себя полушубокъ, шаритъ ручонкой; но напрасно, и снова ежится и сопитъ носомъ.

Но бабушка не отстаетъ; она наклоняется къ нему, то ласково треплетъ его бѣлокурые волосы, то настойчиво третъ его худенькое плечо.

— Сема... Семочка... Сеня... Семенъ...

Семенъ что-то мычитъ и потягивается.

— Сема... Сенечка... Семенъ... Повозка прибѣжала... Помоги старику-то запречь... Когда онъ... Едва ходитъ... Сема... Сенечка... Семенъ...

Парень начинаетъ пробуждаться. Не знаемъ, что на него больше подѣйствовало,—ласковыя ли слова бабушки, или „повозка“, но онъ начинаетъ страшно царапать свою лохматую голову обѣими руками и садится при помощи бабушки на голую лавку, на которой, безъ всякой подстилки, спалъ.

Бабушка продолжаетъ его будить.

— Сема, вставай... Помоги дѣдушкѣ-то... Онъ когда... Выведи лошадей-то... Карька-то ему не поймать...

Сема сидитъ и мотается изъ стороны въ сторону спросонья.

— Сема... Семенъ,—начинаетъ снова бабушка, потрясая парнишку лѣтъ десяти, ноги котораго едва достаютъ до пола. — Сема... Помоги дѣдушкѣ-то... Не поймать ему

Карька-то... Повозка сверху прибѣжала... Торопятъ... За прогоны...

Парень что-то мычитъ и снова валится на лавку.

— Господи, Боже мой,—взмолилась старуха,—разбудить не можно... Вставай, говорю, парень, докуда спать-то, вставай...—и снова начинаетъ его тормошить.

Парень просыпается окончательно и садится на лавку, почесывая уже спину. Въ немъ пробудился интересъ къ повозкѣ.

— Сверху, говоришь, за прогоны?—спрашиваетъ онъ недѣтскимъ голосомъ, продолжая чесаться неимовѣрно...

— Сверху, Сема, за прогоны... Торопятъ... помоги дѣдушкѣ-то, ему не словить Карька-то, еще лягнетъ...

Старушка оживилась, стоя передъ парнемъ.

— Пошто лягнетъ? Развѣ онъ лягается! Сивуха лягаться любитъ... Енъ никогда...—вступаетъ парень въ разговоры, все еще не переставая чесать спину; но бабушка теперь уже не слушаетъ его, она лѣзетъ на печку, достаетъ ему валенки, онучи, онъ навертываетъ онучи на ноги; напяливаетъ большія пимы, надѣваетъ полушубокъ и, не успѣвъ еще протереть окончательно глазъ, съ торопливостью хозяина спѣшитъ къ дѣдушкѣ на помощь.

Бабушка уходитъ за нимъ, торопливо вздыхая, И мы снова въ тишинѣ комнаты, гдѣ только кто-то похрапываетъ еще за пологомъ кровати.

Проходитъ четверть часа. Спать хочется страшно. Тишина и тепло убаюкиваютъ.

Слышно, какъ кто-то ходитъ изъ избы въ сѣни. Наконецъ, является въ комнату бабушка и докладываетъ, что лошади готовы. Мы уплачиваемъ ей прогоны по пятачку за версту; она старательно ихъ пересчитываетъ и кладетъ въ крашеный сундукъ, который съ звономъ, трескомъ, бряцаньемъ закрывается тяжелой крышкой и запирается замкомъ.

Мы надѣваемъ шубу, надѣваемъ поплотнѣе шапку, захватываемъ перчатки и, попрощавшись со старушкой, которая

намъ пожелала счастливой дороги, оглядываемся еще разъ въ комнатѣ, чтобы чего не забыть, какъ это часто бываетъ, и выходимъ на дворъ, гдѣ кто-то бродитъ около повозочки съ фонаремъ въ рукахъ.

Это, оказывается, дѣдушка,—старый-престарый, дряхлый старикъ, который запрягъ уже лошадей гусемъ, растворилъ ворота и теперь выправляетъ вожжи одной рукой, что-то ворча на коренного Карька.

Мы усаживаемся. Старуха утыкаетъ съ боковъ полость, дрожа отъ холода въ своей душегрѣйкѣ; старикъ свѣтитъ ей; она говоритъ, что прогоны получены, и дѣло только за ямщикомъ.

— Кто же повезетъ?—спрашиваю я.

— А Сенька, кому больше?—отвѣчаетъ старуха.

— Да справится ли онъ съ лошадьми?.. Какъ бы гдѣ-нибудь съ нимъ не разнесли,—говорю я, поглядывая на бойкихъ круглыхъ лошадокъ, которыя оглядываются на насъ.

— Сенька-то?—спрашиваетъ старикъ, — онъ повозки важивалъ, баринъ. Онъ, небойсь, не вывалитъ, онъ шустрый, даромъ, что малышъ.

При этихъ словахъ съ крыльца спускается въ ягѣ парень. Онь весь въ шерсти, на рукахъ громадныя отцовскія рукавицы, яга подпоясана, черезъ шею—красный гарусный шарфъ, и, вдобавокъ ко всему, воротникъ такъ окутанъ бабушкиной шалью, что и носа не видно... Дѣдушка подаетъ ему длинный кнутъ; подсаживаетъ его на козлы; бабушка ведетъ передовую лошадь за ограду, и мы летимъ по селу, проѣзжаемъ улицу и на поворотѣ въ проулокъ, на глазахъ тѣхъ же стариковъ, которые только что хвалили парня, вываливаемся въ снѣгъ...

— Стой,—кричу я,—стой!

Парень летитъ съ козелъ кувыркомъ съ кнутомъ; лошади останавливаются поперекъ дороги, и мы, валяясь въ снѣгу, выпустили все тепло, что набрали въ комнатѣ; слышимъ, что къ намъ бѣгутъ старики, охая и ругая передовую, которая стала поперекъ дороги, перепутавъ упряжь.

Въ минуту порядокъ былъ установленъ. Старики молчатъ.

Парень храбро лѣзетъ снова на козлы, ругая и дьяволомъ, и лѣшимъ передовую лошадь, которая рванула на поворотѣ; старики снова направляютъ насъ и, крикнувъ что-то намъ вдогонку, остаются позади съ фонаремъ.

Мы выѣзжаемъ въ поле и начинаемъ нырять по сугробамъ и ухабамъ сибирскаго тракта.

Сема оказывается, дѣйствительно, заправскимъ ямщикомъ: лошади его слушаются; экипажъ только покрякиваетъ въ ныркахъ и ухабахъ, едва не сбрасывая ямщика, хлыстъ только свиститъ и треплется въ воздухѣ; мы безпрестанно слышимъ:— „эй, ой, э-эй, оооой, у-уй, голуби, ну-ко, эй-ты, э-эй!“ — и мальчикъ, не переставая, то стонетъ, то ухаетъ, то кричитъ, то словно плачетъ, какъ-будто мы вязнемъ въ этихъ сугробахъ, проваливаемся подъ ледъ рѣки, застреваемъ въ снѣгу, валимся въ ухабы, вываливаемся въ снѣгъ, словно за нами гонится цѣлое стадо волковъ, словно мы погибаемъ среди снѣжной, гладкой пустыни, одни съ этой парой добрыхъ лошадокъ, которыя не перестаютъ скакать вмахъ, которыя не перестаютъ цѣлыя версты нестись быстрою рысью, пущенныя сразу на всю станцію однимъ махомъ... И Сема, взлѣзая въ ныркахъ, въ ухабахъ, только держится за передокъ, только постоянно подбираетъ свѣсившіяся ноги, которыя порой просто торчатъ у него кверху, когда онъ валится внизъ головой вмѣстѣ съ навалившимся экипажемъ въ ныркахъ и ухабахъ.

И эта бѣшеная сибирская ѣзда, эта пара „гусемъ“ по дорогѣ, эти колокольчики, этотъ ямщикъ въ ягѣ, съ аршинъ величины, на козлахъ, эта снѣжная поляна, этотъ клочокъ лѣса по пути, въ сторонѣ у самой дороги, весь въ инеѣ, эта закатывающаяся красная луна, эти мерцающія звѣзды—кажутся такъ намъ характерными для Сибири, что мы долго любуемся ими, подъ вліяніемъ быстрой ѣзды, постояннаго движенія, которое согрѣваетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, убаюкиваетъ. Сна нѣтъ; глазъ ищетъ что-то новое и скользитъ по дорогѣ, встрѣчая

каждую пеструю версту съ цифрами, каждую вѣху изъ растрепанной соломы, радуясь каждому лѣску, и воображеніе вмѣстѣ съ полусумракомъ зимняго утра, съ тѣнями березъ, уже рисуетъ по опушкамъ таинственную фигуру волка, который любитъ выходить подъ утро, голодный, на дорогу.

Волкъ—это самое обыкновенное явленіе въ лунную, свѣтлую ночь и утромъ по дорогамъ Сибири. Онъ не боится ни обозовъ, ни повозокъ, ни крика ямщика, ни уханья и звона колокольчиковъ... И мнѣ, какъ страстному охотнику, приходитъ на мысль спросить ямщика, часто ли видятъ здѣсь по дорогамъ волка?

Я кричу ему; онъ придерживаетъ лошадей и черезъ плечо оборачивается къ намъ съ кнутомъ въ рукавицѣ.

— Волковъ?—спрашиваетъ онъ,—куда они дѣнутся, проклятые, я еще онамеднись видѣлъ пару. Ѣду это обратно изъ Мишкиной, а они сидятъ на дорогѣ. Такъ-таки, проклятые, и сидятъ посреди дороги, ни туда своротить нельзя, ни въ другую сторону... А Пѣгашка это былъ въ корню, такъ ушами и прядетъ, такъ и фыркаетъ, даже Сивуху и ту испугалъ, несуразный. Чего дѣлать? А деревня далеко... Вижу,—сидятъ. Ухаю,—сидятъ. Кричу,—сидятъ... Стучу кнутикомъ въ передокъ,—сидятъ... Страшно стало... Стою на одномъ мѣстѣ, не смѣю ѣхать, а они сидятъ, этакъ въ гонахъ двухъ, проклятые, чтобъ имъ провалиться, словно застыли...

— А ты бы на нихъ ухнулъ,—говорю ему.

— Поди-ка, ухни, они тебѣ и заскочатъ въ кошеву-то... Въ запрошломъ году, вѣдь, такъ заскочили тоже къ Гришкѣ Кочкину; тоже ѣхалъ обратникомъ со станціи.

— Ну, и что же?—спрашиваю.

— Что? Съѣли парня-то... Лошади прибѣжали домой, стоятъ у воротъ, ржутъ; вышли бабы поить коровъ утромъ, а въ кошевѣ только лохмотья отъ полушубка остались... Чего парня?—въ Жеребенковой такъ мужика чуть-чуть не заѣли такъ же...

— Ну, что же, какъ же ты-то проѣхалъ тогда?

— Какъ проѣхалъ? А мужики спереди наѣхали, волки-то и ушли съ дороги. Какъ это я пустилъ послѣ того Пѣганка, послѣ перепугу-то,—такъ онъ такъ зачесалъ по дорогѣ-то, что даже кобыла, какъ ужъ лѣнива была, и та лягаться стала: бѣжитъ да взлягиватъ, бѣжитъ да взлягиватъ... Сколько смѣху было... Волковъ это у насъ—пропасть зимой, такъ по хлѣвамъ и ходятъ: гдѣ свинью уведутъ за уши въ лѣсъ, гдѣ овечку, гдѣ барана задавятъ. Онамеднись теленка безъ малаго во дворѣ задавили; вышли утромъ бабы во дворъ, а онъ ужъ безъ бока лежитъ... Это они черезъ огородъ зашли... Какъ еще до овецъ не добрались да до курицъ,— тутъ же во хлѣву были.

— Да развѣ они ѣдятъ курицъ?

— Курицъ? Да они кого не лопаютъ? Осенью этой гусей какъ начнутъ давить, такъ только подбирай на утро перья...

— Что же ты не боишься ѣздить такъ одинъ со станціи?—спрашиваю.

— Чего бояться? Вѣдь, народъ ѣдетъ... Ежели что, угнать можно, вотъ лѣтомъ оно хуже!..

— Что?

— Бродяги пугаютъ. Бродяга, онъ хоть тебя и не тронетъ, а перепугаетъ—страсть. Ѣдешь это ночью по тракту, задумаешься, а онъ вдругъ и всталъ изъ канавы, весь черный, худой...

— Что же онъ тебѣ сдѣлаетъ?

— А хлѣба проситъ, а то подвезти. Подвозимъ, да только все же боязно: кто его знаетъ, что у него на умѣ, вдругъ тряхнетъ... Отобралъ, что есть, да и въ лѣсъ. Много у насъ этого народа лѣтомъ ходитъ, деревни жгутъ, бабъ пугаютъ...

Мы заговорились долгонько; лошади перестали слушаться; Сема сталъ замерзать.

Хлыстъ снова завилялъ въ воздухѣ; снова раздались охи,

ухи, эхи; „голуби“ подхватили, и мы, снова захваченные ихъ быстрымъ бѣгомъ, понеслись вдоль пути, оставляя позади вѣхи и версты.

Я долго еще смотрѣлъ на поля, занесенныя снѣгомъ, на группы березъ, на вѣхи, на красную, огромную луну, долго еще слушалъ, какъ стоналъ, вылъ, ухалъ, кричалъ, свисталъ, гикалъ всѣми голосами парень, шевеля въ воздухѣ сумеречнаго утра кнутомъ и мелькая ногами въ ухабахъ, долго смотрѣлъ, какъ его подбрасываетъ на передкѣ, какъ скачетъ пристяжная впереди коренника по дорогѣ, какъ трясется дуга, какъ заливаются колокольчики, и мнѣ показалось, что мы не ѣдемъ, а несемся куда-то по этой снѣжной равнинѣ, что насъ преслѣдуетъ цѣлая стая волковъ, что самъ ужасъ гонится позади кошевки; и эта дикая, бѣшеная скачка цѣлыя версты, десятки верстъ, по ухабамъ, съ гикомъ, свистомъ, уханьемъ, стономъ, снѣжной пылью, наконецъ, такъ запушила мнѣ рѣсницы, такъ закутала лицо, что я уже ничего не видѣлъ.

Ухабы сбили меня съ сидѣнья; я сползъ подъ кошму; закрылся ею, и скоро картины дороги и скрипъ полозьевъ съ крикомъ ямщика смѣшались съ березами, березы—съ бродягами и волками, волки со старикомъ и старухой, старуха—съ фонаремъ, и я заснулъ сладкимъ утреннимъ сномъ.

Что было дорогой, я не знаю, потому что пробудился уже, когда было свѣтло и пара лошадей, тяжело переводя боками, стояла у воротъ какого-то дома; а Сема, весь въ инеѣ и въ снѣгу, съ кнутомъ за опояской, отворялъ ворота.

Станція. Мы проѣхали тридцать пять верстъ. На дворѣ сѣренькое зимнее утро. Пора пить чай. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, и я спѣшу въ избу и приказываю молодухѣ поскорѣе поставить самоварчикъ.

Черезъ пять минутъ, уже разоблачившись, въ новомъ полушубкѣ, отороченномъ тюленемъ, съ красной опояской, входитъ ко мнѣ въ комнату Сема. У него приглажены волосы;

но руки еще красны и холодны. Онъ скромно останавливается у порога и грѣетъ у печки руки, засунувъ ихъ въ печурочку.

— На водку пришелъ просить?

— На водку,—ухмыляется онъ.

— Развѣ ты пьешь?

Парень, видимо, не знаетъ, что отвѣтить, чтобы не лишиться подачки.

— Ну, вотъ тебѣ,—я подаю ему четвертакъ;—что ты на него купишь?

— Пимы, ишь, эти сносились,—и онъ показалъ пятку, вывернувъ ее ко мнѣ, откуда, дѣйствительно, торчала солома съ онучей.

Я удивился, что парень такъ проѣхалъ тридцать пять верстъ по такому морозу.

— Что же тебѣ отецъ не заводитъ?

— Гдѣ ему завести на всѣхъ,—насъ много... Я вотъ и полушубокъ, и опояску завелъ себѣ самъ: какъ прибѣжитъ повозка съ прогонами, я и ѣду, ужъ безъ меня никто...

— И давно ты ѣздишь?

— Съ восьмого года.

— Весь годъ такъ и ѣздишь?

— Весь: и осенью, и весной въ распуту, а про зиму и лѣто уже нечего и говорить.

— А въ школу когда ходишь? Школа у васъ есть?

— Есть, да я не хожу; некогда, по хозяйству...

— Какъ же ты безъ грамоты?

— А у Ѳеньки учусь, она учится, вечерами когда учитъ...

— И читаешь?

— Какъ же,—гордо сказалъ парень,—и читаю, и пишу. Ничего не уходитъ!

И онъ при этихъ словахъ съ достоинствомъ взрослаго человѣка, зарабатывающаго себѣ хлѣбъ, откинулъ полу новенькаго овчиннаго полушубка, залѣзъ въ карманъ плисовыхъ

шароваръ, вытащилъ оттуда кисетъ съ деньгами и, развязавъ его, съ серіознымъ лицомъ, опустилъ туда новенькую монетку и, попрощавшись, вышелъ въ другую избу пить чай.

Черезъ часъ, когда я покидалъ эту станцію, онъ проводилъ меня и голосомъ уже взрослаго мужчины проговорилъ мнѣ на дорогу:

— Прощайте, баринъ, напередки къ намъ—милости просимъ, отвеземъ—одно почтенье...

ПЕРВЫЯ ЖЕРТВЫ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Не знаю, было ли мнѣ и восемь лѣтъ, когда я въ первый разъ въ жизни убилъ живую птицу, сталъ охотникомъ, но я прекрасно помню всѣ свои шаги на этомъ поприщѣ. Собственно говоря, я ощутилъ эту страсть еще годомъ или даже двумя раньше, когда къ намъ въ гости пріѣзжалъ откуда-то издалека, изъ Сибири, дядя съ молодой женой и громаднымъ бойкимъ псомъ, который больше остался въ моей памяти, чѣмъ самъ дядя съ молодой моей теткой. Это былъ громадный песъ рыжеватой масти, съ постоянно виляющимъ хвостомъ и слюнами на мордѣ. Онъ безотлучно состоялъ при особѣ моего дяди и даже спалъ съ нимъ, ложась въ ногахъ. Я никакъ сначала не понималъ, за что его такъ любятъ, тогда какъ нашъ Катышко вѣчно, зимой и лѣтомъ, живетъ на улицѣ и ѣстъ кости. Но когда мой дядя показалъ мнѣ ружье, дробь и порохъ и взялъ меня съ собой прогуляться на ближайшее болото, когда я вдругъ увидалъ, какъ песъ при видѣ ружья запрыгалъ по комнатѣ, бросаясь то на грудь дяди, то къ дверямъ, готовый даже выскочить черезъ окно на улицу; когда онъ шустро, весь измѣнившись, съ серіознымъ видомъ пошелъ по болоту въ темные камыши и, нюхая по слѣду, выгналъ оттуда на чистую

воду пару утокъ, и когда затѣмъ раздался оглушительный выстрѣлъ, и по берегу разлетѣлся дымъ съ искрами, и заговорили эхомъ темные камыши,—тогда я узналъ, что это незамѣнимый на охотѣ товарищъ. А когда Полканъ поплылъ за трепещущей уткой, схватилъ ее въ громадную пасть поперекъ, вынесъ на берегъ, принесъ ее и положилъ къ ногамъ моего дяди, который въ это время, какъ ни въ чемъ не бывало, забивалъ шомполомъ ружье,—я былъ въ такомъ восторгѣ отъ собаки, что уже не разставался съ нею до самаго отъѣзда дяди, и, помню, прощался съ нимъ горячѣе, чѣмъ даже съ дядей и теткой.

У моего отца было ружье, старое солдатское, шомпольное ружье, которое постоянно висѣло, какъ я помню, на страхъ ворамъ, на гвоздѣ въ кухнѣ, хотя и не было никогда заряженнымъ, и никто изъ домашнихъ не бралъ его въ руки. Я на него до пріѣзда дяди никогда не засматривался, но съ отъѣздомъ его оно такъ стало привлекать мое вниманіе, что разъ я даже досталъ его съ гвоздя, хотя это и было для меня едва-едва возможно. Меня застала съ этимъ ружьемъ въ кухнѣ мать и дала такой подзатыльникъ, что я сразу потерялъ всякое желаніе имъ интересоваться въ присутствіи матери, и только порой, когда не было ни ея, ни отца дома, или когда они спали послѣ обѣда, я просилъ работника показать мнѣ ружье и снять его съ полки. Такъ какъ всѣ работники, всѣ до одного, какіе у насъ перебывали, были постоянно моими друзьями и учителями, то они снимали его и показывали: и курокъ, и дуло, и шомполъ, и ложе, и объясняли, какъ стрѣлять, и даже учили прикладываться и цѣлиться въ стряпку Агафью, которая страшно, однако, боялась ружья и все грозила на меня пожаловаться. Но я былъ такъ же увѣренъ въ ней, кааъ въ работникахъ,—что она ни отцу, ни матери объ этомъ не скажетъ.

А когда они мнѣ показали, какъ славно хлопаетъ пистонъ, то я былъ въ страшномъ восторгѣ отъ такой неопасной, на

мой взглядъ, забавы, что даже сталъ тихонько таскать копейки лавочнику, который и давалъ мнѣ на нихъ по десятку пистоновъ. Эти пистоны я тайкомъ показывалъ работнику, и когда было безопасно, мы уносили ружье во флигель, и тамъ я палилъ такъ, что просто любо было...

Обучившись такимъ образомъ стрѣльбѣ, я рѣшилъ примѣнить мои знанія къ дѣлу. Это было мудренѣе: дома нельзя было стрѣлять, а унести ружье куда-нибудь на огороды,— сейчасъ пожалуются сосѣди, которые и такъ на меня постоянно жаловались отцу, что я лазаю по ихъ огородамъ. Я задумалъ другимъ способомъ овладѣть ружьемъ.

Случай скоро представился. Меня за шалости рѣшили отправить гостить на недѣльку къ бабушкѣ и къ теткѣ въ сосѣднее село; когда запрягли Карька, отца не было дома, мать была чѣмъ-то занята, и я, немного думая, тайкомъ даже отъ Агафьи, стащилъ съ гвоздя ружье, спряталъ его въ сѣно и благополучно поѣхалъ въ гости, запасшись на случай и деньгами.

Бабушкѣ, старой вдовѣ-попадьѣ, я сразу заявилъ, что я охотникъ; она хотя и удивилась новой моей страсти, но такъ была рада моему пріѣзду, что не обратила на это особеннаго вниманія, полагая, что мнѣ уже дозволено держать въ рукахъ ружье, а тетка даже погладила меня по головѣ и выразила радость, что я угощу ихъ уточкой.

Я горячо пообѣщалъ, увѣренный, что убью непремѣнно утку, и едва дождался слѣдующаго утра, какъ взялся уже за ружье, рѣшивъ сдѣлать предварительно опытъ.

Прежде всего нужно было добыть порохъ и дробь, но это оказалось небольшимъ затрудненіемъ: у меня скоро явился сотрудникъ въ лицѣ деревенскаго мальчика, моего сверстника, который повелъ меня подъ гору, въ лавочку къ вдовѣ Лукерьѣ. Лукерья съ удовольствіемъ отпустила мнѣ полъ-осмушки пороха и полфунта дроби за нѣсколько пятаковъ. Дѣло было, какъ говорится, въ шляпѣ.

Захвативъ ружье, мы отправились на паскотину *); тамъ я зарядилъ ружье, и такъ какъ боялся еще, чтобы оно не ударило такъ же громко, какъ у дяди, то въ видѣ опыта положилъ въ него всего одну щепотку пороху и три дробинки... Когда все было приготовлено, я поставилъ кирпичъ, прицѣлился въ него и, отвернувшись передъ тѣмъ, какъ нажать спускъ, выстрѣлилъ. Но эффекта, какого я ожидалъ, не получилось: зарядъ былъ настолько малъ, что даже не выкатились дробинки. Тогда я увеличилъ зарядъ втрое,—раздался такой выстрѣлъ, который вполнѣ удовлетворилъ меня громкимъ эхомъ за церковью, переполошившимъ тамъ всѣхъ галокъ, которыя стаей закружились въ воздухѣ.

Я былъ отъ этого въ такомъ восторгѣ, что, казалось, сдѣлалъ Богъ знаетъ какое важное открытіе.

Теперь дѣло наладилось, и не прошло и полчаса, какъ мы разстрѣляли весь порохъ и дробь съ моимъ сверстникомъ въ полосатыхъ пестрядинныхъ штанахъ и такой же рубахѣ, босикомъ и безъ шапки,—и достигли съ нимъ такого результата, что разъ даже свалили съ мѣста кирпичъ. Несомнѣнно, что мы уже могли отправиться за утками, которыхъ дожидалась тетя, но у насъ не было припасовъ, а наличнаго капитала оставался одинъ пятакъ. Но мы не унывали и пошли взять на него дроби и пороха, сколько дадутъ; въ этотъ день мы были счастливы; вдова Лукерья, видя наше горе, сжалилась и дала намъ припасовъ въ долгъ на цѣлый пятиалтынный; мы были въ такомъ восторгѣ, что и ей обѣщали подарить, какъ и тетушкѣ, цѣлую утку...

И вотъ мы отправились на болото подъ гору, гдѣ давно уже насъ соблазнялъ одинъ куличокъ своей смѣлостью. Мы его скоро отыскали, зарядили ружье, забили крѣпко зарядъ и рѣшили покончить съ куликомъ; но куличокъ словно зналъ наши злостныя намѣренія, и только что мы подползали къ

*) Паскотина—выгонъ, пастбище для скота.

нему саженъ на пять, какъ онъ перелеталъ на другой берегъ и заставлялъ насъ снова принимать всѣ мѣры предосторожности и превращаться въ пластуновъ... *).

Въ этой погочѣ я выпачкалъ свои шаровары и рубашку, потерялъ картузъ, оставивъ гдѣ-то на берегу въ травѣ свои сапоги, но все это было не важно; весь интересъ былъ въ куликѣ, который, словно нарочно, водилъ насъ уже въ десятый разъ кругомъ болота и покачивался еще передъ самымъ нашимъ носомъ, точно насмѣхаясь.

Двѣ бабы, половшія въ сосѣднемъ огородѣ капусту, были, кажется, не меньше нашего заинтересованы исходомъ дѣла и, бросивъ работу, сидѣли на заднемъ прислѣ **). Но вотъ хитрый куликъ сѣлъ на такое мѣсто, лучше котораго трудно было бы и желать охотнику,—за прясло огорода. Я подползъ къ нему, высмотрѣлъ его въ щель и, съ дрожью въ рукахъ отъ страсти и усталости, такъ какъ съ меня давно уже катился градомъ потъ, просунулъ ружье между жердями и выставилъ на болото въ улика громадное дуло ружья. Сдѣлавъ знакъ прилечь и не шевелиться своему сверстнику, который сопровождалъ меня, тоже зараженный уже новой для насъ обоихъ страстью, я посмотрѣлъ гордо на бабъ, которыя сидѣли противъ самаго дула, какъ вороны, на прислѣ, присѣлъ рѣшительнымъ образомъ къ ружью и сталъ цѣлиться. Куликъ былъ всего въ какихъ-нибудь пяти саженяхъ и видѣлъ меня; сначала онъ покачивался, стоя на своихъ длинныхъ, тонкихъ ногахъ, но потомъ вдругъ какъ-то присмирѣлъ, словно уже покорившись неизбѣжной участи быть мертвымъ отъ рукъ человѣка. Я прекрасно видѣлъ его черные глаза, тонкій, изогнутый клювъ, синеватыя лапы, бѣлое брюшко и сѣрое опе-

*) Пластуны—пѣшіе черноморскіе казаки; на войнѣ они тайно подползаютъ къ непріятелю или, лежа пластомъ за камнями, деревьями и проч., подстерегаютъ его.

**) Прясло—звено изгородки, колѣно забора отъ кола до кола, отъ столба до столба; иногда зовутъ такъ и самую жердь забора между кольями.

реніе, но мнѣ было некогда имъ любоваться, и я, прицѣлившись, рѣшился сдѣлать вѣрный выстрѣлъ. Но какъ я ни наводилъ на него громадное, длинное дуло, оно все дрожало въ моихъ рукахъ и ходило изъ стороны въ сторону, и надо было умоститься у прясла такъ, чтобы оно не покачнулось въ самый важный моментъ. Для этого я сѣлъ, но тутъ же почувствовалъ, что сѣлъ въ холодную, вязкую тину... Но страсть взяла свое, и я, усѣвшись поплотнѣе, уже такъ приладился къ ружью, что оно застыло въ моихъ рукахъ, которыя словно стали спокойнѣе послѣ того, какъ я сѣлъ въ холодную тину. Куликъ терпѣливо сидѣлъ все это время и дожидался, что будетъ, и принялъ очень жалкій, скучный видъ; я уже не сомнѣвался, что онъ чувствуетъ приближеніе смерти. Увѣренный въ успѣхѣ, я поднялъ курокъ, нажалъ спускъ и выстрѣлилъ. Вмѣстѣ съ громомъ выстрѣла раздался визгъ бабъ, и онѣ обѣ кубаремъ свалились съ прясла и бросились опрометью отъ болота; по всей гладкой поверхности болота прямо къ нимъ легла хлыстикомъ дробь. Утки и гуси подняли страшный крикъ. Я себѣ не вѣрилъ, что произвелъ своимъ выстрѣломъ такой переполохъ на болотѣ. Когда разсѣялся дымъ, я увидалъ кулика: онъ безпомощно билъ однимъ крыломъ, лежа въ тинѣ и поднимая голову. Тогда я, не помня себя, перелѣзъ черезъ прясло и, бросивъ ружье, кинулся къ кулику, чтобы опередить сверстника, но только что мы сдѣлали три-четыре шага, какъ оба погрузились въ тину. Одинъ мигъ я думалъ, что тону; жаръ страсти мгновенно прошелъ и уступилъ мѣсто разсудку; но прибѣжавшій на визгъ бабъ мужикъ вывелъ насъ изъ бѣдственнаго положенія и, хотя и ругалъ, что мы палимъ по бабамъ, однако не только насъ вытащилъ изъ болота, но даже досталъ намъ кулика, который уже былъ мертвъ. Бабушка даже ахнула отъ ужаса, увидавъ внучка по поясъ въ тинѣ, но куликъ, сѣрый, красивый куликъ съ длинными лапами, казавшійся намъ чуть не журавлемъ, вывелъ меня изъ затрудненія, а горячій разсказъ о томъ, какъ я его

убилъ, окончательно помирилъ ее съ моимъ жалкимъ видомъ, и она, милостиво принявъ подношеніе и взявъ кулика осторожно за длинныя ноги, кликнула снизу дѣвушку Варвару и приказала ей отнести его на погребъ, а съ меня снять все и выполоскать. Варвара, улыбаясь, увела охотника внизъ вмѣстѣ съ его добычей, и въ то время, когда онъ повѣрялъ ей съ обычной горячностью свой разсказъ, сняла съ него все и оставила его такъ въ кухнѣ... Пришлось терпѣливо подождать, пока принесутъ свѣжее платье.

Такъ окончился первый день моей охоты.

*
* *

На другой день, въ то время, когда бабушка еще почивала, а Варвара чистила моего кулика, чтобы изжарить его, я уже опять былъ съ ружьемъ, торопясь удовлетворить и тетушку, и вдову Лукерью, помня ея кредитъ.

На болото я и смотрѣть не хотѣлъ, хотя, когда я проходилъ мимо, бабы и кричали мнѣ изъ огорода, что тамъ бродитъ опять одинъ куличокъ; я отправился теперь уже на рѣку, такъ какъ тамъ было, во-первыхъ, больше куликовъ, во-вторыхъ, я тамъ не подвергался опасности завязнуть въ тинѣ и явиться опять къ бабушкѣ выпачканнымъ, какъ вчера, и потомъ быть въ нѣкоторомъ родѣ подъ арестомъ у Варвары. Тамъ былъ сухой, высокій, красивый берегъ, а рѣка въ иныхъ мѣстахъ была такъ мелка, что я могъ ее свободно переходить въ бродъ. Къ тому же тамъ водились, какъ увѣрялъ мой сверстникъ, и утки. Но сегодня его не было, и я догадывался почему,—потому что Варвара уже мнѣ сказала, что его вчера послѣ охоты за что-то сѣкли... Но я теперь былъ счастливъ и одинъ.

На рѣчкѣ было, дѣйствительно, пропасть куликовъ, и стоило гдѣ-нибудь невзначай выставить носъ изъ-за мысочка, какъ они съ крикомъ поднимались изъ-подъ самыхъ ногъ и уносились прочь, словно уже предупрежденные вче-

рашней исторіей съ ихъ собратомъ. Нѣсколько попытокъ подкрасться къ нимъ не удалось, и я рѣшилъ лучше заняться утками,—благо, онѣ носились кое-гдѣ надъ рѣкой, гоняясь другъ за другомъ, даже, повидимому, не обращая на меня вниманія.

Въ одномъ мѣстѣ подъ самымъ крутымъ обрывомъ, по которому шла изгородь паскотины, я нечаянно услышалъ утиное кряканье. Заглянувъ туда, я увидалъ, къ удовольствію своему, цѣлыхъ пять чирковъ. Они торопливо что-то ловили въ тинѣ у самаго берега и плавали въ лужѣ залива. Я моментально съ предосторожностями выставилъ дуло ружья, присѣлъ, спустилъ внизъ стволъ, такъ какъ приходилось стрѣлять на этотъ разъ внизъ, и, чтобы было еще удобнѣе, легъ на брюхо и такъ ловко прицѣлился, что чудо...

Кругомъ не было ни души, мѣшать было некому, и только одна ворона прокаркала, было, надъ самой моей головой, пролетая мимо.

Но стрѣлять было еще рано,—чирочки никакъ не сплывались всѣ пятеро въ одно мѣсто, ища добычи и роясь маленькими носиками; я ихъ прекрасно видѣлъ, — они были всего въ какихъ-нибудь пяти-шести саженяхъ подъ кручей берега, и я могъ сколько угодно любоваться ихъ опереніемъ, ихъ бойкими движеніями, ихъ кряканьемъ, выжидая съ нетерпѣніемъ, когда они сплывутся вмѣстѣ.

Но какъ я ни ждалъ, какъ ни лежалъ, они все не сплывались, — сплывутся на секунду и снова врозь,—я просто сомлѣлъ подъ горячими солнечными лучами... Но вотъ вышелъ удачный моментъ, четыре чирка сплылись вмѣстѣ и что-то ловили въ тинѣ, отнимая другъ у друга, пятый къ нимъ приближался; я замираю отъ страсти, нажимаю спускъ курка и вмѣстѣ съ выстрѣломъ ружья слышу плески и крикъ чирковъ, но ничего не вижу изъ-за дыма.

Но, Боже, какое счастье!.. Дымъ пронесло, и я вижу трехъ чирковъ въ предсмертныхъ судорогахъ, а четвертаго — съ

перешибленнымъ крыломъ на водѣ; только пятый, повидимому, уцѣлѣлъ, отлетѣвъ отъ несчастныхъ товарищей, и сидѣлъ на водѣ, съ удивленіемъ смотря, что такое вдругъ случилось. У меня даже помутилось въ глазахъ отъ такого неожиданнаго счастья. Въ одну минуту я перелѣзъ черезъ прясло, сорвался съ него и полетѣлъ внизъ подъ кручу, увлекая за собой песокъ и глину, но все это было ничего,— весь интересъ заключался въ томъ чиркѣ, который плавалъ по водѣ съ перебитымъ крыломъ, уже умирая. Я бросился въ воду, онъ—отъ меня вдоль рѣки; я—за нимъ, поднимая муть и брызги; онъ въ сторону. Его товарищъ, видя такое жаркое преслѣдованіе, сорвался и улетѣлъ, считая дѣло плохимъ, и я, наконецъ, весь въ водѣ, падаю сразмаху на запыхавшагося чирка, который уже сталъ нырять отъ моего преслѣдованія въ воду, и ловлю его тамъ полуживымъ, не зная, что съ нимъ дѣлать. Но тутъ, откуда ни возьмись, подходитъ ко мнѣ мужикъ и поздравляетъ меня съ удачной охотой. Я подаю ему чирка, онъ осматриваетъ его и, видя, что онъ еще живъ, подвертываетъ ему голову. Мы вытаскиваемъ съ нимъ остальныхъ трехъ и садимся на берегу. Я почти не вѣрю глазамъ, смотря на лежащихъ передо мной четырехъ птицъ, мнѣ страшно хочется домой, къ бабушкѣ, къ теткѣ, но мужикъ совѣтуетъ мнѣ сходить еще на болото и даже самъ готовъ показать мнѣ выводокъ утокъ, которыхъ онъ только что видѣлъ тамъ.

Я подавляю въ себѣ страстное желаніе предстать передъ бабушкой, соображаю, что не худо еще достать столько же утокъ, чтобы расчитаться и съ Лукерьей, что хорошо и высохнуть до этого на солнцѣ послѣ купанья въ рубашкѣ и шароварахъ, и иду съ мужикомъ къ болоту въ надеждѣ и тамъ удачно поохотиться.

На болотѣ, дѣйствительно, оказался цѣлый выводокъ утокъ; мать-утка, хлопая въ испугѣ крыльями, улетѣла прочь и стала носиться съ крикомъ кругомъ болота, а маленькіе,

еще въ пуху, утята съ длинными носами и большими головами такъ быстро нырнули въ воду, что я даже не успѣлъ прицѣлиться. Нырнувъ, они разбились по одиночкѣ и стали такъ бойко прятаться отъ насъ по мелкому травянистому, тинистому болоту, что мнѣ рѣшительно не удавалось не только выстрѣлить въ нихъ, но даже прицѣлиться... Рѣшено было снять шаровары и зайти въ болото, гдѣ было видно, какъ они ходятъ подъ тиной. Я снялъ свои плисовыя, мужикъ—свои пестрядиныя, и мы вошли въ воду.

Было немного вязко, но я не боялся съ проводникомъ. Какъ я ни ухитрялся убить хотя одного утенка въ то время, какъ онъ ходилъ почти на виду въ водѣ, поднимая верхній слой тины и выставляя порой носикъ,—мнѣ это не удавалось, тогда какъ мужикъ словилъ уже цѣлыхъ трехъ утятъ, и я не напрасно сталъ опасаться, что онъ переловитъ и передавитъ и остальной десятокъ. И потому, замочивъ еще вдобавокъ ружье, я рѣшилъ выбраться изъ болота и лучше придти сюда безъ мужика завтра рано утромъ и убить всѣхъ утятъ сразу однимъ выстрѣломъ, когда они выплывутъ кучкой вмѣстѣ съ матерью изъ камыша.

Я вышелъ изъ болота, заявивъ мужику, что иду домой пить чай; онъ тоже вышелъ на берегъ и, вытащивъ съ собой свою добычу, вмѣсто того, чтобы отдать мнѣ, какъ я думалъ, преспокойно положилъ ихъ къ себѣ за пазуху рубахи и пошелъ вмѣстѣ со мною въ село. Это показалось мнѣ не совсѣмъ справедливымъ: я полагалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлитъ со мной эту добычу; но пришлось посчитаться съ людской несправедливостью и идти домой съ четырьмя чирками, говоря спасибо, что онъ не отнялъ у меня и ихъ.

Нечего и говорить, что я чувствовалъ въ тотъ день себя настоящимъ героемъ; бабушка не вѣрила глазамъ и даже надѣла очки, чтобы разсмотрѣть хорошенько мою добычу; тетка пророчила мнѣ, что я буду великимъ охотникомъ, а

Варвара такъ ахала надъ утками, что даже бабушка пригрозила ей, чтобы она мнѣ не испортила своимъ глупымъ удивленіемъ руку и счастье.

И дѣйствительно, съ этого дня я словно потерялъ свое счастье и разучился стрѣлять.

На другой день я не нашелъ въ болотѣ даже признака выводка утокъ; „вѣроятно, — думалъ я, — мужикъ всталъ раньше меня и переловилъ ихъ съ собаками“, на рѣкѣ, сколько я ни ходилъ по ней, хоть бы гдѣ былъ несчастный чирокъ, а куликовъ я уже не хотѣлъ совсѣмъ трогать, не признавая ихъ за дичь, такъ какъ изжаренные они оказались слишкомъ маленькими. Пробродивъ голодный весь день, побывъ на десяти болотахъ, уходя даже подъ другую деревню—Кукольникову, гдѣ ребята чуть-чуть не отняли у меня ружье, я возвратился домой въ село только поздно вечеромъ и то съ пустыми руками. Какъ разъ подъ горой, поджидая меня съ нетерпѣніемъ у того болота, на которомъ я убилъ кулика, меня встрѣтила на этотъ разъ тетушка, которой я и повѣдалъ свое несчастье, обвинивъ въ этомъ Варвару.

Но тетушка, опечаленная моей неудачей, посовѣтовала пройти къ болоту, такъ какъ, сидя на горѣ, она видѣла хорошо, что туда подъ вечеръ пролетѣлъ селезень. Я немедленно отправился, въ сопровожденіи тетушки, къ болоту и, дѣйствительно, увидалъ тамъ одинокую утку, которая спала отдѣльно отъ стада. Увѣренный, что это несомнѣнно селезень, и ободренный теткой, я подкрался къ нему уже смѣло и выстрѣлилъ.

Раздался оглушительный выстрѣлъ, который переполошилъ не только всѣхъ утокъ на болотѣ, но даже, казалось, и самое село. Селезень перевернулся сразу, но, о, ужасъ!— у него оказалось бѣлое брюшко, какого не полагалось, по примѣтамъ охотниковъ, у дикихъ утокъ: несомнѣнно, былъ

убитъ домашній селезень и даже чуть ли не бабушкинъ! Но дѣлать было нечего! Я поскорѣе скинулъ сапоги и пошелъ доставать его, чтобы хоть скрыть слѣды преступленія при помощи тетки, съ которой мы были тутъ за-одно. Но только что я зашелъ въ воду, какъ съ противоположной стороны болота черезъ прясло, гдѣ сидѣли третьяго дня бабы, въ которыхъ попала, говорятъ, дробь, показался громадный мужикъ, который закричалъ оглушающимъ голосомъ:

— Кто это стрѣляетъ нашихъ утокъ ночами!..—И сталъ такъ ругаться при видѣ бѣлаго брюшка селезня, что я, подобравъ сапоги, моментально понесся за тетушкой, которая уже скрылась за холмомъ отъ испуга.

Нечего и говорить, что слова мужика всю ночь раздавались у меня въ ушахъ и безпокоили меня страшно, я проворочался въ тяжелыхъ думахъ всю ночь; представлялъ, какъ меня будетъ судить староста, какъ засадятъ меня въ „темную“, въ волость, какъ тамъ будутъ меня ѣсть клопы, какъ будетъ убиваться бабушка, какъ узнаютъ всю эту исторію отецъ съ матерью, какъ молва, страшная молва покроетъ позоромъ мою голову. Тысячи мыслей самыхъ тяжелыхъ, нерадостныхъ настойчиво лѣзли мнѣ въ голову, въ ней рождалось столько плановъ отомстить мужику, столько думъ, что я не могъ уснуть до самаго утра, и на разсвѣтѣ, пока не узнала все бабушка, поднялся и сталъ собираться въ дорогу, рѣшивъ за лучшее благополучно улизнуть восвояси, пока меня не придутъ взять сотскіе и не поведутъ судить въ волость, гдѣ, пожалуй, еще высѣкутъ, какъ недавно высѣкли одного мужика за то, что онъ укралъ вожжи.

Бабушка страшно удивилась, что я такъ неожиданно ѣду, и не хотѣла, было, меня совсѣмъ отпускать, но я представилъ ей самые убѣдительные доводы, что намъ нужно проѣхать двадцать верстъ по холодку, чтобы было легко Карьку и сохранить свѣжими четырехъ чирковъ, что пора быть дома, такъ какъ у насъ уже стали жать и т. д. Бабушка, видя,

что я правъ и обнаруживаю еще, кромѣ способностей охотника, смѣтку и дальновидность сельскаго хозяина, не только отпустила меня домой, но даже похвалила за такую предусмотрительность. Я отказался отъ чая, говоря, что пить его въ дорогу нахожу вреднымъ, и распорядился поскорѣе запрягать. Варвара вынесла мнѣ чирковъ съ погреба, бабушка сунула вкусныхъ оладій на дорогу и пару яицъ, и я, прежде чѣмъ взошло солнце, былъ уже на пути за селомъ.

* * *

Дома, когда потнаго Карька завели въ ограду и остановили у крыльца, когда выбѣжали гурьбой мои братья и сестры, а за ними показались мой отецъ, въ красномъ бухарскомъ халатѣ, и мать, я тотчасъ же выскочилъ молодцомъ изъ коробка *) и, поднявъ выше головы четырехъ утокъ,— смѣло заявилъ, что я самъ застрѣлилъ ихъ. Отецъ и мать были такъ рады меня видѣть, такъ обрадовались чиркамъ и моему счастью, что даже не рѣшились меня наказать, хотя и серіозно, какъ увѣряла послѣ Агафья, подумывали объ этомъ, замѣтивъ исчезновеніе ружья со дня моего отъѣзда. И моя мать, полюбовавшись чирками, тотчасъ же приказала унести ихъ на погребъ.

Съ этого дня я уже сталъ признаннымъ охотникомъ, и только еще одна мать, видя, какъ я вожусь въ кухнѣ съ ружьемъ, да Агафья, тоже не терпѣвшая его, порой махали на меня рукой, пророча, что я еще убью и себя, и ихъ съ этой оказіей, и просили, ради Бога, быть осторожнѣе, почему я старался всѣми силами не попадаться имъ на глаза и никогда даже не цѣлиться въ Агафью пистолетомъ.

---

*) Коробокъ—повозка, кузовъ.

Съ этихъ поръ въ свободное отъ уроковъ время я сталъ пропадать съ ружьемъ въ долинкѣ нашей рѣчки, уходилъ съ нимъ на болота и въ кочки, гдѣ водились, впрочемъ, однѣ пигалки; но такъ какъ въ нашей сторонѣ была совсѣмъ неважная охота, скорѣе—ея вовсе не было, то мои успѣхи первыхъ дней смѣнились такой неудачей, что просто стыдно было показаться съ ружьемъ на глаза.

Но однажды мнѣ посчастливилось: въ кустахъ на лугу я встрѣтилъ какую-то очень рѣдкую птицу; она была вся въ разноцвѣтныхъ перышкахъ и съ такими оранжевыми брюшкомъ и хвостомъ, что у меня на нее разгорѣлись глаза не хуже нашего кота Васьки.

Я сталъ ее преслѣдовать, разодралъ изъ-за нея въ кустахъ брюки, оцарапалъ вѣткой лицо, но все-таки достигъ своего, и когда она, наконецъ, сѣла на дерево и стала его долбить сильно носомъ, такъ что словно кто стучалъ молоточкомъ по дереву, изъ чего я заключилъ, что это—рѣдкая порода дятла, то я такъ удачно прицѣлился, что сразу застрѣлилъ ее. Она была такъ красива съ своими пестренькими крылышками, пушистымъ свѣтло-бурымъ хвостомъ, нѣжными переливами красныхъ и оранжевыхъ перышекъ подъ хвостомъ и на брюшкѣ, что я глазамъ не вѣрилъ, смотря, какъ она лежитъ вверхъ ножками на зеленой травѣ, скрючивъ свои черныя лапки.

Я моментально понесся съ этой птичкой домой къ матери и даже испугалъ ее немного, ворвавшись съ ружьемъ въ комнату, гдѣ она что-то шила. Запыхавшись, едва переводя духъ, весь въ поту, ожидая восторговъ, я положилъ птичку на колѣни матери. Но тутъ я услышалъ совсѣмъ не то, что ожидалъ.

— Ахъ, Костя, Костя, зачѣмъ ты убилъ такую хорошенькую птичку? Развѣ тебѣ не жаль ея было?..

И она съ такимъ чувствомъ сожалѣнія погладила ея перышки, такъ посмотрѣла на нее полными слезъ глазами, такъ

нѣжно поцѣловала въ красное, какъ кровь, темячко, что и у меня выступили на глазахъ слезы.

Я не могъ вынести больше и заплакалъ; она притянула охотника къ своей груди, и съ минуту мы оба смотрѣли сквозь слезы на убитаго дятла, жалѣя его.

И съ тѣхъ поръ я, проходя лѣсомъ, лугами, рѣкой, уже никогда не трогалъ бѣдныхъ птичекъ, не нужныхъ для жаркого, и онѣ не боятся меня и весело чирикаютъ, сидя на вѣткахъ, словно зная то, что накрѣпко наказала мнѣ тогда моя мать.

ТАСО.

Когда я пріѣхалъ на Гусиный мысъ острова Новой Земли къ самоѣду Вылкѣ, гдѣ на самомъ берегу моря стоялъ его маленькій изъ оленьихъ шкуръ чумъ,—первое, что я замѣтилъ, первый, кто меня встрѣтилъ ранѣе хозяевъ,—это большой, мохнатый, съ бѣлой пушистой шерстью песъ, который, впереди всѣхъ собакъ, выбѣжалъ и громко лаялъ иа наши санки.

Этотъ песъ—красивый, бѣлый, со стоящими ушами, съ черной мордой и съ загнутымъ на спину пушистымъ хвостомъ,—невольно обратилъ на себя мое вниманіе и мнѣ хотѣлось его приласкать.

Вотъ и хозяинъ его идетъ ко мнѣ навстрѣчу; небольшой, черноватый, съ толстымъ лицомъ самоѣдъ, въ оленьихъ пимахъ и такой же малицѣ.

— Это твоя славная собака?—спрашиваю его.

— Моя,—смѣется онъ, лаская одной рукой подбѣжавшаго къ нему пса, который прыгалъ къ нему на грудь, хваталъ его за рукава, лизалъ его въ лицо, такъ что онъ отмахивался отъ его ласки.

— Какъ звать его?

— Тасо.

Я тутъ же познакомился съ Тасо, погладилъ его стоячую на спинѣ шерсть,—хозяинъ подержалъ его, чтобы онъ меня не сцапалъ за руку бѣлыми зубами.

Мы подошли къ чуму—палаткѣ, влѣзли въ него чрезъ завѣшанное шкурой отверстіе съ подвѣтренной стороны и присѣли съ хозяиномъ около горящаго костра, надъ которымъ молодая хозяйка кипятила мѣдный, небольшой съ рожкомъ чайничекъ, чтобы угостить насъ чаемъ. Тасо былъ ужъ тутъ; онъ вошелъ вмѣстѣ съ нами и, какъ равноправный хозяинъ этого бѣднаго жилища самоѣда, прилегъ около костра на оленью шкуру рядомъ съ хозяиномъ, разинувъ пасть и свѣсивъ красный языкъ на бокъ.

Въ чумѣ было дымно и темно, самоѣды были грязны, одежда ихъ—тоже: чумъ прокоптѣлъ за долгую холодную, ненастную зиму, и этотъ бѣлый, чистый песъ, съ блестящей шерстью, такъ привольно раскинувшійся на оленьей шкурѣ, чтобы не помарать своего теплаго костюма, былъ единственнымъ бѣлымъ чистымъ пятномъ въ этомъ жилищѣ, и я невольно на него заглядѣлся.

Его ушей почти не видно, такъ они заросли пушистой стоячей шерстью; морда и лобъ были, напротивъ, до того гладкіе, что такъ и хотѣлось по нимъ провести рукой; но красивѣе всего были его короткія бѣлыя лапы, съ черными когтями, съ задней стороны кокетливо опушенныя, словно бахромой, длинной волнистой шерстью, что дѣлало его даже смѣшнымъ, такъ какъ казалось,—онъ былъ одѣтъ въ шаровары.

Но какъ мнѣ ни нравилась эта собака, какъ я ни хотѣлъ съ ней подружиться, до страсти любя собакъ, хорошихъ добрыхъ собакъ,—мнѣ это долго не удавалось; Тасо избѣгалъ чужихъ ласкъ, сторонился чужого человѣка, хотя никогда не отказывался принять отъ него кусокъ хлѣба, мяса, косточку. Онъ словно понималъ, что я имѣю на него какіе-то виды, и чѣмъ больше я за нимъ ухаживалъ, тѣмъ больше онъ дѣлалъ

видъ, что меня не замѣчаетъ, хотя и подмѣчалъ не разъ, что онъ слѣдитъ за мной своими умными глазами, особенно, когда я обѣдалъ.

Разъ я сказалъ самоѣду, что хочу купить у него Тасо.

— Ни за что на свѣтѣ,—отвѣтилъ онъ.

Семья самоѣдовъ.

— Почему ты не хочешь мнѣ уступить этой собаки?

— Умру,—твоя, а пока живъ,—не разстанусь...

Больше я не могъ выпытать у него ни слова о причинѣ отказа, и, видя, что онъ очень привязанъ къ ней, я не сталъ тревожить его вопросами, и минутное неудовольствіе его на то, что я покушаюсь лишить его этой собаки, прошло, и мы стали снова друзьями.

Съ этихъ поръ я бросилъ мысль пріобрѣсти эту собаку. но нисколько ея не разлюбилъ. Она была постоянно передъ моими глазами: я видѣлъ, какъ она важно заходила въ чумъ, пользуясь особымъ расположеніемъ Вылки предъ всѣми остальными собаками, которыхъ у него былъ цѣлый десятокъ; я видѣлъ, какъ она важно ложилась возлѣ хозяина на оленью шкуру; я видѣлъ, какъ она грѣлась около костра, сидя на корточкахъ и отводя отъ огня свою морду; я видѣлъ, какъ съ ней играли ребятишки, вѣшаясь на нее постоянно и таская за уши, что терпѣливо сносилъ Тасо; я видѣлъ, какъ онъ, виляя отчаянно загнутымъ на спину хвостомъ, бѣгалъ за хозяйкой, когда она несла кормъ собакамъ на улицу; и чѣмъ больше я слѣдилъ за этой собакой, тѣмъ больше она мнѣ нравилась, тѣмъ больше мнѣ хотѣлось ее приласкать.

Но она словно видѣла въ моихъ глазахъ заднюю мысль: лишить ее этой привольной обстановки и заключить въ свою комнату, лишить ее свободы, какъ мы лишаемъ часто и мучимъ собакъ, дрессируя ихъ.

Ночами съ самаго вечера, какъ только мы ложились въ чумѣ всѣ вповалку на полъ, Тасо обязательно помѣщался въ ногахъ своего хозяина и даже забирался въ холодную ночь и на него, сверхъ одѣяла. Тогда онъ былъ нашимъ сторожемъ: ни одинъ песъ изъ всей своры Вылки не смѣлъ приблизиться къ намъ, и только, бывало, какой-нибудь песъ, пользуясь темнотой, начнетъ бродить около насъ, какъ Тасо тутъ же вступитъ съ нимъ въ схватку, и такую, что не только не смѣешь высунуть носа изъ-подъ одѣяла, но даже еще крѣпче кутаешься въ послѣднее, чтобы не лишиться перваго.

Такія сраженія Тасо съ собаками повторялись чуть не каждую ночь: отъ собакъ рѣшительно не было отбою,—онѣ обязательно, когда всѣ засыпали, каждую ночь проникали въ чумъ чрезъ выходныя дверцы; сначала слышишь, бывало, какъ ворчитъ Тасо, предупреждая быть осторожными такихъ ноч-

ныхъ посѣтителей; потомъ, немного погодя, когда, кажется, только что заснешь сладкимъ сномъ, выйдетъ у нихъ схватка, которая кончалась только тогда, когда бабушка или хозяинъ вооружались первымъ попавшимся подъ руку полѣномъ и били въ темнотѣ и Тасо, и его соперниковъ, по чемъ попало... Послѣ этого, обыкновенно, собаки выбѣгали на улицу, но тамъ уже не дрались, считая, вѣроятно, это невыгоднымъ.

Потомъ, немного погодя, Тасо снова тихо вползалъ въ чумъ, забирался на ноги хозяина и засыпалъ.

Въ чумѣ наступала на время тишина.

Раннимъ утромъ Тасо, обыкновенно, куда-то не надолго скрывался. Сначала я не зналъ, куда онъ убѣгалъ, но разъ, гуляя раннимъ утромъ, посмотрѣлъ, что онъ дѣлаетъ за ближайшей горой. Оказалось, что онъ „мышкуетъ“.

Дѣло въ томъ, что Тасо былъ, вѣроятно, не совсѣмъ доволенъ хозяйкой: какъ онъ около нея ни ухаживалъ, когда она выносила собакамъ щи послѣ нашего обѣда, ему доставалось мало, и онъ, чтобы пополнить свое питаніе, тихонько отъ собакъ скрывался утромъ за гору и тамъ искалъ мышей.

Этихъ мышей много на Новой Землѣ зимой и лѣтомъ; онѣ зимой живутъ по ложбинкамъ,—тамъ, гдѣ есть трава, и такъ какъ для нихъ у самоѣдовъ совсѣмъ нѣтъ сусѣковъ, то онѣ не стремятся къ человѣку, а питаются самостоятельно, подъѣдая старую траву, для чего у нихъ подъ снѣгомъ прорыты цѣлые лабиринты маленькихъ норокъ, по которымъ онѣ и бѣгаютъ на промыселъ изъ своего теплаго подъ снѣгомъ гнѣзда, которое онѣ дѣлаютъ еще осенью изъ сухой травы въ видѣ комка сѣна.

Тасо, видимо, прекрасно зналъ всѣ ихъ обычаи, и, выходя на сугробы утромъ, когда мыши выбѣгали ѣсть сухую травку подъ снѣгомъ, ловко, какъ лисица, подслушивалъ, гдѣ скребется мышь, и, подкравшись, какъ я видѣлъ не разъ, къ этому мѣсту, прислушивался еще, затаивъ дыханіе, и вдругъ бросался кверху, дѣлалъ отчаянный скачокъ въ воздухѣ и,

перевернувшись внизъ головой, какъ дѣлаетъ это лисица, всей своей тяжестью падалъ на то мѣсто, гдѣ скребется мышка, проламывалъ снѣгъ, начиналъ круто, круто рыться лапами и,—смотришь,--нюхаетъ уже снѣгъ, тычетъ глубже и глубже морду, наконецъ, вытаскиваетъ и ѣстъ мышь.

Благодаря этому, онъ всегда содержалъ себя прилично: шуба его была теплая и опрятная, не такъ, какъ у другихъ захудалыхъ собакъ, и морда довольная, и бѣлые усы торчали во всѣ стороны.

Но эти путешествія Тасо были еще не всѣ. Порой, въ то время, когда дулъ съ моря вѣтеръ, онъ, обыкновенно, почему-то постоянно лежалъ на сугробѣ или на самомъ берегу моря, и все нѣтъ-нѣтъ да поднималъ морду и потягивалъ носомъ сырой морской воздухъ. Нюхаетъ такъ, нюхаетъ, и,—смотришь,– его ужъ и слѣдъ простылъ: онъ удралъ въ море, на льды, и только слѣдъ его лапъ свидѣтельствовалъ, бывало, что онъ отправился одинъ, безъ собакъ, безъ товарищей, въ море.

— А Тасо опять на льды убѣгъ!..—скажетъ самоѣдъ Вылка и посмотритъ на меня многозначительно.

Это означало, что Тасо заслышалъ звѣря,—бѣлаго медвѣдя или лежащихъ на льду моржей, запахъ отъ которыхъ далеко разносится въ чистомъ воздухѣ полярнаго острова.

И Вылка—нѣтъ-нѣтъ да и выйдетъ на берегъ моря—посмотрѣть, не видать ли гдѣ Тасо на льдахъ, не слышно ли его лая, и даже попроситъ у меня зрительную трубу и ляжетъ съ ней на берегъ, оглядываетъ внимательно поле льдовъ, нѣтъ ли тамъ бродячаго бѣлаго медвѣдя.

Посмотритъ, посмотритъ и придетъ въ чумъ.

А Тасо бѣгаетъ такъ порой дня два, три.

Вдругъ явится въ чумъ голодный, животъ подвело, морда печальная, шерсть помята, порой даже въ крови...

— Тасо, гдѣ ты былъ, шатунъ?—спроситъ хозяинъ,—гдѣ ты вымарался въ крови?

Тасо, съ виноватой физіономіей, тихонько виляя хвостомъ, даже повизгивая, словно жалуясь, подойдетъ къ нему и станетъ лизать ему руки. Вылка ощупываетъ его со всѣхъ сторонъ, посмотритъ, цѣлы ли уши, пощупаетъ, нѣтъ ли рубцовъ на спинѣ, не дрался ли онъ съ бѣлыми медвѣдями, и отпуститъ.

Но Тасо изъ такихъ путешествій рѣдко возвращался цѣлымъ: смотришь,—то ухо порвано когтями бѣлаго медвѣдя, то на спинѣ рубецъ, то совсѣмъ клокъ кожи вырванъ изъ бока, и онъ его тщательно зализываетъ и стонетъ... Это означало, что Тасо унюхалъ бѣлаго медвѣдя съ мыска, бѣгалъ за нимъ, гонялся, хваталъ его за мохнатую шерсть сзади, преслѣдовалъ его цѣлыми сутками, быть можетъ, за десятки верстъ въ море, пока не надоѣдалъ настолько, что звѣрь уходилъ отъ него, разсерженный, въ море и уплывалъ въ полынью.

Тасо не это было нужно, чтобы отогнать звѣря дальше отъ чума хозяина,—ему нужно было, чтобы его замѣтили на льду, чтобы звѣрь подошелъ ближе къ жилищу, чтобы, увидавъ его, услыхавъ его лай, выѣхалъ къ нему, какъ это и бывало, хозяинъ и убилъ медвѣдя изъ винтовки, чтобы послѣ полакомиться его мясомъ. Тасо очень любилъ мясо бѣлаго медвѣдя и такъ наѣдался, что становился даже безобразнымъ.

Въ этихъ же расчетахъ онъ убѣгалъ и къ становищу моржей, гонялся и за вылѣзающими на ледъ тюленями, стремясь обратить вниманіе хозяина на то, что на льду звѣрь, котораго онъ застрѣлитъ и накормитъ Тасо мясомъ.

Вообще, Тасо, по природѣ самоѣдскихъ собакъ, страшно преслѣдовалъ всякаго звѣря и только щадилъ песца, бѣлую, пушистую полярную лисичку, на которую самъ очень смахивалъ, за исключеніемъ хвоста, который у песца былъ, какъ у настоящей лисицы, трубой и развѣвался, когда онъ бѣжалъ по вѣтру, а у него—вѣчно загнутъ кольцомъ на

спину... Этого маленькаго звѣрка, который часто, чуть не каждую ночь, подбѣгалъ къ нашему чуму, чтобы стащить что-нибудь изъ съѣстного, онъ совсѣмъ не трогалъ, и тотъ же Вылка, его хозяинъ, былъ даже удивленъ его снисходительностью къ песцу.

— Разъ,—разсказывалъ Вылка,—вышелъ я рано утромъ изъ чума,—дѣло было зимой, темно; бѣлое на снѣгу не видно,—только слышу, что Тасо около чума возится у туши тюленя: уркнетъ и ляжетъ, молчитъ; тявкнетъ на кого то и снова замолкнетъ.—„На кого,—думаю,—онъ это тявкаетъ?“ Подошелъ, посмотрѣлъ; лежитъ онъ одинъ, къ тушкѣ припалъ, молчитъ. Оглянулся,—хоть бы одна собака была около. Отошелъ отъ него; онъ снова: тявкнетъ и молчитъ.—„Постой,—думаю, - посмотрю, кто его тревожитъ“. Подошелъ поближе, присѣлъ на корточки и смотрю, что будетъ? И вижу, кто-то маленькій около него прыгнетъ, хватитъ сзади, спереди мясо тюленя и отскочитъ, когда Тасо тявкнетъ; потянетъ сзади тушку и бросится въ сторону, когда Тасо заворчитъ. Смотрю: песецъ около него вертится, голодный; ему надо поѣсть, и Тасо его жалко, не трогаетъ его, не давитъ; я уськнулъ собакъ: „пыр-р-р-усь“,—собаки выскочили и побѣжали за песцомъ... и залились, слышу... въ горы угнали съ лаемъ...—закончилъ онъ.

— Задавили?—спросилъ я Вылку.

— Нѣтъ, куда... удралъ трусишка; Тасо его могъ бы задавить двадцать разъ, да онъ ихъ жалѣетъ...

Я тоже почему-то жалѣлъ этого слабаго бѣлаго полярнаго звѣрка, и меня радовало, что Тасо былъ благороденъ и жалостливъ къ слабымъ, нападая только на сильныхъ бѣлыхъ медвѣдей.

Только однимъ былъ недоволенъ самоѣдъ Вылка своимъ любимцемъ Тасо,—это тѣмъ, что онъ никакъ не хотѣлъ понять, что не нужно лаять на дикихъ оленей. Въ этомъ случаѣ онъ рѣшительно стоялъ на своемъ,—что на оленей такъ

же нужно лаять, и за ними такъ же надо гоняться, какъ и за бѣлыми медвѣдями, вѣроятно, выводя такое заключеніе, что ему и при этой охотѣ можно поѣсть свѣжаго мяса.

Какъ только, бывало, Вылка поѣдетъ за оленями въ горы, Тасо становится самъ не свой; какъ только попадаетъ ему подъ носъ свѣжій слѣдъ дикихъ оленей, онъ сразу повернетъ всѣхъ собакъ въ ту сторону, подниметъ вой и лай и такъ встревожитъ этимъ Вылку, который порой дрожитъ, чтобы не перепугать стадо оленей и не остаться безъ куска мяса, что тотъ даже побьетъ его. Но на это Тасо не обидится, какъ истинный охотничій песъ, и хоть убей его, онъ все свое,—лаетъ и лаетъ, и даже еще больше старается, чѣмъ больше его бьютъ, такъ что, скрадывая оленей, Вылка уже бывалъ принужденъ оставлять Тасо у санокъ, привязавъ самымъ крѣпкимъ ремнемъ, такъ далеко отъ стада, чтобы олени его не услыхали. Къ счастію, Тасо лаялъ не громко, какъ-то взвывалъ по-лисьему, не даромъ считая себя немного сродни полярному песцу, котораго не трогалъ.

Но зато въ пути Тасо было незамѣнимой собакой, когда на немъ Вылка отправлялся на охоту.

Обыкновенно, онъ запрягалъ восемь собакъ въ санки, но Тасо былъ всегда передовымъ; и на его обязанности было не только везти санки съ хозяиномъ, но и направлять бѣгъ другихъ собакъ, взглядывать на хозяина, куда онъ хочетъ ѣхать, и посматривать на его длинный тонкій шестъ, которымъ тотъ направлялъ и поощрялъ собакъ къ бѣгу, тыкая ихъ тихонько.

Собираясь въ путь, Вылка ловилъ Тасо у чума, таіцилъ за шиворотъ къ санкамъ, такъ какъ Тасо не любилъ особенно, чтобы на немъ ѣздили, и даже, случалось, порой, задавалъ тягу, чтобы ужъ послѣ бѣжать на свободѣ впереди поѣзда; но Вылка надѣвалъ ему на шею хомутъ изъ оленьей шкуры, привязывалъ къ нему и пропускалъ между ногъ моржовый ремень къ санкамъ, и Тасо смирно сидѣлъ, посматривая, какъ запрягаютъ также и его товарищей.

Какъ только хозяинъ бралъ шестъ и тоненькую передовую вожжу, Тасо поднимался, вытягивалъ свой ремень и съ лаемъ бросался на дорогу, увлекая этимъ и остальныхъ собакъ. И тогда хозяинъ только посиживай, помахивай шестикомъ, правь, куда бѣжать: собаки летѣли, прыгая по сугробамъ, санки ныряли, раскатывались и быстро пропадали за первымъ мыскомъ или горкой.

Я часто ѣздилъ на Тасо съ Вылкой; бывало, какъ на тройкѣ, летишь на нихъ черезъ гладкій морской заливъ къ дальнему мыску, гдѣ мы, обыкновенно, охотились за тюленями; бывало, словно на поѣздѣ, летишь, какъ разбѣгутся собаки и пустятся подъ гору, и только снѣжная пыль крутится позади за санками.

Тасо въ такое время бывалъ незамѣнимъ: онъ не только тянулъ сильно лямку, налегая въ трудныхъ мѣстахъ всей грудью на хомутокъ, онъ не только рвался впередъ, когда собаки бросались во весь духъ, но даже подбадривалъ ихъ въ такія минуты, то поднимая лай, то бросаясь по свѣжему слѣду, то нанюхивая запахъ звѣрей и бросаясь съ лаемъ впередъ, въ надеждѣ поскорѣе получить мяса и крови.

Я думаю такъ, что онъ отлично понималъ, когда мы отправлялись на охоту и когда мы ѣхали въ сосѣднюю зимовку въ дальній путь. Онъ прекрасно зналъ, куда намъ нужно, гдѣ мы будемъ что дѣлать, на кого охотиться; если мы поворачивали въ горы, онъ ужъ облизывался, вѣроятно, предвкушая оленьи кровь и мясо; если мы спускались на морской ледъ, онъ несся поскорѣе къ полыньѣ, чтобы поѣсть только что убитаго тюленя; если мы ѣхали куда-нибудь далеко, вдоль льдовъ, онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія, посматривая кругомъ, навостряя уши, скоро ли мы увидимъ бѣлаго медвѣдя, чтобы быть спущеннымъ и остановить его, дать намъ моментъ пустить въ звѣря свои свинцовыя пули. Онъ даже тогда не оставался спокойнымъ, когда мы, бывало, пріѣхавъ къ полыньѣ моря, брали большую зрительную морскую

трубу и смотрѣли вдаль,—не окажется ли на льдахъ бѣлаго медвѣдя: въ этомъ случаѣ онъ обязательно, когда другія собаки равнодушно садились, ложились, клали другъ на друга головы отъ усталости, сидѣлъ или лежалъ, настороживъ уши, чтобы не пропустить шороха шаговъ этого звѣря, которые онъ замѣчательно далеко слышалъ короткими ушами.

Но больше въ этомъ случаѣ ему помогалъ носъ: онъ постоянно поводилъ имъ, втягивая воздухъ; онъ постоянно искривлялъ его въ разныя стороны, и только что въ него попадала маленькая струя запаха, онъ тотчасъ же вскакивалъ, начиналъ волноваться, тащилъ санки въ ту сторону, поднималъ, воодушевлялъ всѣхъ собакъ, и горе было, если вырывался изъ рукъ: тогда онъ убѣгалъ и съ собаками, и съ санками, и съ нашимъ припасомъ, пока его гдѣ-нибудь не останавливали санки, зацѣпившись за льдину или камень... Тогда онъ рвалъ, рычалъ, лаялъ, кидался на своихъ товарищей и устраивалъ такую драку съ ними, что мы спѣшили ихъ разнять, чтобы они не загрызли другъ друга. Но всего потѣшнѣе было, когда на пути онъ встрѣчалъ свѣжій слѣдъ звѣря: тогда онъ сразу, на всемъ скаку, поворачивалъ по слѣду въ сторону; всѣ собаки бросались за нимъ безъ пути, ныряли, раскатывались, падали; наша провизія, ружья, мѣшочки съ патронами летѣли въ снѣгъ, потомъ сваливался я, сидя позади Вылки; потомъ, не въ силахъ удержать собакъ, падалъ на животъ и Вылка, прямо въ снѣгъ сразмаху, и только такимъ манеромъ останавливалъ Тасо, который вдобавокъ къ этому устраивалъ съ товарищами тутъ же отчаянную схватку.

Это бывало часто и очень насъ смѣшило, разнообразя нашъ путь.

Тасо въ дорогѣ кидался на всѣхъ, кто ему попадался, когда мы только подстрѣливали, и даже бросался за бѣлой совой, когда она нечаянно срывалась близъ дороги, стараясь, во что бы то ни стало, догнать и словить ее.

Но зато ночью, въ дорогѣ, когда мы ѣхали, ужъ ровно

ничего не различая, что случалось часто, въ зимнюю пору, такъ какъ тамъ очень коротокъ зимній день, то на Тасо можно было положиться, что онъ насъ не завезетъ ни въ яму, ни въ рѣчку, ни въ полынью моря, гдѣ можно утонуть. Порой онъ сразу останавливался и ни за что не хотѣлъ бѣжать впередъ, какъ его не понукали. Смотришь,—тамъ оказывается громадная пропасть или вырытый вѣтромъ провалъ.

Во время бури, пурги, бурана онъ тоже былъ незамѣнимый песъ. Онъ предсказывалъ ее впередъ за нѣсколько часовъ: онъ валялся по снѣгу, лаялъ, былъ тревоженъ, и, когда наступала страшная пурга, когда не видно было свѣту Божьяго, когда весь снѣгъ словно поднимался на воздухъ и крутился, все заметая,—Тасо, напряженный, спокойно вырывалъ себѣ на удобномъ мѣстѣ ямку и ложился въ снѣгъ: его заносило, и смотришь,—тутъ же, около него, ложились кучкой и другія собаки, не думая даже убѣгать въ чумъ, какъ бы онъ близко ни былъ.

Встанешь на другой день послѣ непогоды, вылѣзешь изъ снѣга и шкуръ, гдѣ мы обыкновенно укрывались въ пургу,—кругомъ,—ни одной собаки, ни слѣда. Потопчетъ, помнетъ снѣгъ Вылка и найдетъ пять-шесть собакъ. Пнетъ еще,—и выскочитъ изъ-подъ снѣга Тасо,—выскочитъ, встряхнется и готовъ для ѣзды и отправки.

Случалось, даже голоднымъ лежалъ онъ по три дня въ такомъ снѣгу въ непогоду.

* * *

Интересенъ разсказъ про этого Тасо, какъ онъ пропадалъ у Вылки полгода.

— Это было,—разсказывалъ Вылка,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ того, когда я зимовалъ въ одной маленькой избушкѣ, на берегу моря, въ Грибовомъ заливѣ. Я оставилъ ее и уѣхалъ верстъ на пятьдесятъ дальше, къ сѣверу на проливъ, къ слѣдующей зимѣ. Тамъ, въ этой избушкѣ, у меня

осталось нѣсколько тюленьихъ шкуръ на крышѣ да двѣ нерпы, которыхъ я, отправляясь въ путь съ семьей, не успѣлъ ободрать. Такъ какъ зимой онѣ не могли испортиться, то я и оставилъ ихъ въ пріѣздъ туда за хлѣбомъ въ послѣдній разъ, осенью. Тасо былъ въ тотъ разъ со мной. Но, когда на другой день я сталъ запрягать собакъ, онъ удралъ куда-то въ море, на ледъ... Кричалъ, стрѣлялъ,—его нѣтъ. Ждать было нельзя; зналъ я, что Тасо пробѣгаетъ долго, и я отправился съ хлѣбомъ на зимовку, предоставивъ ему добѣжать до насъ, какъ знаетъ. Пріѣхалъ домой: жду день, другой, третій,—Тасо нѣтъ. Жду недѣлю, другую, третью,—думаю, потерялся. Ѣхать искать его нельзя,—поднялась непогодь. Потомъ наступила зима, полярная ночь, когда и совсѣмъ не стало свѣта, и я рѣшилъ, что его задрали бѣлые медвѣди. Даже поплакалъ. Только поѣхалъ я весной къ этой избѣ, въ этотъ Грибовый заливъ, за тюленьими шкурами, подъѣзжаю, смотрю,—ко мнѣ летитъ со всѣхъ ногъ Тасо. Жирный такой, шатунъ,—шерсть гладкая,—прибѣжалъ, вскочилъ мнѣ на грудь, и давай бѣгать кругами около санокъ,—просто я думалъ, онъ съ ума спятилъ: бѣгаетъ, кружится. Собаки одурѣли,—за нимъ съ лаемъ... Едва я его остановилъ. Подъѣзжаю къ избушкѣ, смотрю,—ни одной шкуры не тронулъ съ голода, только и поѣлъ пару тюленей, что были не ободраны и лежали на крышѣ. Я просто удивился, какъ онъ прожилъ шесть мѣсяцевъ этими двумя маленькими тюленями. Смотрю, а онъ песцовъ полавливалъ, которые прибѣгали на запахъ тюленьяго жира. Раньше никогда не трогалъ, а тутъ давилъ,—вѣроятно, уже они ему очень надоѣли. Давилъ и ѣлъ. Должно быть, и мышами питался изрядно. Но какъ онъ отбился отъ бѣлыхъ медвѣдей, которые тутъ постоянно бродятъ, я ужъ не могъ понять!.. Бывало, живешь, зимуешь тутъ, такъ отбою отъ нихъ нѣтъ: какъ только подуетъ непогода въ морѣ, зашумитъ оно, пригонитъ вѣтеръ льды къ берегу,—бѣлые медвѣди ужъ около самой избы ходятъ... Какъ услышатъ запахъ

нашего ночника, дыма,—такъ и идутъ, и иной прямо къ тебѣ на самую крышу заберется... Выглянешь въ дыру въ потолкѣ, куда дымъ изъ очага выходитъ, а онъ на тебя и смотритъ... Тутъ, бывало, его и уложишь пулей. Въ сѣняхъ нашихъ даже бывали медвѣди... Разъ одинъ окошко наше ледяное вышибъ мордой... вышибъ, просунулъ голову и смотритъ... Ребятишки мои,—Тыко тогда еще маленькій былъ,—ревъ подняли, бабы—тоже, да успѣли ему головешку бросить въ морду, такъ отошелъ... Тутъ около избы неподалеку его и убилъ я. Собакъ тогда у меня дошлыхъ на него не было; Тасо еще не родился. Вотъ какъ. А онъ одинъ отбивался всю зиму отъ медвѣдей. Походилъ я около избы, посмотрѣлъ,—хоть бы гдѣ слѣдъ медвѣдя... Вотъ какой Тасо!.. Ну, запрягъ тогда я Тасо въ лямку и поѣхалъ обратно. Везетъ, негодный, вотъ какъ,—съ жиру-то, только держись на санкахъ, какъ покатилъ!..

Но главная заслуга Тасо въ глазахъ Вылки была его рѣзвость на охотѣ за бѣлымъ медвѣдемъ.

Объ этомъ у Вылки были неисчислимые разсказы, и порой, гдѣ-нибудь на берегу моря, на скалѣ, при видѣ плывучихъ льдовъ, сидя съ ружьями въ такое время, когда нѣтъ охоты и приходишь на берегъ моря только полюбоваться и на случай захватишь съ собою ружье,—Вылка такія чудеса начнетъ разсказывать про Тасо, что думаешь, если бы Тасо насъ понималъ, то онъ даже сконфузился бы отъ однѣхъ похвалъ своимъ геройскимъ подвигамъ.

Я какъ сейчасъ помню, какъ Вылка однажды на берегу моря, когда мы сидѣли съ нимъ на скалѣ, а подъ ногами шумѣло море, разсказалъ слѣдующій случай про Тасо на охотѣ за бѣлыми медвѣдями.

— Сижу я,—говорилъ Вылка,—сижу я разъ вотъ такъ же на берегу моря весной, и Тасо сидитъ со мной тутъ же. Ружья у меня нѣтъ: такъ вышелъ,—посмотрѣть льды, да нѣтъ ли, думаю, тюленей на льду около берега. Сижу я, Тасо мой все что-то въ одну сторону морду воротитъ; пах-

нетъ вѣтеръ съ моря, онъ подниметъ черную морду и поведетъ по вѣтру, словно чуетъ что-то подозрительное. А вѣтерокъ такъ попахиваетъ съ моря, такъ соленой водой и отдаетъ послѣ непогоды. Наканунѣ буря была, и ледъ принесло къ берегу. Много льду, цѣлое поле, на десять верстъ воды не видать отъ берега. Сижу такъ и посматриваю на него. Только вдругъ Тасо потянулся по вѣтру, всталъ, нюхаетъ, дрожитъ, и разомъ--прыгъ внизъ, сбѣжалъ на ледъ и удралъ

въ море, прямо такъ въ море по льду и заковылялъ, и бѣжитъ,—только ухо у него потряхивается одно, въ эту зиму медвѣдь ему его попоролъ, съ тѣхъ поръ у него оно долго потряхивалось.—Побѣжалъ, и вижу—все прямо; и мимо нерпы пробѣжалъ, не тронулъ, и мимо большого тюленя, морского зайца, что лежалъ на льду, пронесся, и все бѣжитъ, и бѣжитъ прямо въ море, къ полыньѣ. Думаю, это онъ не спроста. Кинулся въ чумишко, схватилъ очки,--(самоѣды весной, чтобы удобнѣе смотрѣть вдаль, носятъ съ собою очки—мѣд-

ныя круглыя пластиночки, гдѣ въ маленькія щелочки удобнѣе разсматривать даль),— схватилъ очки, надѣлъ и сталъ смотрѣть въ ту сторону, куда Тасо скрылся. Смотрю,—ничего не видать: ледъ и ледъ, горы льду стоятъ, что набросало его море, какъ двинуло наканунѣ льды. Сижу, смотрю—ни Тасо, ни медвѣдя. Только вдругъ до меня лай его донесся, такъ слабо, слабо... Слушаю, еще, еще,—нѣтъ, больше не наноситъ. И такъ мнѣ захотѣлось тогда въ море;—„не можетъ быть, думаю, чтобы я ослышался". Вскочилъ съ берега, запрягъ собачонокъ, схватилъ пищаль и бросился слѣдомъ за Тасо въ море. И страшно такъ ѣхать туда: ледъ еще не окрѣпъ, можетъ оторваться, унесетъ въ море, пропадешь,—и хочется. Все думаешь: вотъ услышу, вотъ найду Тасо. И забрался я по его слѣду верстъ за пять въ море: ужъ и берегъ сталъ тонуть, ужъ и чума не видно совсѣмъ. Ѣду, гоню собачонокъ, тороплюсь; остановлюсь, послушаю, на большую льдину залѣзу посмотрѣть,—хоть бы тебѣ кто. А чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ страшнѣе: вотъ, думаешь, ледъ отойдетъ отъ берега, вотъ вѣтеръ завоетъ съ горъ; пропалъ, смерть чистая!.. Остановился я, наконецъ: будетъ ѣхать, посмотрю еще съ большой ледяной глыбы, если не видать ничего, не слыхать,— ворочусь. Залѣзъ это, а она, какъ колокольня ваша, будетъ. Залѣзъ на нее, посмотрѣлъ, да такъ и опустилъ руки. Господи!.. Сколько льду наворочало вчера море, горы цѣлыя стоятъ, и все ледъ, и все ледъ, и ни души, и берегъ чуть-чуть виднѣется, словно бечевка. „Куда это,—я думаю,—занесло меня, вѣдь, тутъ заблудиться можно!" Махнулъ рукой, слѣзъ поскорѣе съ глыбы, и—домой гоню собакъ, что есть мочи, словно вотъ за мной кто гонится. А ледъ ужъ заскрипѣлъ,— заскрипѣлъ онъ передъ непогодой. Смотрю: и горы словно задымились, пурга тамъ началась. „Господи,—думаю,—какъ захватитъ меня непогода, пропаду вмѣстѣ съ собаками, и Тасо погибнетъ въ морѣ". Гоню собакъ-то, гоню, а самъ все оглядываюсь, что-то, кажется мнѣ, что кто-то вотъ за мной го-

нится, словно смерть. Только это я добрался—вонъ до того мысочка, ну—думаю, теперь хоть выбрался на крѣпкій ледъ, этотъ всю зиму стоитъ у берега и не унесетъ его въ море со мной. Только что выбрался, и заревѣла непогода. Господи, Боже мой, какая заревѣла непогода: ледъ трещитъ, визжитъ, колется, поднимается, опускается подъ ногами, снѣгъ поднялся весь на воздухъ, солнышко закрыло, вѣтеръ съ ногъ бьетъ, лопотишку рветъ на мелкіе клочья, малицу продуваетъ, и пошла крутить пурга... Собачонки встали: гнать дальше нѣтъ силы. Спустилъ я ихъ съ лямокъ; бросилъ санки, схватилъ пищаль и пошелъ за ними слѣдомъ къ берегу. До него ужъ недалеко осталось, версты двѣ,—больше не будетъ. Собачонки живо скрылись изъ глазъ: куда дожидаться,—худая скотинка, самимъ бы только поскорѣе убраться въ чумишко; поджали хвосты, повертѣлись на мѣстѣ, видятъ, что кругомъ снѣгъ топкій, зарыться невозможно на льдинѣ, махнули къ берегу и живо улепетнули. И остался я одинъ на льду. Иду, на вѣтеръ такъ и налегъ всей грудью; шаговъ двадцать шагну, оборочусь и отдыхаю. Всю щеку заледенило, лицо сѣчетъ, снѣгъ за воротъ набивается, все на мнѣ мерзнетъ, вотъ хоть ложись и умирай. Какъ вдругъ слышу,—позади Тасо лаетъ. Лаетъ не по-ладному. Оглянулся:—хоть бы что было видно; вотъ такъ идутъ передъ самыми глазами столбы снѣга, кружатся, вьются, падаютъ на ледъ, поднимаются, какъ налетятъ на тебя, свистнутъ по ушамъ, такъ и присядешь... А Тасо лаетъ и лаетъ, вотъ тутъ—только всего въ какихъ-нибудь саженяхъ двадцати. Господи,—думаю,—что такое, ужъ не смерть ли за мной гонится?.. Только это я подумалъ, оглянулся, словно кто-то за мной пыхнулъ, а это—медвѣдь... Всталъ на дыбы, поднялся и заревѣлъ рядомъ... Только я хотѣлъ замахнуться на него ружьемъ-то,—онъ хвать меня за плечо, я и повалился подъ него на снѣгъ... Только клочки полетѣли отъ моей малицы на вѣтеръ... Только слышу: свалилъ, рванулъ, а больше не деретъ... Только слышно, какъ

Тасо лаетъ. Вскочилъ я, посмотрѣлъ,—никого не видать, схватилъ пищаль и бросился бѣжать, куда глаза глядятъ, въ непогоду скроюсь, не найдетъ. Бѣгу, бѣгу къ берегу-то по вѣтру, спина мерзнетъ, а Тасо опять позади, не далеко лаетъ; значитъ, медвѣдь хватился меня, догоняетъ, слышу,—ближе, ближе. — Съѣстъ, проклятый, — думаю, — съѣстъ. Увернулся за льдинку и присѣлъ,—держу ружье наготовѣ. Стрѣлять гдѣ тутъ, только бы отмахаться. Слышу, они пробѣжали, — медвѣдь потерялъ слѣдъ... Слышу сперва, — далеко, а потомъ не стало словно и вовсе слыхать. И бросился я опять ихъ слѣдомъ къ берегу. Бѣгу, бѣгу, слѣды медвѣдя видать ясно. Только вижу и берегъ, и слѣды на берегу, и прямо взвозомъ къ моему чумишку. Съѣлъ,—думаю,—ребятъ и бабу медвѣдь-то... Съѣлъ, прямо туда убѣжалъ по собачьему слѣду. Съѣлъ... Даже заплакалъ. Только слышу: гамъ стоитъ на берегу, всѣ собаки поднялись на медвѣдя. Выскочилъ я на него, бѣгу къ чуму-то, а Тасо такъ и рветъ медвѣдя, такъ и скачетъ кругомъ, не пускаетъ его въ чумъ, а медвѣдь всего шагахъ въ двадцати будетъ, стоитъ, словно бы тамъ ни души больше ужъ нѣтъ въ живыхъ... Кинулся я въ чумишко; увидалъ медвѣдь меня,—за мной; только я забѣжалъ въ чумъ, онъ позади—хвать за оленью шкуру, только клочки полетѣли... Ревъ поднялся въ чумишкѣ; ребятишки къ матери бросились, щенята завизжали. А Тасо словно озвѣрѣлъ, не пускаетъ медвѣдя въ чумъ, и только-только что тотъ въ чумъ хочетъ залѣзть, онъ сзади его рванетъ и рванетъ. Медвѣдь за нимъ, а Тасо въ сторону, тамъ та собака подскочитъ, другая, онъ и забудетъ. Вѣдь не пустилъ, спасъ насъ,—какъ сунулся медвѣдь еще въ чумъ, я его—топоромъ изловчился да по головѣ. Тутъ и палъ, и зарылся въ снѣгъ лапами. И насѣли на него собаки, насѣли, рвутъ, визжатъ, рвутъ, озлились, а Тасо, какъ въѣлся въ шею, такъ и застылъ, такъ и деретъ кожу... Медвѣдь вздрагиваетъ, а Тасо держитъ, молчитъ;

дрожитъ, а держитъ, глаза у него кровью налились. Я говорю:—„Тасо, Тасо, полно, полно, будетъ, пропалъ онъ, проклятый“, — а онъ дрожитъ, въѣлся въ кожу, — стоитъ, упирается въ шею, что есть мочи. Едва я его отгладилъ, такъ онъ остервенился. Посмотрѣлъ послѣ, а онъ, бѣдняга, весь въ крови, весь исполосованъ когтями. Вотъ, какъ онъ дрался съ медвѣдемъ, чтобы тотъ меня не съѣлъ! Послѣ, съ мѣсяцъ, все зализывалъ раны. Стонетъ, бѣдный. Едва поправился,—закончилъ Вылка и подозвалъ къ себѣ Тасо и сталъ щупать его старые рубцы на спинѣ, чтобы показать ихъ мнѣ.

И Тасо подходитъ къ хозяину, подставляетъ спину для осмотра, словно понимая, что о немъ говорятъ, что вспоминаютъ его подвиги, и даже помахиваетъ отъ удовольствія хвостомъ.

* * *

Тасо я зналъ четыре года. Подъ конецъ онъ постарѣлъ: въ послѣдній годъ его шерсть уже не вездѣ была такая чистая, какъ раньше; бока впали, и на нихъ лѣтомъ торчали клочки старыхъ, спутанныхъ волосъ; на мохнатомъ хвостѣ появились какіе-то сбитые клочки шерсти, отчего, когда онъ вилялъ хвостомъ, его сильнѣе размахивало, чѣмъ онъ хотѣлъ; усы какъ-то прилегли къ мордѣ и не торчали ужъ; вся фигура потеряла гибкость и стройность; онъ чаще и чаще стоналъ, рѣже выходилъ изъ чума, грѣясь около огня и у чума, неохотно игралъ съ ребятами, неохотно ласкался; прыгать на грудь хозяина пересталъ ужъ, съ собаками ночью не дрался; его стали ужъ обижать молодые псы: то, смотришь, вырвутъ изъ пасти кость, то поскорѣе его подбѣгутъ подобрать брошенную пищу, и самая морда его какъ-то стала серіознѣе, чему особенно придавали такой видъ мохнатыя вѣки, которыя прикрывали ужъ наполовину его черные умные глаза, дѣлая ихъ выраженіе еще серіознѣе, глубже.

— Старѣетъ Тасо мой,—скажетъ, бывало, Вылка, и Тасо словно понимаетъ его и отвѣчаетъ едва замѣтнымъ движеніемъ хвоста.

Но, несмотря на старость, онъ все еще порой отправляется тихонько на льды моря, когда чуялъ бѣлыхъ медвѣдей, и таскалъ наши легкія санки, только съ тѣмъ различіемъ, что его перестали запрягать передовымъ, а стали ставить въ середку, гдѣ онъ и тащилъ усердно за свою лямку санки, прихрамывая на одну заднюю ногу.

Весной послѣдняго года намъ случилось съ Вылкой возвращаться съ берега Карскаго моря. Стоялъ май. Погода какъ-то сразу перемѣнилась: стало тепло, подулъ вѣтеръ съ юга, снѣгъ таялъ, и на льду пролива, по которому намъ нужно было проѣхать больше ста верстъ съ груженными санками, появилась ужъ вода, выступила первая наледь.

Мы съ трудомъ подвигались впередъ на четырехъ санкахъ. Снѣгъ былъ мокрый. Дороги—никакой. Ноги вязли въ таломъ снѣгу, и мы брели позади санокъ, предоставивъ ихъ собакамъ и подумывая, что-то будетъ еще завтра.

Какъ вдругъ ночью, когда мы стояли на одномъ мыскѣ пролива, ударила непогода: зашумѣлъ вѣтеръ въ горахъ, и поднялся страшный буранъ со снѣгомъ. Мы поскорѣе укрылись подъ санками. Насъ занесло снѣгомъ. Всю ночь бушевала буря, и на другой день утромъ мы не смѣли даже высунуть носа, такъ билъ, крутилъ мокрый снѣгъ, и только въ полдень вѣтеръ стихъ, и мы вышли изъ-подъ снѣга.

Вылка хватился собакъ, нашелъ ихъ подъ снѣгомъ, выгналъ, но только не вышелъ изъ-подъ снѣга Тасо.

— Что-то случилось съ Тасо,—сказалъ мнѣ Вылка,—не выходитъ изъ-подъ снѣга.

Я подошелъ посмотрѣть и сразу угадалъ, что Тасо боленъ, промерзъ, усталъ, и его ужъ запрягать намъ невозможно.—„Еще одной собакой, — подумалъ я, — меньше, а пути осталась добрая половина“.

Тасо лежалъ въ ямкѣ, въ снѣгу, свернувшись колачикомъ, и даже не поднималъ головы, словно передъ непогодой.

Вылка развелъ огонь, хозяйка его поставила чайникъ, и мы съ Вылкой притащили Тасо къ огню, чтобы посмотрѣть, чѣмъ онъ боленъ. А Тазо ужъ не могъ стоять на ногахъ: какъ онѣ были у него скрючены, когда онъ лежалъ, такъ и остались. Положили мы Тасо около огня и стали пить чай, дожидаясь, что онъ около огня отогрѣется.

Но вотъ мы напились ужъ и чаю и поѣли мяса, закусили, вотъ ужъ завязали и воза, чтобы отправиться въ путь, а Тасо все лежитъ, и, видно, жаль ему насъ, что мы собираемся въ дорогу, словно боится, что мы его оставимъ...

— Какъ же быть съ Тасо?—спросилъ я Вылку, который запрягалъ собакъ въ послѣднія санки, отнявъ лямку стараго Тасо прочь.

— Положимъ на санки,—сказалъ онъ, продолжая свое дѣло, обхомутывая продрогшихъ за ночь и голодныхъ собакъ.

Я подошелъ къ Тасо, который лежалъ, не мѣняя положенія, у потухшаго костра, и подалъ ему кусокъ варенаго мяса. Но Тасо не посмотрѣлъ на него и только, когда тронулись передовыя санки съ женой Вылки, онъ приподнялъ въ испугѣ голову, посмотрѣлъ на дорогу, словно прощаясь, и снова въ безсиліи, какъ-будто сознавая, что все для него кончено, опустилъ голову на снѣгъ и закрылъ глаза.

Пора было ѣхать. Переднія санки ужъ скрывались за мыскомъ. Я стоялъ около Тасо и ждалъ, когда соберется его хозяинъ.

Но вотъ онъ собрался, подошелъ къ Тасо и остановился словно въ недоумѣніи, увидѣвъ предъ собою вытянувшуюся собаку.

— Тасо, Тасо!—Что съ тобой? Что съ тобой, бѣдный?—бросился онъ къ нему...

Тасо только заморгалъ глазами, словно говоря, что все ужъ кончено...

— Тасо, Тасо! Что ты? Что ты? Пропадать вздумалъ? Пропадать...—заговорилъ вдругъ круто-круто Вылка и сталъ щупать его окоченѣвшія ноги, холодную кожу, голову...

И вдругъ, я вижу, онъ припалъ къ нему головой, обхватилъ его руками за шею, прижался къ нему и зарыдалъ, зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ, и слезы, свѣтлыя, крупныя слезы, такъ и полились на бѣлую грубую шерсть Тасо и покатились съ нея на снѣгъ...

Я въ какомъ-то ужасѣ стоялъ около и смотрѣлъ и на Тасо, и на Вылку, и на слезы, и на бѣлый, блестящій снѣгъ.

Когда Вылка поднялся, отъ Тасо оставался ужъ трупъ; лапы его вытянулись, языкъ застрялъ въ предсмертной мукѣ между зубами, глаза стали тусклые, какъ-будто ихъ задымило дымомъ потухавшаго, брошеннаго костра.

* * *

Мы долго не могли тронуться въ путь съ этого злополучнаго для насъ мыса пролива: Вылка ни за что не хотѣлъ бросить трупъ бѣдной собаки, боясь, что его растащутъ по клочкамъ песцы, и мы отвезли его на ледъ пролива, нашли отдушину тюленя на срединѣ, тихонько спустили туда за лапы Тасо,—такъ похоронили его, какъ хоронятъ матросы своихъ товарищей въ морѣ.

И намъ такъ жаль было Тасо, что мы бѣжали нѣсколько верстъ вслѣдъ своихъ санокъ, даже не смѣя сказать другъ другу слова, чтобы не расплакаться.

Когда мы догнали нашъ караванъ часа черезъ два, то хозяйка исчезнувшаго Тасо только посмотрѣла на наши санки,

догадавшись, что случилось. Дольше всѣхъ Тасо не хватились дѣти: они весело сидѣли на санкахъ, помахивая на собакъ ремешкомъ, и только замѣтили, что нѣтъ Тасо, на стоянкѣ, когда спустили всѣхъ собакъ, между которыми словно не доставало кого-то.

— Гдѣ Тасо? гдѣ, мама, Тасо? Гдѣ, тятя, Тасо?—стали они допытываться у отца и матери и вдругъ заплакали горькими дѣтскими слезами.

Всю ночь выли собаки, почуявъ смерть товарища, и было такъ страшно, такъ тоскливо, что хоть бѣги безъ оглядки куда попало...

Яковъ Ивановичъ
Павловскій.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

„Вечерній звонъ, вечерній звонъ.
Какъ много думъ наводитъ онъ“.

Мы пріѣхали къ Никитѣ-рыболову подъ самый вечеръ, когда солнышко уже пряталось за озеро съ темными камышами.

Никита давно звалъ насъ удить рыбу на его озеро, но намъ все было некогда. Но вотъ мы собрались и пріѣхали.

Насъ было трое: я, мой младшій братъ и Андрюшка. У Андрюшки не было удочки, онъ не охотникъ до рыбы, и если выпросился съ нами, то только затѣмъ, чтобы побывать въ деревнѣ Никиты, у своей родни.

Никита, добродушнѣйшій старикъ, какой только, кажется, и можетъ родиться въ нашей благодатной, черноземной сторонѣ, страшно намъ обрадовался. Обрадовалась намъ и его старушка,—Лукерья, обрадовались ихъ внучата, обрадовалась вся семья, даже словно и озеро и то смотрѣло на насъ какъ-то радостно, отражая въ своей тихой водѣ розовый закатъ солнца.

Насъ такъ и потянуло къ озеру, и, помню, намъ ни за что не хотѣлось отъ него оторваться, слушая протяжный разсказъ Никиты про рыбу, когда насъ стали звать въ избу, говоря, что тамъ давно уже ждетъ самоваръ.

Въ просторной старинной избѣ мы застали всю семью Никиты. Она была полна ребятъ, бабъ, мужиковъ; на столѣ горѣла сальная свѣчка. Все это многочисленное общество съ живымъ разговоромъ, участливостью такъ и поглотило насъ; озеро сразу было забыто. Мы съ любопытствомъ смотрѣли на смуглыя, загорѣлыя лица мужиковъ, на лохматыя головы ребятишекъ, которыхъ, чтобы было просторнѣе въ избѣ, теперь удалили на полати, откуда они, свѣсивъ головы, смотрѣли на снующихъ женщинъ, и мы только потомъ уже замѣтили, что къ нашему Андрюшкѣ пришла какая-то старушка, старая-престарая. Она сидѣла съ нимъ у самаго порога на лавкѣ, придвинувшись къ нему близко, и, любовно положивъ на его плечо руку, старалась разслышать, что онъ ей говоритъ. Но мы ясно видѣли, что онъ стыдился ея старости, ея морщинистаго лица, сторонился отъ ея ласки, когда она гладила его по головѣ, и даже отодвигался отъ нея, когда она припадала къ нему, когда она спрашивала его надъ самымъ ухомъ, какъ живетъ его мать, жива ли его бабушка. Она очень плохо слышала, постоянно переспрашивала его, стараясь въ шумѣ другихъ голосовъ уловить его голосъ, и мы видѣли, какъ онъ даже смѣялся надъ тѣмъ, что она его не слышитъ, что она не такъ понимаетъ его отвѣты.

— Доятъ ли у васъ коровъ-то?—спрашивала она, припадая къ его уху.

— Доятъ, доятъ,—кричалъ онъ ей на ухо, смѣясь, что ее интересуютъ ихъ коровы.

— Доятъ, доятъ,—повторяла она его слова.—ой, ты, мой миленькій,—и гладила его по затылку.

— Бабушка-то твоя жива ли?—снова и снова повторяла она, забывъ, что уже спрашивала объ этомъ.

— Жива, жива,—кричалъ ей на ухо, смѣясь, паренекъ.

— Выползаетъ ли на улицу-то? Али носите?

— Носимъ, носимъ, — кричалъ ей Андрюшка, смѣясь своему отвѣту.

— Ноо-сите,—протягивала бабушка,—ой, ты, мой миленькій, носите,—и вдругъ терла глаза и начинала плакать.

Андрюшкѣ хочется ее утѣшить, и онъ кричитъ ей, чтобы она сама приходила къ нимъ въ гости провѣдать. Старушка перестаетъ плакать и снова прижимается къ нему, трогая его за плечо.

— Была, вѣдь, весной я у васъ, была, мой миленькій,—говоритъ она ему.

— Ну, еще приходи.

— Ой, что ты, мой миленькій, стыдно.

— Чего стыдно-то?—спрашиваетъ ее Андрюшка.

— Хлѣбъ-то ѣсть чужой стыдно. Стыдно, мое дитятко, стыдно,—и она снова начинаетъ плакать тихо-тихо, даже не утирая слезъ.

— Чего стыдно-то, бабушка?—вступаетъ въ ихъ разговоръ Никита,—вѣдь, своя тоже будешь; чѣмъ няньчиться то здѣсь съ чужими ребятами, шла бы къ нимъ...

— Что ты, Никита Иванычъ, вѣдь, я имъ дальняя родня-то, одинокая я, никого у меня нѣтъ на старости, всѣхъ пережила,—и она еще пуще плачетъ, утирая слезы пестрядиннымъ рукавомъ.

Шумная семья вдругъ какъ-то притихла; чай какъ-будто

не идетъ въ горло; разговоры не клеятся, и, видимо, судьба бѣдной, заброшенной старухи, которая теперь радостно ластится къ чужому внучку, рада узнать отъ него, доятъ ли у ея внучки коровъ,—невольно всѣхъ трогаетъ: у бабъ, слушающихъ ее, навертываются слезы.

* * *

Становилось уже поздно. Никита торопилъ бабъ подавать ужинъ, говоря, что если удить, то нужно вставать на разсвѣтѣ. Бабы заторопились, убрали самоваръ, вымыли посуду, нарѣзали пшеничнаго хлѣба ломтями, расклали его вдоль скатерти, поставили солонку, положили деревянныя крашеныя ложки и подали на столъ деревянную чашку ухи. Мужики, въ однѣхъ пестрядинныхъ рубахахъ, размашисто помолились Богу; помолились Богу и ребятишки, соскочившіе живо съ полатей, помолился Богу нашъ Андрюшка, и семья, пригласивъ за столъ и бабушку, чинно усѣлась кругомъ низкаго стола и взялась за хлѣбъ и ложки.

Но какъ ни приглашали бабушку, какъ ни кричала надъ ея ухомъ молодуха, бабушка никакъ не согласилась сѣсть за чужой столъ, говоря, что она уже поѣла, какъ побѣжала, прослышавъ, что къ нимъ пріѣхалъ Андрюшка, и все что-то шептала и плакала въ углу у самаго порога.

Мы поужинали вмѣстѣ съ семьей Никиты; наѣлись досыта ухи, которую подливали разъ пять бабы; пробовали на сковородкѣ жареныхъ карасей; отвѣдали киселя, и семья снова стала усердно молиться Богу, встряхивая волосами и одергивая подолы рубахъ. На столѣ остались только крошки хлѣба, куча деревянныхъ ложекъ и кучки рыбныхъ костей.

Пошли переговоры, куда насъ положить спать. Никита совѣтовалъ постлать намъ кошму (войлокъ) въ переднемъ углу, убравъ оттуда столъ; но старуха его никакъ на это

не согласилась, говоря, что насъ будутъ тревожить грудные ребятишки, которые уже не разъ подавали голосъ изъ двухъ люлекъ, висѣвшихъ одна—направо, другая—налѣво, недалеко отъ двери.

Рѣшили положить насъ на повѣти, благо, было тепло на дворѣ, и тамъ лежало недавно скошенное душистое сѣно. Андрюшка тоже пошелъ съ нами на повѣти; бабушка стала прощаться съ нимъ и сильно расплакалась, боясь, что завтра уже она его не увидитъ, но ее уговорили переночевать въ избѣ. Мы ушли изъ избы, когда старушка на это съ радостью согласилась, оговариваясь, какъ бы она не помѣшала кому-нибудь ночью.

Старикъ Никита засвѣтилъ большой деревянный фонарь съ засаленнымъ стеклышкомъ; одна молодуха завернула намъ постель съ подушками и подала своему мужу, другая посвѣтила въ сѣняхъ, и мы отправились спать втроемъ на повѣти.

Была уже темная ночь, когда мы вошли во дворъ; при свѣтѣ фонаря эта ночь казалась еще темнѣе.

Насъ проводили къ сѣновалу, къ тому мѣсту, гдѣ стояло бревно съ зарубками въ родѣ лѣстницы; мы осторожно полѣзли подъ крышу и очутились въ просторномъ сѣновалѣ, гдѣ только въ одномъ углу лежало, дѣйствительно, свѣжее сѣно, отъ котораго до насъ доносился запахъ какой-то пахучей травы.

Старикъ Никита взобрался за нами по лѣстницѣ, поставилъ фонарь осторожно на полъ и, умявъ сѣно, раструсилъ его руками, постлалъ намъ сѣрую съ узорами кошму, положилъ двѣ подушки, накинулъ овчинный тулупъ на случай и сказалъ, чтобы мы спали спокойно, что онъ самъ насъ придетъ будить утромъ, когда нужно, что черви уже накопаны, лодка—у бани, и теперь намъ нужно только выспаться „въ ожиданіи хорошаго, Богъ дастъ, улова“,—прибавилъ онъ.

Затѣмъ онъ взялъ фонарь, пошелъ съ нимъ къ выходу и, покашливая, не спѣша, сталъ спускаться съ повѣтей, говоря: — „Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Скользнули еще разъ по стропиламъ лучи фонаря, зашевелились тѣни,—и разомъ стало темно и тихо.

* * *

Мы остались одни. Сначала тишина, мракъ ночи, неизвѣстность, гдѣ мы находимся, гдѣ искать при случаѣ выходъ, немного пугали насъ, но скоро глаза присмотрѣлись къ темнотѣ; среди нея ясно обрисовались выходъ, какая-то щель въ крышѣ, лучъ догоравшей зари въ углу; мы успокоились и стали забываться сномъ.

Но у меня совсѣмъ не было сна послѣ чая, я никакъ не могъ сомкнуть глазъ и забыться; свѣтлое пятно во входѣ казалось мнѣ выходомъ пещеры; вмѣсто стропилъ рисовалась воображенію моему такая картина: казалось, кто-то шевелился въ темномъ углу; казалось, раза два блеснули чьи-то глаза фосфорической искоркой, и я даже чуть не вскрикнулъ, когда вдругъ вздрогнулъ, засыпая, мой братъ, и что-то быстро, быстро прошепталъ Андрюшка, тотчасъ же прервавъ свой шопотъ яснымъ для меня почесываніемъ усталаго тѣла.

Я прижался къ спинѣ брата и постарался закрыть глаза, чтобы заснуть, но глаза какъ-то невольно открывались и вглядывались въ темноту. Я вздумалъ, было, считать до ста, но скоро потерялъ счетъ и о чемъ-то задумался. Вотъ слышу,—вблизи берега простоналъ куликъ; гдѣ-то далеко, далеко на озерѣ пронесся крикъ какой-то птицы, голосъ которой такъ и гудѣлъ надъ водой, и у меня совсѣмъ пропалъ сонъ; я съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ голосамъ ночи, которыми особенно богато озеро.

Дѣйствительно, то тамъ, то здѣсь, съ него доносились слабые отдаленные голоса птицъ; онѣ не спятъ ночью, ча-

сто перекликаются, часто летаютъ;—вотъ ясно слышно, какъ стонутъ кулики; вотъ утки свистятъ крыльями, разсѣкая тихій воздухъ.

Я слѣдилъ за ними воображеніемъ и почти видѣлъ, какъ онѣ скрываются съ береговъ, какъ онѣ летятъ надъ камышами, надъ деревней, какъ онѣ плывутъ по водѣ, какъ прячутся въ темный, высокій, таинственный камышъ. Тамъ, у камыша, въ одномъ знакомомъ уже мнѣ мѣстѣ стоятъ морды (верши) Никиты, торчатъ изъ воды колья запора, и сушится сѣть на камышѣ. Это мѣсто особенно почему-то врѣзалось въ моей памяти еще съ прошлой весны, и мнѣ теперь кажется, какъ тамъ, въ камышахъ, ходитъ крупный карась, шевеля тростниками и спугивая съ нихъ птичекъ, которыя съ трескомъ перелетаютъ на другіе кусты. Мое воображеніе уже рисуетъ, какъ мы ѣдемъ къ этому мѣсту на лодкѣ; какъ причаливаемъ къ колодьямъ, какъ старикъ Никита осторожно, перекрестясь, начинаетъ вытаскивать морду, какъ выходитъ сначала осиновый колъ изъ воды съ зеленой вѣткой, потомъ показывается бокъ плетеной ловушки, какъ кружится въ ней вода, и вдругъ она оживаетъ, всплескиваясь, и золотистые караси начинаютъ шумно, шумно плескаться, перескакивая на иловатомъ днѣ морды, которую всю затянуло темнозеленой тиной. И вдругъ, въ то время, когда я уже считаю добычу Никиты, перебираю на днѣ нашей лодки золотистую рыбу, которая тяжело дышитъ и бьется, перескакивая отъ моихъ колѣнъ къ носу лодки, я слышу звонъ колокола...

Да, это звонъ! Звонъ далекаго колокола, ровный, спокойный, вѣроятно, доносящійся изъ ближайшаго села, съ колокольни, гдѣ сторожъ вздумалъ отбивать часы. Этотъ звонъ по зарѣ ясно доносится до моего слуха, и я слышу, какъ льются его волны, какъ стихаютъ онѣ, какъ снова послѣ удара звучатъ и дрожатъ въ воздухѣ, и, кажется, все къ нимъ прислушивается, даже птицы и тѣ слушаютъ

его, переставъ кричать и перелетать съ мѣста на мѣсто. И странно, какой-то тоской звучитъ этотъ колоколъ далекой колокольни, словно прося о чемъ-то небо, словно жалуясь природѣ, что всѣ спятъ, всѣ забылись, когда въ далекомъ небѣ загорѣлись и смотрятъ на землю ясныя звѣзды.

Я насчиталъ десять ударовъ; я съ напряженнымъ слухомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ они замерли въ воздухѣ, и воспоминанія одно за другимъ, милыя, дѣтскія воспоминанія встали передо мной, словно на яву.

* * *

Я вижу большой, съ мезониномъ, деревянный домъ моего дѣдушки. Я вижу его тѣнистый садъ сбоку, поросшую травой ограду; вижу большія комнаты, по которымъ бѣгаю, любуясь просторомъ; вижу картины по стѣнамъ, которыя я каждый разъ, пріѣхавъ въ гости, подолгу разсматриваю, стоя на стульяхъ; вижу лики иконъ, передъ которыми постоянно горитъ синяя лампада. Но больше комнатъ, картинъ, больше тѣнистаго сада, въ который порою даже бываетъ жутко входить, я люблю высокій мезонинъ. Тамъ никто не живетъ, тамъ только по стѣнамъ висятъ старыя, заброшенныя картины, по угламъ стоятъ запыленные, старые сундуки съ книгами и синими тетрадками, по которымъ учился еще мой дѣдушка въ семинаріи латыни, да старый съ пятнами диванъ, но мнѣ эта комната мезонина почему-то нравится больше всѣхъ, быть можетъ, потому, что туда насъ рѣдко пускаютъ, быть можетъ, потому, что тамъ лежатъ старыя книги, которыя словно дожидаются тебя, когда ты будешь ихъ разглядывать, словно угадывая ихъ жизнь, и эта комната, когда только что отпираешь ея скрипучія толстыя двери, уже дышитъ на тебя чѣмъ-то забытымъ, таинственнымъ, словно тамъ дѣдушка нарочно отъ насъ заперъ какую-то жизнь...

Тамъ даже какъ-то неловко смѣяться, громко говорить... И только что въ нее войдешь, какъ уже тебя охватываетъ любопытство къ этимъ запыленнымъ, заброшеннымъ вещамъ, и ты осторожно, съ жадностью то хватаешься за старую съ картинами книгу въ кожаномъ переплетѣ, который уже поѣли мыши, то берешь въ руки сломанный пьедесталъ маленькаго памятника, сломанную, старую, забытую игрушку. И сколько тутъ разныхъ вещей, сколько таится въ нихъ жизни, сколько думъ наводятъ онѣ на маленькую голову своимъ старымъ видомъ, своимъ сломаннымъ механизмомъ, своей оборотной стороной, которая лучше всего учитъ любознательный умъ, какъ жили, что пережили эти вещи!..

Эта комната имѣетъ еще двѣ таинственныя двери подъ крышу, но туда ужъ намъ строго запрещалось вступать, и мы только разъ, помню, съ братомъ отворили ихъ, и тотчасъ же заперли, испугавшись страшной темноты, которая глядѣла на насъ изъ угловъ громадной крыши. Но зато намъ, сколько угодно, подъ условіемъ осторожности, дозволялось выходить изъ нея на маленькій висячій балконъ, съ котораго открывался чудный видъ на все село дѣдушки, на бѣлую церковь, на гумна, на озеро, гдѣ столько водилось маленькихъ куличковъ и летало чаекъ.

Но туда мы боялись выходить; намъ страшно было ступить на разсохшійся полъ, и мы съ осторожностью вступали на него, поскорѣе схватывались за старыя перила и съ любопытствомъ глядѣли, какъ кружатся надъ нами вспугнутые нашимъ приходомъ сизые голуби.

На этомъ балконѣ висѣлъ въ углу небольшой колоколъ съ желѣзнымъ языкомъ. Отъ него внизъ въ стѣну уходила веревочка, и насъ всегда очень соблазняло дернуть за нее, чтобы послушать ближе, какъ онъ зазвонитъ. Но это было бы верхомъ дерзости, мы знали, что за это насъ разбранятъ,—намъ строго было наказано его не трогать,—и, только увѣрившись, что дѣдушка спитъ, мы порой тихонько

доставали до него рукой и бренчали въ него ногтями, съ испугомъ прислушиваясь, не очень ли громко онъ звенитъ, чтобы насъ не услышали снизу.

Этотъ колоколъ былъ драгоцѣнностью. Мы знали, что для него нашъ дѣдушка цѣлые года собиралъ старые гривенники и алтыны, что онъ, когда лили его въ городѣ, даже бросилъ въ горно нѣсколько монетъ серебра. И звонить только полагалось ему одному и только въ торжественныхъ, по нашему понятію, случаяхъ, когда необходимо было подать сигналъ на колокольню, чтобы благовѣстили къ обѣднѣ, чтобы тамъ звонили часы или били въ большой колоколъ, когда зимой кругомъ поднималась страшная пурга.

И я вспоминаю, до тонкости вспоминаю, какъ зимой, въ метель, бывало, звонитъ дѣдушка, дергая за зеленый шнурокъ въ чайной, какъ едва слышно, теряясь въ шумномъ вѣтрѣ, доносится до насъ слабый звукъ дѣдушкина колокола, и какъ потомъ раздается торжественный, оглушительный звонъ большого колокола, звуки котораго такъ и рветъ вѣтеръ, разбрасывая по сторонамъ несчастнымъ путникамъ, которые теперь зябнутъ, дрожатъ, мерзнутъ отъ холода и метелицы на дорогѣ. Въ такія ночи было страшно. Въ такія ночи я долго не могъ заснуть, напрасно закрывая глаза и прячась въ подушку и одѣяло. Въ такія ночи не спалъ и дѣдушка: онъ тревожно все время прислушивался къ бурѣ и не разъ снова и снова начиналъ звонить въ свой колоколъ, когда переставали звонить на колокольнѣ измученные, замерзнувшіе сторожа. Его лицо было блѣдно, онъ часто-часто крестился, взглядывая на образъ, передъ которымъ мигала лампадка, и когда онъ уходилъ въ свой кабинетъ и ложился спать, засыпая тревожнымъ сномъ къ утру,—я уже не помню.

Мнѣ долго не позволяли, хотя я былъ гостемъ, звонить въ этотъ колоколъ часы, и только когда я подросъ уже, мнѣ это дозволялось безпрекословно, и то только тогда,

когда я былъ „умникомъ“ и не такъ шалилъ, чтобы на меня можно было сердиться.

И я вспоминаю, ясно вспоминаю объ этомъ счастливомъ времени, когда, бывало, сидишь вечерами на теплой лежанкѣ въ чайной комнатѣ и присматриваешься къ маленькимъ часамъ, когда ихъ медленная стрѣлка подойдетъ къ тому мѣсту, когда нужно отбивать часы. Мама и бабушка не слѣдятъ за этимъ; тетушка, хотя и сидитъ за столомъ противъ нихъ, но тоже на нихъ не взглядываетъ, занятая вязаньемъ безконечнаго чулка; дѣдушкѣ, видимо, тоже не до того: онъ читаетъ имъ житіе старца Серафима, какъ тотъ кормитъ въ лѣсу у своей хижины хлѣбомъ медвѣдя, — я одинъ, одинъ слѣжу за стрѣлкой и съ возрастающимъ нетерпѣніемъ дожидаюсь, когда она подойдетъ и станетъ прямо на верху циферблата, чтобы, чикнувъ, тотчасъ же опуститься снова книзу. Часы были маленькіе и не били, и мнѣ доставляло большое удовольствіе первому замѣтить это, и я радовался даже тому, что всѣ онѣ просмотрятъ этотъ важный моментъ, я былъ готовъ даже пропустить его, чтобы насладиться этимъ, но, обыкновенно не выдерживалъ и, прежде чѣмъ стрѣлка станетъ прямо, уже бѣжалъ къ дѣдушкѣ и говорилъ, что нужно скорѣе, скорѣе бить часы и просилъ позволенія.

Дѣдушка взглядываетъ на часы чрезъ очки, соглашается, что пора бить, гладитъ меня по головѣ и удерживаетъ меня за руку, дочитывая страницу. Я съ нетерпѣніемъ жду, чувствуя, какъ горитъ моя рука и трясется въ теплой рукѣ дѣдушки. Но вотъ страница кончена, дѣдушка кладетъ на нее закладку, встаетъ, понюхаетъ табакъ, отрясая свою длинную сѣдую бороду, поднимаетъ очки на лобъ и ведетъ меня въ передній уголъ, гдѣ теплится синяя лампада и виситъ зеленый шнурокъ. Онъ высоко, мнѣ не достать его, мы ставимъ съ дѣдушкою стулъ, онъ поднимаетъ меня на него и велитъ дернуть разъ.

Я дергаю, но звука не слышно, дергаю еще разъ сильнѣе и слышу, какъ, наконецъ, звенитъ колоколъ тоненькимъ дребезжащимъ голосомъ, словно не смѣя еще нарушить тишины темной ночи.

Дѣдушка заставляетъ меня считать „разъ“, и когда затихаютъ звуки, когда уже ихъ совсѣмъ не слышно, онъ снова заставляетъ дернуть, я дергаю и считаю „два“. Колоколъ звучитъ чище, яснѣе. Я дергаю уже смѣлѣе въ третій разъ, дергаю въ четвертый, пятый, шестой, наслаждаясь, что бужу тишину и дѣлаю какое-то важное, отвѣтственное дѣло. Я съ сожалѣніемъ дергаю въ послѣдній разъ, считаю „девять“, опускаю зеленый, мягкій шнурокъ и стою, замирая, слушая уже не то, какъ стихаютъ звуки маленькаго колокола, а какъ стукнетъ большой на колокольнѣ, которому мы подавали только что съ дѣдушкою сигналъ,—сколько нужно бить часовъ, чтобы слышали все село и ближайшая деревня Кукольникова.

Дѣдушка тоже стоитъ и дожидается; бабушка и мама тоже молчатъ и прислушиваются, что-то долго нѣтъ звука, кажется, прошла уже минута, двѣ-три, стрѣлка часовъ уже пошла на бокъ, какъ вдругъ раздается знакомый густой звукъ, словно обрушившись на крышу дома, словно ворвавшись сквозь зимнія рамы, и начинаетъ волной разливаться по воздуху какими-то торжественными переливами, нарушая тишину ночи. И бабушка, и мама, и дѣдушка—всѣ крестятся и смотрятъ на синюю лампаду, которая словно качнулась отъ этого звука колокола.

Что-то властное, торжественное говорятъ эти звуки сердцу, какая-то нотка грусти, чего-то потерянаго звучитъ въ нихъ, о чемъ-то просятъ они, къ чему-то словно взываютъ, и, смотря на дѣдушку, который крестится передъ иконой, произнося какія-то незнакомыя мнѣ имена, смотря на смолкнувшихъ бабушку, маму и тетку, на прислушивающагося кота съ лежанки, который шевелитъ при каждомъ

звукѣ ушами, въ меня прокрадывается какое-то чувство, новое чувство, не то страха, не то удивленія къ чему-то неизвѣстному, таинственному...

Я долго не понималъ, почему дѣдушка молится въ эти минуты, какія имена онъ шепчетъ, смотря на образъ, и только подросши, послѣ, когда я уже звонилъ самостоятельно, у того же зеленаго шнурка онъ мнѣ разъ объяснилъ, что хорошо молиться въ эти минуты, подъ звуки церковнаго колокола, о покойныхъ родныхъ, о которыхъ намъ некогда вспоминати днемъ, которые, быть можетъ, теперь мучатся безъ теплой молитвы, забытые даже своими родными. Онъ и меня заставлялъ молиться въ эти минуты ночного покоя и завѣщалъ молиться въ это время и о немъ, и о бабушкѣ, и о мамѣ, и о тетушкѣ, когда и они лягутъ въ сырыя могилы...

И я молился тогда, молился о своихъ братьяхъ и сестрахъ, и мнѣ жалко было ихъ, больно было, что они спятъ въ землѣ, не раздѣляя съ нами радостной жизни. И хотѣлось больше, больше молиться, чтобы имъ хорошо было на небѣ.

Съ тѣхъ поръ я словно понялъ звуки и самаго колокола, которые словно, дѣйствительно, просили молиться о покойныхъ въ ночной тишинѣ. И какъ, бывало, хорошо молиться, сколько чистыхъ слезъ навертывалось на глаза, не зная, зачѣмъ и о комъ...

* * *

Я долго, долго думалъ объ этомъ, лежа на сѣновалѣ Никиты; воспоминанія одно за другимъ вставали въ возбужденномъ мозгу; рисовались счастливое дѣтство, отрочество, юность; было тепло и хорошо на душѣ, и когда черезъ часъ снова донеслись до меня торжественные звуки съ далекой колокольни, словно ставшіе еще яснѣе въ тишинѣ ночного воздуха, я почувствовалъ, что они ближе

коснулись моей души и пробудили въ ней счастливое, немного грустное чувство.

И, слушая, какъ они разливались, дрожали въ воздухѣ, словно молясь за грѣшный міръ, словно, дѣйствительно, пробуждая отъ сна человѣка, чтобы онъ вспомнилъ въ эти тихія минуты ночи о милыхъ могилахъ, о которыхъ онъ позабылъ въ сутолокѣ дня, я уже невольно крестился, вспоминая о дѣдушкѣ, бабушкѣ, мамѣ, которые давно уже лежатъ въ землѣ, и мнѣ было хорошо, такъ хорошо, что невольно бѣжали по щекамъ теплыя слезы... И послѣ этого стало на душѣ легко, отрадно, и я уже не помню, совершенно не помню, какъ я заснулъ и проспалъ до самаго утра, пока не пришелъ насъ будить Никита.

Съ тѣхъ поръ я не забываю завѣта, хорошаго, добраго завѣта моего дѣдушки, когда слышу ночью, какъ отбиваетъ часы церковный колоколъ, и молюсь о немъ. Хорошо тогда молиться о милыхъ, словно немного забытыхъ могилахъ.

Прислушайтесь, читатель, къ этимъ звукамъ колокола ночью, когда вы уже въ теплой постели, когда уже слетаетъ къ вамъ тихій сонъ, когда вы уже засыпаете съ чистыми мыслями, и протяжные, заунывные звуки эти вамъ скажутъ, къ чему взываютъ они въ ночной тишинѣ.

С. Бутуринское.

ВЪ ЮРТѢ ОСТЯКА.

Не помню, за три или четыре станціи до г. Березова, куда я въ прошломъ году спѣшилъ къ Рождеству, со мной случилась непріятная исторія.

Короткій зимній день уже кончился, наступили сѣрыя сумерки, когда мы съ ямщикомъ тихонько тащились на тройкѣ лошадей, запряженныхъ гусемъ, по-сибирски,—одна лошадь за другой,—по узкой дорожкѣ вдоль необозримой рѣки Оби; я дремалъ, сидя подъ теплой кошмой; ямщикъ посвистывалъ на лошадей, покрикивалъ на нихъ, какъ вдругъ, чувствую, лошади дернули и понеслись.

— Что такое?—кричу ямщику, сидѣвшему въ мохнатомъ вывороченномъ тулупѣ, открывая кошму.

— Волки, баринъ... Волки гонятся...

— Гдѣ, гдѣ?—силюсь я приподняться съ сидѣнья и освободиться отъ кошмы и шубы, которыя совсѣмъ связали мнѣ руки.

Но ямщикъ молчитъ и только возится въ темнотѣ съ цѣлой кучей вожжей, чтобы лошади не мяли другъ друга, стараясь опередить другъ друга, заслышавъ за собой волковъ.

— Держи лошадей,—кричу я ему,—остановись, я стрѣлять буду...—Но онъ ровно ничего не можетъ сдѣлать уже съ обезумѣвшими лошадьми.

Я выхватываю патронный штуцеръ, дѣлаю выстрѣлъ-два на воздухъ, но это, оказывается, еще хуже: лошади окончательно подхватываютъ мою легкую кошевку; коренная начинаетъ лягать въ передокъ: я слышу эти удары; ямщикъ валится ко мнѣ на колѣни и давитъ меня, лошади бѣшено несутъ, и я не знаю, что бы съ нами дальше было, если бы вдругъ не показался въ сторонѣ отъ дороги красный огонекъ, и мы не свернули туда по боковой дорожкѣ и не примчались прямо къ огню, который слабо свѣтился въ ледяномъ окошечкѣ остяка-рыболова.

Мы чуть не влѣзли въ самую юрту остяка сразмаху, чуть не выломали этого спасительнаго ледяного окна, и, должно быть, наше неожиданное появленіе съ колокольчиками, бубенцами подъ самымъ окномъ жилища рыболова порядочнотаки его напугало, потому что не успѣли мы опомниться, какъ всѣ обитатели этого жилья моментально выскочили во дворъ и окружили насъ, спрашивая, что случилось, и недоумѣвая, откуда мы взялись.

Я выскочилъ со штуцеромъ изъ кошевки; но волковъ уже не было видно, и около насъ самымъ мирнымъ образомъ скакали четыре мохнатыхъ собаки, то ласкаясь къ хозяевамъ, то оглушая насъ своимъ лаемъ и не давая возможности ни спросить, ни отвѣтить. Лошади такъ напугались волковъ, что еще бились въ постромкахъ; ямщикъ никакъ не могъ со страху освободиться отъ своей яги, и мы только уже минутъ черезъ десять, наконецъ, успокоили лошадей и, поставивъ ихъ въ загородку, гдѣ стояла у остяка пара оленей, стали спрашивать остяка,—гдѣ мы, у кого, можно ли намъ зайти обогрѣться съ дороги, далеко ли станція и прочее?

Малорослый остякъ въ какой-то драной оленьей малицѣ,

безъ шапки, оказавшійся хозяиномъ этой юрточки, обложенной и занесенной снѣгомъ вмѣстѣ со своимъ тынковымъ крыльцомъ, пріютившейся и одиноко стоявшей на крутомъ берегу могучей Оби, бросая на нее слабый свѣтъ маленькаго огонька чрезъ свое ледяное оконце, такъ радушно звалъ насъ въ свою хижину, что можно подумать, будто мы для него самые желанные гости.

Я приказалъ ямщику принести свой сакъ-вояжъ и дорожный чайникъ; остякъ услужливо захватилъ подушку и кошму, и мы, подъ его руководствомъ, вошли въ маленькія сѣнцы, ощупью добрались до дверей и, наконецъ, влѣзли въ низенькую юрточку, гдѣ ужъ въ углу, въ чувалѣ, что-то въ родѣ камина, пылали сучья ивняка, освѣщая все жилище краснымъ неровнымъ свѣтомъ пламени.

Боже! Какая маленькая юрточка у этого бѣднаго рыболова, и какъ въ ней весело при этомъ свѣтѣ очага, какъ въ ней уютно послѣ однообразной дороги по льду рѣки съ безконечными высокими берегами, покрытыми лѣсомъ, гдѣ только рѣдко-рѣдко, верстъ черезъ тридцать-сорокъ можно встрѣтить живого человѣка, домъ, огонекъ, какое-нибудь бѣдное жилище дикаря или русскаго, заброшеннаго волей судьбы. Она вся, начиная съ крыши, которая служитъ потолкомъ, и кончая промерзшими отъ морозовъ углами, полна этого веселаго свѣта, она вся такъ и волнуется отъ теплыхъ лучей, сіяетъ, словно обрадовавшись вмѣстѣ со своимъ радушнымъ, какъ всѣ остяки, хозяиномъ, который проситъ насъ раздѣться и поскорѣе присѣсть къ чувалу, согрѣться отъ мороза, отдохнуть отъ испуга, видя, что мы еще не оправились отъ неожиданной непріятности.

Мы слѣдуемъ его совѣту, садимся къ огню и скоро согрѣваемся и потомъ, передавая, какъ гнались за нами волки, начинаемъ смѣяться тому, какъ насъ понесли лошади, какъ мы стрѣляли понапрасну, совершенно забывъ даже ту опасность, которой мы только что нѣсколько минутъ назадъ подвергались, если бы насъ выкинули лошади въ нашихъ мохнатыхъ шубахъ прямо въ пасть голодныхъ волковъ.

Теперь намъ все кажется только смѣшнымъ, веселымъ, и мы такъ хохочемъ вмѣстѣ съ хозяиномъ юрточки надъ своимъ приключеніемъ, что только вздрагиваетъ юрточка.

Нашъ добродушный, веселый хозяинъ живетъ съ цѣлой семьей въ этой берлогѣ; о нашемъ дорожномъ мѣдномъ чайничкѣ онъ заставилъ хлопотать свою маленькую дочь, насчетъ нашихъ лошадей онъ далъ распоряженіе своему сыну, подростку Юсѣ. Въ одномъ углу его юрты кто-то еще по временамъ копошился подъ шкурой оленя, изрѣдка поднимая изъ-подъ нея свою темную, всклоченную голову, видимо, не желая для насъ окончательно разстаться съ теплымъ одѣяломъ. Благодаря этимъ распоряженіямъ, нашъ чайни-

чекъ быстро вскипѣлъ, лошади были въ покоѣ и съ кормомъ, и мы такъ весело принялись за чай, пригласивъ къ нашему чайничку хозяина, какъ словно съ нами ничего не было непріятнаго, отчего мы сюда попали, и даже забыли самыхъ волковъ.

Скоро мы позабыли окончательно наше дорожное приключеніе, и разговоръ зашелъ о томъ, какъ живетъ остякъ, и какъ идутъ его промыслы.

Оказалось, что нашего хозяина зовутъ Пензеромъ, что онъ страстный охотникъ, что онъ нарочно уѣхалъ изъ юртъ другихъ остяковъ въ эту трущобу для охоты и рыбной ловли, что въ его лѣсу есть и лисица, и горностай, и рысь, и волкъ, и даже медвѣдь, что въ его рѣкѣ много разной рыбы, и всѣ поселенцы, за исключеніемъ маленькаго „пырыча“—сына, каждый день ходятъ на лыжахъ то по лѣсу, то по рѣкѣ, промышляя звѣря и рыбу. И чтобы доказать намъ, какъ они промышляютъ, онъ сказалъ что-то по-своему Юсѣ. Юся моментально выбѣжалъ изъ юрточки, хлопнувъ дверью такъ, что задрожали стѣны, и черезъ минуту явился гордо со связкою какихъ-то шкуръ и подалъ ихъ отцу.

Пензеръ взялъ ихъ, встряхнулъ, и передъ нами оказался цѣлый десятокъ пушистыхъ лисицъ съ громадными пышными хвостами; шкурки повисли до самаго пола чуть не съ потолка. Прекрасныя шкурки съ бѣлыми брюшками, съ бѣловато-желтыми горлышками такъ и горѣли красными спинками передъ огнемъ камина, и мы невольно засмотрѣлись на эту роскошь бѣдной хаты остяка-звѣролова.

Но наше удивленіе еще болѣе возросло, когда Юся втащилъ за собой въ юрту, вмѣстѣ съ цѣлымъ облакомъ холоднаго пара изъ сѣней, громадную шкуру бѣлаго медвѣдя.

— Медвѣдь,—вскрикнулъ мой ямщикъ отъ удивленія.

— Онъ,—отвѣтилъ важно остякъ,—было съ нимъ грѣха...

— Что такое?—спросилъ я.

— Повѣришь, баринъ, едва не слопалъ парнишку...

— Юсю?—спросилъ я.

— Его.

Я посмотрѣлъ на мальчика; Юся стоялъ, не спуская глазъ со шкуры медвѣдя, видимо, довольный, что онъ въ нашихъ глазахъ является героемъ. Я спросилъ:

— Какъ такъ? Давно ли?

— Всего вотъ какая-нибудь недѣля будетъ... Послалъ я его на рѣчку, запоръ посмотрѣть... Рыбу мы тамъ запираемъ, ловимъ въ морды... Верстъ пять отсюда будетъ. Взялъ онъ съ собой собаку, надѣлъ лыжи, захватилъ саночки, чтобы, если рыба попала, домой притащить,—и пошелъ. Я совѣтовалъ ему сестру взять, да онъ не взялъ.—„Дай,—говоритъ,—тятя, мнѣ пищаль (ружье такъ зовутъ остяки), можетъ, бѣлку дорогой подстрѣлю“; я далъ и проводилъ его. Ну, проходитъ это день коротенькій,—великъ ли нонѣ день?—пришелъ вечеръ, а парня все нѣтъ.—Гдѣ онъ?—думаю. Сижу, вечеряю—его все нѣтъ. Ну, подумалъ я, подумалъ; рѣшилъ, вѣрно, за соболемъ по слѣду удариться съ собакой,—собака моя хорошо его слѣдитъ. Подумалъ, посидѣлъ такъ до полуночи и легъ спать.—А съ нимъ что случилось? Бѣжитъ это онъ по рѣкѣ на лыжахъ, вдругъ смотритъ, слѣдъ его, — указалъ намъ остякъ-хозяинъ на медвѣжью шкуру, — слѣдъ, вотъ, вотъ только что передъ нимъ прошелъ по рѣкѣ и поднялся на берегъ... Посмотрѣлъ парнишка, пощупалъ, видитъ,—слѣдъ свѣжій...

Надо бы ему воротиться за мной да сказать, а онъ говоритъ себѣ: — „недалеко запоры-то, добѣгу, осмотрю, возьму рыбу, ворочусь домой и скажу“. Побѣжалъ это онъ, добѣжалъ до запора, разгребъ снѣгъ, прорубилъ ледъ, вытаскиваетъ морду, смотритъ, а собака вдругъ отъ него бросилась и побѣжала къ медвѣдю. Смотритъ, а онъ бѣжитъ прямо къ нему, такой высокій, худой, даже и на собаку не смотритъ...

Схватилъ онъ топоръ, видитъ, — дѣло плохо, ружье-то было не заряжено, что онъ съ нимъ подѣлаетъ? Сталъ на лыжи да давай отъ звѣря бѣжать по рѣкѣ вверхъ... Бѣжитъ,

бѣжитъ, а тотъ все отъ него не отстаетъ, собака его рванетъ сзади, рванетъ, онъ даже, братецъ мой, и не смотритъ на нее, до того оголодалъ...

— Откуда же медвѣдь взялся зимой?—спрашиваю я.

— А это, баринъ, голодный, больной шляется зимой: здоровый ни за что не выйдетъ изъ берлоги. А эти не то они такъ хворые такіе бываютъ, старые, не то объѣдятся мухоморовъ, что ли, осенью, только хотя и ложатся въ берлогу, да какъ наступятъ морозы, какъ начнетъ ихъ донимать, а жиру то въ нихъ мало, они и пойдутъ шляться по лѣсу голодные... Эти хуже всего, ничего не боятся, случается,—просто въ избу къ человѣку живому лѣзутъ, вотъ какіе...

— Ну, что же дальше?—спрашиваю я.

— Ну, бѣжалъ это Юся, бѣжалъ, видитъ, дѣло плохо, и полѣзъ на дерево, ель такую выбралъ, высокую, съ сучками... Прибѣжалъ къ ней, бросилъ лыжи и полѣзъ. Ловокъ онъ на это. Ну, только онъ это залѣзъ, а медвѣдь тутъ какъ тутъ у дерева, и тоже на него лѣзетъ...

Мы затаили дыханіе...

— Всталъ это на заднія лапы и тоже, было, полѣзъ за парнишкомъ на дерево, только собака, — умная тоже, надо полагать, собака, не даромъ Богъ ее человѣку на подмогу послалъ,—возьми и рвани его сзади за ноги; онъ какъ на нее: „а-а-ррр“, она и отскочитъ въ сторону... Какъ онъ опять на дерево, она его опять за ноги. Вѣдь, что?—не даетъ залѣзть, и только, а словить ему ее нельзя: собака ни въ жизнь не поддастся тоже этому звѣрю, бойкая, увертливая... А парнишка мой забрался на самую вершину отъ страху,—такъ онъ его напугалъ, бѣднаго,—и тамъ засѣлъ и сидитъ, ни живъ, ни мертвъ.

Мы посмотрѣли на Юсю, и тотъ потупился, хотя его глаза и доказывали, что онъ немного посмѣивается надъ тѣмъ, что отецъ его считаетъ трусомъ.

— Ну, сидѣлъ онъ, сидѣлъ, видитъ тоже, звѣрю подступиться къ нему нельзя, собака его не даетъ въ обиду, лишь

бы только ему какъ не сорваться съ дерева да не замерзнуть на немъ за ночь; думаетъ: „дай-ка я его стрѣлю“... Взялъ, зарядилъ ружье дробью, положилъ побольше пороху, прицѣлился, прижался къ дереву, чтобы его не сбило ружье, да и хвать его въ голову...

— Убилъ?—спросилъ мой ямщикъ.

— Какое убилъ, тотъ только ушами немного встряхнулъ да рявкнулъ. Чего ему наша дробь сдѣлаетъ?

— Ну?

— Ну, посидѣлъ, посидѣлъ парнишка, видитъ—дробью его не возьмешь, пули нѣтъ, зарядилъ, однако, на случай, пищаль и сидитъ на вершинѣ, думаетъ:—„какъ полѣзетъ, будетъ долѣзать, обрублю лапы ему, только и было“... А собака все сидитъ тугъ около. Полаетъ, полаетъ на медвѣдя; какъ онъ за парнишкомъ начнетъ подниматься на дерево, она его за ноги, да и въ сторону... Вѣдь не дала ему залѣзть; постоялъ тотъ у дерева, посмотрѣлъ на парнишку, отошелъ, проклятый, въ сторону этакъ саженъ на пять и легъ; тоже думаетъ: дождусь, убѣжитъ собака, съѣмъ парнишку и только... А самъ такой худой, кожа виситъ на немъ, лохматый... Легъ онъ на снѣгъ недалеко и лежитъ, ворчитъ на собаку, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и посмотритъ на парнишку... А тотъ забрался на самую вершину и сидитъ. Только вотъ смеркаться стало; вотъ и стемнѣло. Какъ стало темно, медвѣдь снова поднялся тихонько съ мѣста, чтобы его собака не замѣтила,—а она, было, тоже легла въ сторонѣ, не отходитъ, караулитъ парнишку,—и полѣзъ, было, на дерево, уже забираться сталъ, какъ собака снова его за ноги рвать начала... Осердился онъ на нее, забѣгалъ за ней по лѣсу, прогналъ прочь, но сколько ни гонялся, ничего, однако, не могъ сдѣлать: собака все кружится около, не отходитъ отъ дерева, и только. Погонялся медвѣдь за ней, погонялся, поломалъ сучья со злости и легъ опять на то самое мѣсто, гдѣ лежалъ.

Вотъ и ночь стала. Темно. Ничего не видно: гдѣ медвѣдь и гдѣ собака. Захолодало. Морозъ затрещалъ въ лѣсу.

Страшно стало. Ничего не видно. И холодъ сталъ пробирать парнишку, и сонъ его долитъ. Что дѣлать? Привязался онъ къ вершинѣ опояской и думаетъ:—„если засну, такъ хоть не упаду, а полѣзетъ медвѣдь, залаетъ собака, можетъ быть, проснусь, услышу... Замерзну, а хоть цѣлъ буду“.

Сидитъ это онъ на вершинѣ, привязался, а медвѣдь, слышно, все лежитъ, ворочается около. Вставать станетъ, собака лаетъ на него, тоже не отходитъ. А хотя бы что-нибудь было видно, темнота такая въ черномъ лѣсу, что и днемъ-то ничего не видать, не только ночью. Однако, около полночи стало посвѣтлѣе; луна выкатилась. Стало повеселѣе, а только морозъ сталъ еще злѣе. Парнишка сидитъ, сидитъ, задремлетъ, покачнется и проснется. Да такъ цѣлую ночь. Однако, медвѣдь его ночью не трогалъ; спалъ, вѣрно, тоже, только ворочается да рявкаетъ отъ мороза.

Вотъ и брежжить стало, вотъ и свѣтъ начался. Смотритъ парнишка, медвѣдь всталъ, походилъ около дерева, понюхалъ, посмотрѣлъ на него, видитъ, что собака не отходитъ, и пошелъ прочь, заворчалъ. Собака — за нимъ, гонится, лаетъ, слышно,—и далеко ушелъ, видно,—угнала. Слѣзъ тогда мой парень, надѣлъ лыжи да маршъ ко мнѣ сюда.

— Убѣжалъ отъ медвѣдя?—спросилъ мой ямщикъ.

— Какое убѣжалъ, подожди, еще не кончилось этимъ дѣло. Только это онъ бѣжитъ по рѣкѣ, по льду, съ собакой, сталъ подбѣгать уже къ дому, такъ, съ версту осталось, слышитъ: собака вдругъ опять воротилась назадъ и лаетъ... Оглянулся, а онъ, проклятый, бѣжитъ по слѣду за нимъ.

— Что ты? Догоняетъ?—говоритъ ямщикъ.

— Догоняетъ, проклятый... Хватился, вѣрно, его тамъ въ лѣсу, видитъ: спустился парнишка съ дерева, побѣжалъ, онъ по слѣду за нимъ...

— Ну, что?

— Ну, что! съѣлъ бы его, вѣдь, совсѣмъ, если бы не лыжи: прибавилъ онъ это шагу и побѣжалъ отъ него скорѣе пря-

микомъ по лѣсу къ юртѣ. Снѣгъ-то глубокій въ лѣсу, не то, что на льду, по рѣкѣ; медвѣдь и отсталъ. Только сижу я въ юртѣ, только что пришелъ домой съ рѣки, парень и вбѣгаетъ въ избу, лица на немъ нѣтъ и говоритъ:

— Тятька, меня медвѣдь чуть не съѣлъ...

— Что ты,—говорю,—мелешь?..

— Право,—говоритъ,—гонится за мной...

Только сказалъ это, собаки и залаяли... Схватилъ я пищаль, выбѣжалъ на улицу, а собаки мои на медвѣдя накинулись и рвутъ ему шкуру... А онъ присѣлъ, только ворочается кругомъ за ними... Смотрю: онѣ его и прижали къ дереву. Прижался онъ къ стволу и сидитъ, а онѣ на него лаютъ, такъ вотъ и наступаютъ на него... Я взялъ его тутъ и застрѣлилъ, онъ и повалился въ снѣгъ и загребъ лапами-то... Собаки это на него. - Прысь-прысь, кричу, проклятыя!..—А онѣ какъ впились въ него зубами, такъ и застыли, рвутъ!.. Тутъ я и покончилъ,—заключилъ остякъ свой разсказъ.

— Ловко,—сказалъ ему мой ямщикъ.

— Ловко! не будь меня дома-то, вѣдь, съѣлъ бы, проклятый, обоихъ съ дѣвкой... въ избу бы залѣзъ.

— Залѣзъ бы безпремѣнно,—подтвердилъ ямщикъ.

— Ну, въ избу-то бы не залѣзъ тоже,—вдругъ вступился за свою честь Юся,—я бы тоже топоромъ отмахался.

— Отмахался?.. — протянулъ мой ямщикъ недовѣрчиво.

Но Юся не сталъ съ нимъ спорить, видимо, считая его плохимъ охотникомъ: онъ только что слышалъ, какъ тотъ самъ удиралъ отъ пары волковъ на большой дорогѣ.

* * *

Мы спокойно ночевали у добродушнаго, веселаго остяка въ его маленькой юрточкѣ.

Утромъ, когда стало свѣтать, когда въ ледяное квадратное изъ толстой льдины окно стали пробиваться въ юрту первые лучи нѣжнаго свѣта, мы снова напились теплаго

чайку и, когда въ оконце заглянуло красное солнышко, то простились съ радушнымъ хозяиномъ, съ его дочкой, и отправились дальше въ путь.

За нами слѣдомъ, провожая насъ до рыбалки, отправился и бойкій Юся. Въ его легкія саночки запряжены были че-

тыре мохнатыхъ пса: передовымъ былъ тотъ самый, что спасъ ему жизнь отъ медвѣдя, остальныя были тѣ, что остановили его и посадили, приперли къ стволу сосны, гдѣ убилъ его нашъ добродушный хозяинъ юрты. На всѣхъ ихъ были надѣты лямочки изъ лосиной кожи, отъ лямочекъ шли къ передку санокъ ремни, и собаки легко, незамѣтно, казалось,

тащили Юсю и даже пускались за нами въ погоню, когда ямщикъ погонялъ круто лошадей.

Я долго любовался этимъ сѣвернымъ наѣздникомъ, какъ онъ правилъ собаками при помощи одной вожжечки; Юся улыбался мнѣ, какъ доброму старому знакомому. Но вдругъ случилась съ нимъ маленькая исторія: его понесли собаки въ сторону.

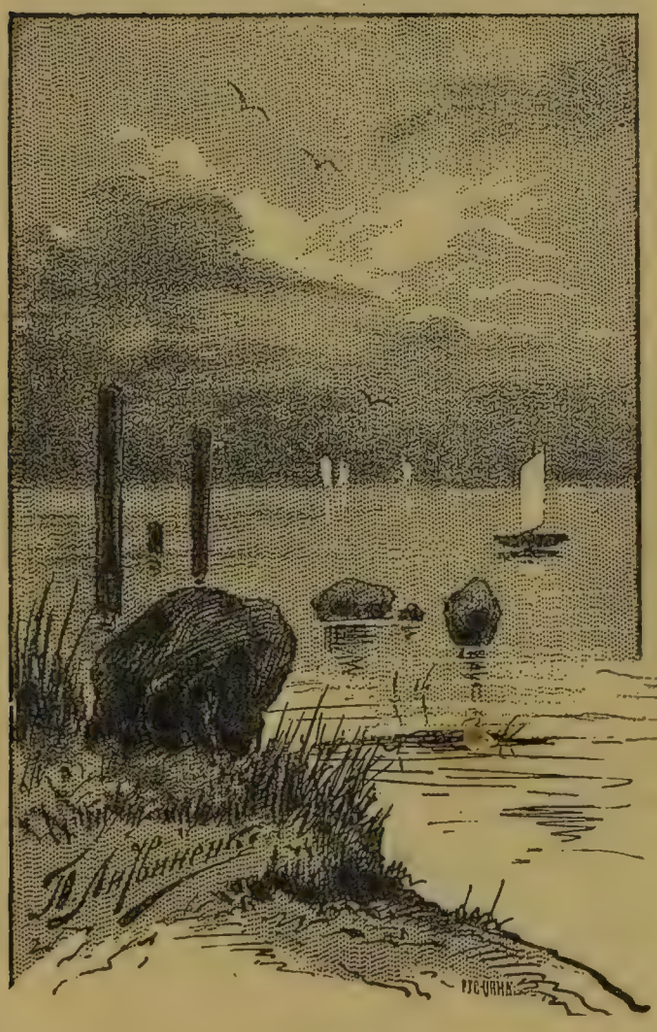
— Что такое, что такое?—останавливаю я ямщика.

— Баринъ, баринъ! заяцъ впереди бѣжитъ! вонъ, вонъ, видите, видите?

Я вглядѣлся въ ближайшій лѣсокъ и, дѣйствительно, увидѣлъ бѣлаго, какъ снѣгъ, зайца, за которымъ и бросились собаки, позабывъ о существованіи своего маленькаго хозяина.

Онъ напрасно старался ихъ удержать, кричалъ на нихъ; заяцъ поддавалъ ходу; собаки неслись за нимъ, сломя голову; санки ныряли по ухабамъ; то, что онъ везъ, послетало дорогой; собаки съ лаемъ неслись вдогонку за зайцемъ, позабывъ все, и прежде чѣмъ мы успѣли остановить лошадей, какъ и санки, и нашъ Юся, и обезумѣвшіе псы, все скрылось въ снѣжномъ вихрѣ, въ ближайшемъ березовомъ лѣсу.

ВОГУЛЪ-ГАЛЯ.



Это было прошлымъ лѣтомъ, когда я, путешествуя по Сѣверу, поднимался по рѣкѣ Сѣверной Сосьвѣ отъ маленькаго сѣвернаго города Березова.

Былъ іюль мѣсяцъ. Сѣверная природа была въ полной красѣ: берега дикой, пустынной Сосьвы были одѣты густою зеленью, и самая рѣка, тихая широкая, съ зеркаломъ водъ окаймленная по обоимъ берегамъ почти непроходимымъ хвойнымъ лѣсомъ, словно спала, нѣжась подъ лучами теплаго солнышка, послѣ страшныхъ морозовъ долгой, суровой зимы.

Я бывалъ на этой рѣкѣ зимой, и теперь, плывя по ней въ лодкѣ, рѣшительно не узнавалъ ее въ этихъ роскошныхъ зеленыхъ рамкахъ лѣса, подъ голубымъ небосклономъ, съ легкими бѣлыми облачками, въ этой чарующей красѣ лѣта.

Лѣто всюду хорошо, даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ.

Но, любуясь этой красотой дѣвственной рѣки, какъ-то жаль было ея, жаль потому, что тутъ не было народа, и раскинься село вотъ по этому откосу, что сбѣгалъ къ самой водѣ съ могучими высокими елями, которыя опрокинули свои острыя вершины въ воду, наставь нѣсколько сѣрыхъ избушекъ нашей русской деревни вотъ на этотъ бережокъ, который словно нарочно созданъ для этого и даже окруженъ душистыми рябинами,—рѣка эта оживетъ, покажется совсѣмъ другою.

Вѣроятно, это когда-нибудь и будетъ, но теперь тутъ живетъ только одинъ дикарь, одинъ вогулъ, юрту котораго можно только случайно встрѣтить, и то проплывя другой разъ чуть не цѣлый день по лодкѣ.

Эта рѣка—рѣка вогуловъ, дикарей, которые, словно нарочно прячутся въ эти непроходимые лѣса, чтобы ихъ не коснулась русская, незнакомая, чуждая имъ жизнь. Они всегда были дикарями; они всегда питались только рыбой этой рѣки да мясомъ звѣрей этихъ лѣсовъ; они всегда жили въ маленькихъ своихъ хижинахъ и всегда одѣвались въ шкуры оленя; они всегда были одиноки, любя только лѣсъ съ его вѣчнымъ ропотомъ вмѣсто общества; они всегда были довольны своей жизнью и, разумѣется, ни за что не хотятъ и теперь промѣнять ни своей свободы, ни своей жизни ни на какую другую, какъ бы эта другая жизнь ни была хороша.

Быть можетъ, они и правы въ этомъ отношеніи; но русскій человѣкъ не хочетъ помириться съ тѣмъ, что они—дикари, ѣдятъ сырую рыбу и мясо, ходятъ въ шкурахъ звѣрей, живутъ въ лѣсу, и поэтому не прочь поучить ихъ жить по-русски.

Русскій человѣкъ ихъ жалѣетъ, русскій человѣкъ, попавшій случайно въ ихъ страну, бываетъ пораженъ ихъ бѣдностью и нищетой; но мнѣ лично они совсѣмъ не казались никогда такими жалкими, и, по правдѣ сказать, я даже пожалѣлъ бы ихъ, если бы они вдругъ совсѣмъ перемѣнили

свою жизнь, стали бы обрабатывать пашни, забросили бы совсѣмъ ружье и сѣти, вытащили бы свои легкіе челноки на берегъ.

Напротивъ, мнѣ нравится ихъ жизнь, я очарованъ ею, и лѣтомъ, когда я присматриваюсь къ ней ближе, она мнѣ кажется такъ хороша, что даже я самъ на это время сдѣ-

Вогулы въ лодкѣ.

лался бы дикаремъ, чтобы пожить этой привольною жизнью.

Пойдемте со мной къ этимъ вогуламъ на рѣку, и я вамъ покажу, какъ они тамъ живутъ, и какъ тамъ у нихъ прекрасно.

*
* *

Вонъ, далеко, на плесѣ рѣки, словно уточка, показался легкій челнокъ вогула.

Онъ плыветъ намъ навстрѣчу подъ самымъ берегомъ, покрытымъ тѣнистыми кедрами, которые словно вотъ-вотъ хотятъ опуститься въ эти зеркальныя тихія воды.

— Кто это плыветъ?—спрашиваю я у своихъ гребцовъ.

— Должно быть, кто-нибудь изъ вогуловъ, вѣроятно, недалеко туда, гдѣ на лѣсистомъ берегу ихъ юрточка,—отвѣчаютъ мнѣ,

И, словно обрадованные этой встрѣчей съ живымъ человѣкомъ въ этой пустынѣ, гребцы дружнѣе размахиваютъ веслами. Вода идетъ сильными кругами изъ-подъ веселъ; лодка быстрѣе несется впередъ, и передъ нами словно выростаетъ тотъ маленькій челнокъ, который еще за минуту, за двѣ былъ виденъ, какъ маленькая черная точка.

— Кажется, два человѣка гребутъ, — замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ гребцовъ, всматриваясь въ лодку.

Я беру бинокль, смотрю на рѣку, и лодочка будто вотъ тутъ, около, и я различаю ясно и легкій долбленый изъ дерева челнокъ, и мальчика-вогула впереди съ весломъ на лодкѣ, и позади него на кормѣ—мужика. Какъ хорошо смотрѣть въ бинокль на эту лодочку,—она такъ и подпрыгиваетъ при каждомъ ровномъ ударѣ сильнаго гребца; назади расходятся волны, и видно, какъ онѣ идутъ къ берегу, колышутъ тамъ траву,—и вдругъ высокія ели, и темные кедры, и вершины сосенъ,—все начинаетъ колыхаться, умаляться, прерываться, словно весь этотъ берегъ падаетъ, валится въ эту зеркальную воду.

Но не проходитъ и десяти минутъ, какъ бинокль ужъ не нуженъ, и мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ встрѣчи съ этой лодочкой бортъ-о-бортъ.

Дѣйствительно, она идетъ прямо на нашу лодку; вотъ ужъ простыми глазами можно различить, что на ней сидятъ двое гребцовъ, что у нихъ остроконечныя весла, какъ листья, что они оба безъ шапокъ, съ непокрытыми головами, что они смотрятъ на насъ, и рады намъ, и изумлены нашему появленію. Наконецъ, мы встрѣтились.

— Пайся, пайся (здравствуй, здравствуй)!—кричатъ они намъ привѣтъ.

— Пайся, пайся,—отвѣчаемъ и мы имъ.

И наши лодки плавно пристаютъ другъ къ другу; гребцы лодочки схватываются за края нашей лодки, и мы отдаемся теченію, опустивъ совсѣмъ весла.

Между моимъ переводчикомъ и пріѣзжими вогулами начинается бойкій, въ родѣ татарскаго, разговоръ, и черезъ минуту мнѣ докладываютъ, что недалеко отсюда есть юрта, что эти вогулы—оттуда; выѣхали, было, посмотрѣть рыбныя ловушки, но, встрѣтивъ насъ, они теперь поѣдутъ съ нами, такъ какъ въ юртѣ нѣтъ никого, кромѣ женщины, трехъ дѣвушекъ и маленькаго сына.

Я говорю—„хорошо, пусть ѣдутъ съ нами“,—и мы снова расходимся на рѣкѣ и плывемъ теперь ужъ рядомъ, и я смотрю, какъ бойко отгребается весломъ маленькій вогулъ, не желая, повидимому, отстать отъ нашихъ гребцовъ на своей маленькой лодочкѣ. Лодочка бойко рѣжетъ воду; волны широкими валами расходятся въ стороны; съ веселъ каплѐтъ, какъ брильянты, вода. Вогулы, смуглые, широколицые, какъ татары, глазъ съ насъ не сводятъ, еще не зная, зачѣмъ мы попали въ это время на ихъ рѣку, куда рѣдко-рѣдко когда заглянетъ лѣтомъ случайно русскій человѣкъ.

Пожилой вогулъ одѣтъ въ какой-то азямъ изъ тонкой оленьей шкуры, но мальчикъ одѣтъ ужъ по-русски.

— Гдѣ ты взялъ,—спрашиваю я его,—такую курточку?

Онъ только смѣется мнѣ въ отвѣтъ и еще усиленнѣе начинаетъ грести, вѣроятно, понявъ, что я его поощряю къ этому.

Мой толмачъ спрашиваетъ его по-вогульски, и отецъ его отвѣчаетъ съ кормы. что это онъ привезъ ему изъ города, гдѣ ему подарилъ эту куртку одинъ изъ русскихъ.

Мальчикъ стѣсняется, краснѣетъ и еще сильнѣе начинаетъ грести, такъ что на лбу у него показывается потъ.

* * *

Но вотъ недалеко и юрта этихъ вогуловъ: на берегу показался олень; другой вышелъ съ небольшими пушистыми рогами, что бываетъ у оленей только лѣтомъ; за ними выскочилъ маленькій, третій, и изъ-за ближайшихъ на берегу елей, громадныхъ елей вдругъ показался дымокъ, синенькій дымокъ, и вслѣдъ за нимъ—бѣлый берестяный чумъ съ березовой легкой огородкой. Десятка полтора домашнихъ оленей вышли на голоса на самый берегъ посмотрѣть, кто ѣдетъ; за ними выскочила бѣлая шустрая собачка и, увидавъ насъ, залилась такимъ громкимъ лаемъ, что даже засмѣялся надъ нею маленькій вогулъ.

— Вотъ и юрта, чумъ, лѣтнее жилье этого вогула,—говоритъ мнѣ толмачъ.

Я смотрю на этотъ берестяный чумъ, на этотъ берегъ, огороженный слегка для оленей березовыми жердочками, на бѣлую прыгающую собачку, на оленей, которые словно еще не могутъ разсмотрѣть насъ хорошо, чтобы со страху броситься и скрыться въ этомъ густомъ березовомъ лѣсу.

Какъ хороша эта картина, какъ хороши олени съ ихъ вѣтвистыми рогами, какъ красиво отражается въ водѣ этотъ бѣлый на солнцѣ, остроконечный чумъ, съ синимъ дымкомъ и голубымъ надъ нимъ небомъ.

На нашъ шумъ, на лай бойкой бѣлой собачки изъ берестянаго чума выскочилъ маленькій мальчикъ и сразу остановился. На немъ—тонкій халатикъ изъ оленьихъ шкуръ и легкіе замшевые пимики съ мохнатыми обуточками на ногахъ. Темные волоса заплетены въ двѣ косы, и красный шнурокъ, которымъ онъ оплетенъ, ярко отдѣляется на его темномъ дѣтскомъ костюмѣ.

— Галя, Галя! — крикнулъ ему сопровождавшій насъ братъ его.

Галя быстро, уже безъ застѣнчивости, сбѣжалъ къ намъ

подъ самый берегъ и остановился какъ разъ у воды, смотря на насъ удивленными черными глазами. За нимъ вслѣдъ сбѣжалъ на знакомый голосъ и бѣлый пушистый, лаявшій до сихъ поръ товарищъ его—песикъ, и, видя, что на его родномъ берегу совсѣмъ нѣтъ непріятелей, и его маленькіе хозяева находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ нами,

Чумъ вогула на рѣкѣ Сосьвѣ.

сталъ круто вертѣться около ногъ двухъ братьевъ, подпрыгивая на ихъ грудь и хватая ихъ за руки.

Вслѣдъ за ними явился одинъ молодой олень съ черными маленькими рогами и любопытной мордой; потомъ пришла женщина, мать маленькихъ вогуловъ, прибѣжала дѣвушка съ корзиной для рыбы, вѣроятно, полагая, что отецъ ихъ ужъ воротился съ ловли, и я не замѣтилъ, какъ вдругъ откуда-то появилась маленькая лисичка съ мѣдной цѣпочкой на шеѣ,

которой она, повидимому, совсѣмъ не стѣснялась, волоча ее по землѣ.

Это ужъ я никакъ не ожидалъ; звѣрокъ бѣгалъ между людьми такъ же вольно, какъ собачка, обнюхивалъ наши ноги и лодки, вѣроятно, воображая, что мы привезли лакомую рыбу, и велъ себя такъ свободно, что я невольно на него засмотрѣлся.

— Что это у васъ и лисицы ручныя, какъ олены?—спросилъ я у вогула.

Онъ отвѣтилъ:

— Это Галина лисичка; они съ братомъ словили ее въ лѣсу весной совсѣмъ маленькой, выкормили, выпоили, и она живетъ у насъ, какъ собака.

Я посмотрѣлъ на маленькаго Галю и замѣтилъ, что онъ понялъ, про что мы говорили. Онъ живо подманилъ къ себѣ маленькаго звѣрка, взялъ его на руки. Звѣрокъ даже лизнулъ его въ лицо, вѣроятно, изъ благодарности.

Оба они представляли такую милую картину, что я не удержался,—посадилъ ихъ на первый пень срубленнаго дерева и снялъ съ нихъ фотографическій моментальный снимокъ.

Галя былъ очень сконфуженъ тѣмъ, что я, окруженный толпой моихъ проводниковъ, навожу на него блестящія стекла аппарата, и, казалось, не смѣлъ даже поднять глазъ; но его пріятельница,—маленькая лисичка,—держала себя непринужденно, слегка разинувъ ротъ, такъ какъ было жарко, и я нисколько не жалѣлъ, что сконфузилъ ребенка.

* * *

Вскорѣ мы отправились всѣ вмѣстѣ въ чумъ, что былъ на берегу, выше.

На самой горкѣ, на возвышеніи берега, лѣсъ былъ вырубленъ, зеленѣла полянка, и на ней было поставлено вре-

менное лѣтнее жилье вогула, и сдѣлана небольшая загородка, въ которой спали выпускаемые на волю по ночамъ олени.

Вогулъ нарочно загородилъ оленей, чтобы ихъ не разогналъ и не потревожилъ ночью медвѣдь. Медвѣди въ этомъ краю—самое обыкновенное животное; они бродятъ порой около самаго жилища, порой даже приходятъ въ самый пауль—деревушку, почему вогулы и собираютъ на ночь домашнихъ оленей, какъ можно ближе къ своему жилью, чтобы они не разбѣжались отъ такого страшнаго посѣтителя. Кромѣ того, это и необходимо и для того, чтобы спасти этихъ чуткихъ къ уколамъ и нѣжныхъ животныхъ отъ тѣхъ сонмищъ комаровъ, которые на нихъ падаютъ тучами. Для этого вогулы въ загородкѣ разводятъ огонь, дымъ котораго и спасаетъ бѣдныхъ животныхъ отъ назойливости этихъ насѣкомыхъ.

Берестяный чумъ и эта березовая легкая загородка—вотъ и все жилище, лѣтнее стойбище отца маленькаго Гали. Но зато какой чудный видъ открывался отсюда на его родную, тихую, лѣсную рѣку, какъ зазеленѣлъ лѣсъ по берегамъ, какъ вдали синѣли крутыя, высокія горы. Плескъ рѣки словно дремалъ подъ лучами солнца; только порой кой-гдѣ взметнется рыба; лѣсъ словно задумался, тишина кругомъ—чарующая,—лѣсъ, казалось, мечталъ о чемъ-то прошломъ, далекомъ... Я не могъ долго оторвать глазъ отъ этой картины, не могъ на все это налюбоваться!..

И смотря на этотъ видъ рѣки и лѣса, мнѣ, право, не жаль было этихъ дикарей и маленькаго Галю, что онъ не знаетъ, во снѣ даже не видалъ нашихъ городовъ и подстриженныхъ парковъ.

Да и зачѣмъ ему эти холенные парки, когда у него передъ глазами такой природный, чудный паркъ, такой веселый лѣсъ, такой прекрасный видъ на рѣку и горы?!.

Но пора было идти въ чумъ. Тамъ, пока я любовался и осматривалъ жилье вогула, вскипѣлъ уже мой дорожный чайничекъ. И я, бросивъ еще взглядъ на рѣку, словно боясь, что

больше не увижу этой прелестной картины, наклонился передъ низенькой дверцей и зашелъ, скорѣе заползъ, въ чумъ Гали.

Боже, какъ тамъ хорошо!.. Посрединѣ горитъ веселый огонекъ, подымая дымъ въ верхнее отверстіе; кругомъ его на шкурахъ оленей сидятъ вогулы; между ними бѣгаютъ бѣлая собачка и лисичка; тутъ помѣстился въ углу молодой черный олень, у котораго не было матери, такъ что его кормили хлѣбомъ дѣти, и, кромѣ всего этого общества, тутъ же бѣгаютъ, шныряя между людьми, пара молодыхъ соболей, которые нисколько не стѣснялись такимъ необыкновеннымъ, веселымъ обществомъ.

Я залѣзъ въ чумъ и сѣлъ на приготовленную оленью шкуру къ огню среди вогуловъ.

Теперь всѣ мы были другъ противъ друга, и мнѣ хорошо было видно и маленькаго Галю, и его брата, Манагру, и его сестеръ, и его мать, которая торопилась всѣмъ наливать горячій чай въ чашки, ставя ихъ на низенькій столикъ—на землю; хорошо было видно и всѣхъ вогуловъ, моихъ проводниковъ, вмѣстѣ съ хозяиномъ гостепріимнаго чума.

Внутри чумъ былъ тоже изъ бересты, изъ шитой нитками распаренной бересты; но въ немъ совсѣмъ не было такъ грязно, какъ можно было ожидать,—такъ какъ тутъ горѣлъ костеръ; по стѣнамъ были развѣшаны сѣти, ружья, луки, разныя ловушки для рыбы и звѣря, а въ углу, гдѣ была хозяйка, такъ же, какъ и въ любой обыкновенной хижинѣ, была поставлена разная хозяйственная посуда и ящики.

И въ довершеніе всего, надъ сидѣньемъ высѣлъ еще пологъ изъ краснаго ситца, за который пряталась эта семья отъ комаровъ ночью.

Мягкія оленьи шкуры мало чѣмъ уступали нашимъ стульямъ и диванамъ, изъ нихъ были и постели; но воздухъ, чистый воздухъ лѣсовъ и рѣки съ прохладой куда былъ лучше нашихъ богатыхъ городскихъ помѣщеній.

И въ чумѣ, жилищѣ вогула, я рѣшительно тоже позавидовалъ Галѣ, что онъ можетъ, сколько угодно его душѣ, валяться на мягкихъ шкурахъ оленей у родного, теплаго, веселаго огонька.

И общество Гали, общество звѣрей, — рѣшительно мнѣ нравилось; пока мы пили чай, онъ поминутно былъ занятъ ими, то ловя соболей за пушистые хвосты и гладя ихъ мягкую шерсть, когда они проворно выскальзывали изъ-подъ его руки, чтобы вѣчно быть свободными; то лаская маленькую лисичку, которая, казалось, ни за что не хотѣла отъ него отходить при видѣ такого шумнаго общества; то грозясь на оленя, который давалъ себя знать, пользуясь тѣмъ, что всѣ заняты были больше нами: онъ совалъ свою пушистую морду въ горячій котелокъ съ мясомъ, теребилъ Манагру за шиворотъ, желая, вѣроятно, чтобы онъ ему далъ хлѣба, который ѣлъ.

Казалось, эти звѣри, эти животныя такъ же были веселы и рады намъ, какъ и ихъ хозяева, которые рѣшительно, кажется, не знали, чѣмъ бы насъ угостить, видя такъ рѣдко у себя русскаго человѣка.

Послѣ чаю, вкуснаго на этомъ свѣжемъ воздухѣ, намъ подали обѣдъ.

Не было тутъ разнообразныхъ, вычурныхъ, особыхъ блюдъ; обѣдъ вогула простъ: когда есть рыба, обѣдъ состоитъ изъ рыбы; когда есть мясо оленя, лося,—изъ мяса; когда убитъ косачъ, глухарь, рябчикъ,—изъ дичи; все это варятъ, жарятъ прямо на вольномъ огнѣ, на кострѣ, слегка пропитанное дымомъ, который мы такъ любимъ во всякой вяленой и копченой рыбѣ и мясѣ; но зато эти простыя блюда на свѣжемъ, ароматномъ воздухѣ были такъ хороши, питательны, вкусны, что, кажется мнѣ, я давно уже такъ не ѣдалъ съ аппетитомъ даже въ лучшихъ гостиницахъ столицъ.

Обѣдъ на вольномъ воздухѣ, приготовленный въ пути, кажется всегда какъ-то вкуснѣе. И я, признаться, садясь

закусывать рядомъ съ маленькимъ Галей, совсѣмъ не былъ стѣсненъ и тѣмъ, что мой сосѣдъ обгладывалъ, вертя попросту въ рукахъ, вкусное ребрышко молодого оленя, которое намъ поджарила его мать прямо на пылающемъ огнѣ. И если бы я былъ дикаремъ, то, право, я ни за что не промѣнялъ бы рукъ, которыми такъ удобно дѣйствовать во время обѣда по-вогульски, на наши ножи, вилки и ложки, въ которыхъ, я помню, въ дѣтствѣ всегда только путался, принимаясь за любимыя блюда, вызывая улыбки гостей и строгія замѣчанія моей матери...

* * *

Мы прекрасно закусили жаренымъ оленемъ, поѣли свѣжей ухи изъ ершей и даже на десертъ получили свѣжую малину, которая показалась мнѣ съ молокомъ оленя такой вкусной, что я готовъ былъ ее рекомендовать даже для самой Москвы.

Пока мы пили чай, обѣдали, наступилъ ужъ вечеръ. Рѣка стала еще прекраснѣе, когда на ея тихія воды легли длинныя тѣни высокихъ елей; горы посинѣли еще больше, и насталъ такой чарующій, тихій вечеръ, что даже вогулы, уже присмотрѣвшіеся къ такимъ вечерамъ, вышли на самый берегъ посидѣть, чтобы полюбоваться тишиной и чуднымъ видомъ рѣки.

И я помню, мы долго сидѣли такъ на самомъ обрывѣ рѣки на опрокинутой лодкѣ, любуясь, какъ плещется бойкая рыба, пуская по водѣ круги и слушая, какъ гдѣ-то, совсѣмъ недалеко, покрикиваетъ своимъ серебристымъ голоскомъ чирокъ, и посвистываетъ на черемухѣ рябчикъ.

Эти рябчики, которые безотходно, оказывается, жили около самаго жилья вогула въ кустахъ черемухи, тутъ же подъ берегомъ у воды, сильно горячили охотничье сердце Гали.

Онъ былъ страстный охотникъ по натурѣ, и его отецъ, какъ только услышалъ свистъ рябчика, тотчасъ же ему замѣтилъ:

— Галя, а рябчики опять тебя дразнятъ...

И Галя чутко насторожилъ уши и, услышавъ свистъ, нѣжный, тихій свистъ рябчика, какимъ онъ сзываетъ своихъ маленькихъ дѣтей, тотчасъ же словно преобразился, бросился въ чумъ, и не прошло минуты, какъ онъ появился оттуда

Вогулъ на охотѣ.

со своимъ деревяннымъ лукомъ въ полномъ вооруженіи стрѣлка.

Мы стали за нимъ слѣдить. Мы видимъ, какъ онъ сразу сдѣлался серіознымъ; какъ дрогнула его рука, когда снова до его уха донесся слабый свистъ рябчика изъ ближайшаго куста; вотъ тихонько, вѣроятно, подражая отцу, направляется въ ту сторону, откуда слышался свистъ, вотъ онъ крадется

въ кусты; вотъ замеръ; что-то зашумѣло въ кустахъ душистой черемухи; кто-то пискнулъ тамъ, и мы видимъ, какъ Галя садится, выглядываетъ кого-то, между вѣтками, наводитъ, натягиваетъ тетиву, и вдругъ бросается въ кусты черемухи слѣдомъ за стрѣлой, которую мы даже не замѣтили, какъ она скользнула въ зелени вѣтки. Шумъ,—хлопанье крыльевъ, трескъ сучьевъ, изъ куста ближайшей къ намъ черемухи вылетаетъ цѣлое стадо молодыхъ рябчиковъ и разлетается въ разныя стороны.

Вогулы хохочутъ; Манагра покатывается со смѣху и смотритъ, Галя сконфуженный выходитъ снова на берегъ съ пустыми руками, потерявъ и единственную стрѣлу.

А между тѣмъ, рябчики уже снова поютъ, посвистываютъ подальше, въ сосѣднемъ кустѣ, словно уже забывъ, что они живутъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ со страшнымъ охотникомъ-Галей.

— Что, Галя, убилъ?—спрашиваютъ его вогулы.

— Убилъ,—говоритъ онъ,—я видѣлъ, какъ онъ повалился съ вѣтки и потомъ улетѣлъ!..

Всѣ хохочутъ надъ наивнымъ охотникомъ, который находится въ затруднительномъ положеніи безъ стрѣлъ съ пустымъ колчаномъ...

Но отецъ совѣтуетъ ему оставить рябчиковъ до завтра и предлагаетъ лучше прокатиться на лодкѣ по рѣкѣ.

Галя съ радостью соглашается и на это удовольствіе, какъ на охоту—за минуту раньше. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ мы видимъ, — онъ уже въ челнокѣ, съ маленькимъ весломъ, вмѣстѣ съ братомъ храбро выѣзжаютъ на рѣку, направляясь къ противоположному берегу, гдѣ онъ обыкновенно удитъ.

Мы видимъ, какъ дѣти затихли и удятъ рыбу подъ наклонившимся кедромъ съ лодки, словно настоящіе рыбаки. Порой до насъ доносится ихъ веселый смѣхъ и говоръ, когда они вытаскиваютъ ерша; порой они тихо о чемъ-то совѣ-

туются, говорятъ, вѣроятно, поджидая болѣе крупную клюнувшую рыбу.

А между тѣмъ, время идетъ, солнце садится за лѣсъ. Лѣсъ принимаетъ мрачный видъ; картины мѣняются. Наступаетъ свѣтлая, тихая ночь. И огонекъ, свѣтлый огонекъ въ хижинѣ вогула какъ-то невольно тянетъ къ себѣ, говоря о мягкой, теплой постели подъ пологомъ.

* * *

Но ночью въ этомъ заснувшемъ тихомъ чумѣ, куда забрались спать и люди, и лисичка, и соболи, и даже молодой любимецъ дѣтей—олень, захвативъ себѣ мѣсто, гдѣ только можно, казалось еще лучше, чѣмъ днемъ.

Свѣтлая лѣтняя ночь ласково глядитъ въ дымовое круглое отверстіе, съ рѣки доносятся крики утокъ, съ дальняго озера—голосъ лебедя; какая-то птица, не то сова, не то филинъ ухаетъ въ сосновомъ лѣсу за рѣкой, и надъ самымъ чумомъ, то и дѣло, проносятся стаями веселые чирки, серебристо звонко покрикивая.

И не хочется спать, тянетъ невольно на просторъ, на вольный воздухъ, и я выхожу еще разъ полюбоваться рѣкой, которая теперь одѣлась уже легкимъ, сизымъ туманомъ и только издѣдка всплескиваетъ, когда на ея срединѣ метнется большая нельма и щука.

Что за чудная ночь на этомъ сѣверѣ! Какъ свѣтлы, тихи, прохладны его ночи! Но нужно спать, завтра надо рано утромъ ѣхать дальше по этой рѣкѣ вверхъ, и я иду снова въ чумъ, гдѣ спитъ, раскинувшись, обнявшись съ своей лисичкой, маленькій Галя рядомъ съ оленемъ, который его грѣетъ своей теплой спиной.

Утромъ я проснулся уже тогда, когда всѣ встали. Въ чумъ уже снова заглядывали яркіе лучи солнца, и при нихъ казался еще лучше этотъ берестяный домъ Гали, въ которомъ теперь такъ золотились поднятая пыль и дымъ костра.

Мои проводники давно уже ждали, когда я проснусь, чтобы ѣхать; они напились ужъ чаю и закусили, позавтракали. Галя давно ужъ игралъ со своими соболями, ловя ихъ за хвосты; олень, наѣвшись зеленой травы, лежалъ у чума на солнышкѣ, и даже красная лисичка и та была сыта, позавтракавъ вмѣстѣ съ людьми, и играла теперь съ молодымъ бѣлымъ песикомъ у самыхъ дверей хижины.

И глядя на эту тихую картину жизни дикарей, которые, тихо разговаривая, довольные, сидѣли на своихъ теплыхъ постеляхъ у горящаго огонька, поджидая еще чаю, готовые сойти на берегъ, чтобы сѣсть въ лодку и съ пѣснями отправиться на рыбную ловлю и охоту, какъ-то не хотѣлось отрываться отъ нея, хотѣлось самому сдѣлаться дикаремъ, предоставить себя этой тихой, беззаботной жизни вогула.

Начинался рабочій день, а между тѣмъ ни на одномъ лицѣ не было даже тѣни заботы, тѣни о предстоявшемъ трудѣ, потому что ни заботы, ни труда—такъ, какъ мы понимаемъ, у вогулъ почти никогда не бываетъ.

Если нѣтъ пищи, онъ сядетъ, веселый, увѣренный въ предстоящемъ промыслѣ, и поплыветъ ловить рыбу и стрѣлять звѣря; если нужно что-нибудь сдѣлать, онъ сдѣлаетъ это, не торопясь... Для вогула самый трудъ—удовольствіе.

А дѣти ихъ смѣло располагаютъ всѣмъ своимъ временемъ, то отдаваясь охотѣ, то рыбной ловлѣ, то просто играя и бѣгая по роднымъ лѣсамъ, гдѣ такъ глубоко, легко вдыхаетъ грудь чистый смолистый воздухъ.

Но они далеко не дурачки, не глупый народъ, и куда больше насъ знаютъ природу, жизнь звѣрей, птицъ и рыбъ, и растеній, что почти совсѣмъ закрыто отъ насъ скучными каменными стѣнами нашихъ громадныхъ городскихъ зданій, поднимающихся высоко отъ земли.

Счастливый народъ эти дикари, но не всѣмъ хочется быть дикарями.

Мы пьемъ чай, потомъ закусываемъ на дорогу свѣжимъ

мясомъ, которое поджарила намъ мать маленькаго Гали, и выходимъ изъ чума, прощаемся съ гостепріимными хозяиномъ и хозяйкой, киваемъ головой, весело улыбаемся маленькому Галѣ, который уже привыкъ къ намъ и не стѣсняется,—и идемъ къ лодкамъ.

Рѣка, только что сбросившая съ себя сизую ночную дымку тумана, еще прекраснѣе утромъ, чѣмъ днемъ; лѣсъ кажется еще свѣжѣе своею яркою зеленью, рябчики поютъ еще громче въ сосѣднихъ кустахъ, словно провожая насъ своими пѣснями, и мнѣ тяжело разстаться съ этимъ берегомъ, съ этимъ берестянымъ чумомъ, съ этимъ маленькимъ Галей, который уже снова съ весломъ готовъ вмѣстѣ съ братомъ сопровождать отца на рыбную ловлю.

Мы вмѣстѣ съ ними отчаливаемъ и отъѣзжаемъ отъ берега. Мы ѣдемъ вверхъ по рѣкѣ, ихъ челнокъ направляется быстро книзу, и я долго любуюсь удаляющимся на этой зеркальной поверхности рѣки челнокомъ, который съ каждымъ взмахомъ веселъ маленькихъ гребцовъ убѣгаетъ отъ насъ все дальше и дальше.

Вотъ онъ уже—какъ уточка; вотъ онъ уже—какъ точка и вдругъ скрылся изъ глазъ, заплылъ за обрывистый берегъ, и мы снова, какъ вчера, одни на этой пустынной рѣкѣ, которая протянулась передъ нами въ обѣ стороны, словно серебряная, неподвижная, блестящая лента.

Но теперь смыслъ ея мнѣ уже понятенъ; я знаю, что она не такъ пустынна, какъ думалъ раньше, какъ казалось мнѣ она вчера; я знаю, что на ней живутъ вогулъ и маленькій Галя съ братомъ, соболями и лисичкой, и почему-то эта картина жизни ея, которую я подсмотрѣлъ, остается въ моей памяти свѣтлымъ облачкомъ, пріятной черточкой,—и я радъ, что познакомился съ такой привольной жизнью.

ВЪ МЕТЕЛЬ.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній).

Вчера разыгралась метель, настоящая зимняя метель, и я долго любовался ею, стоя у окна своего кабинета.

Это было интересное и любопытное зрѣлище; я смѣялся, видя, какъ клонитъ метель мои садовыя деревья; я смѣялся, какъ она, словно изъ горсти, обдаетъ ихъ пушистымъ снѣгомъ съ высоты; я смѣялся, какъ она окутываетъ ихъ маленькими сугробами, словно свивая кому-нибудь гнѣздо около каждаго ствола; я былъ въ восхищеніи, когда видѣлъ, какъ быстро кружится этотъ бѣлый снѣгъ въ воздухѣ, какъ ходятъ другъ за другомъ маленькіе вихри, и то бросятся на на мое окно, то отскочатъ отъ него, потомъ бросятся по дорожкѣ и закружатся, словно хотятъ вырвать и унести мое любимое дерево.

Мнѣ казалось изъ теплаго уютнаго кабинета, что это — одна игра вихрей, милая, дѣтская игра, что пріятно дереву, когда его цѣлуетъ и обнимаетъ вѣтеръ, что ему весело, когда щекочетъ его бѣлымъ, пушистымъ снѣгомъ; но потомъ мысли мои приняли другой оборотъ, веселость про-

шла, потому что, при видѣ этой метели, я вспомнилъ одинъ случай, когда въ такую же метель мнѣ было не до веселья.

* * *

Это было давно, далеко отсюда, на сѣверномъ Уралѣ, когда застала меня такая метель, называемая тамъ бураномъ.

Мнѣ нужно было перевалить черезъ хребетъ, чтобы попасть на другую сторону Урала. Мой проводникъ въ путешествіи, — молодой остякъ, — выбралъ для этого, кажется, самую пріятную погоду; но мы не расчитали съ нимъ, какъ глубокъ снѣгъ въ горахъ, и какъ слабосильны наши олени, и только что въѣхали въ горы, на самый хребетъ, какъ попали въ страшную метель, какой еще сроду не видали.

Это случилось неожиданно, такъ какъ метель явилась только лишь на самомъ хребтѣ горъ, гдѣ не было совсѣмъ лѣса. На высокихъ горахъ это часто бываетъ, когда внизу въ долинѣ стоитъ полная тишина, потому что вверху свободно сходятся всѣ вѣтры и заводятъ между собою споръ. Мы и не предполагали тамъ встрѣтить что-нибудь пріятное, но то, что встрѣтили, рѣшительно насъ поразило. Вѣтеръ хлесталъ и билъ насъ со всѣхъ сторонъ, вихри падали на насъ и крутились кругомъ; порывы вѣтра сметали насъ съ пути, снѣгъ обсыпалъ насъ цѣлыми снопами, и мы быстро выбивались изъ силъ и пришли къ сознанію, что намъ надо искать спасенія или воротиться обратно въ долину. Мы, было, уже поворотили назадъ, но насъ кинуло подъ гору, и ужъ не знаю, какъ мы очутились подъ тремя старыми елями, которыя стояли передъ нами, съ вытянутыми вѣтвями въ сторону юга, словно указывая намъ путь, словно махая и подзывая насъ, чтобы мы скорѣе спаслись.

Дѣлать было нечего, мы живо спустили оленей; тѣ скрылись въ страшномъ мятущемся снѣгу, и мы, приставивъ наши

легкія санки къ первой ели, укрылись за ними, укрылись, какъ только было возможно подъ нашими кошмами, чтобы насъ не безпокоили снѣгъ и вѣтеръ.

Это вышло такъ быстро, такъ неожиданно, такъ просто, какъ словно такъ и должно было случиться съ нами, когда

Ѣзда на оленяхъ.

мы еще всего какихъ-нибудь полчаса тому назадъ были спокойны и счастливы. И помню, какъ только мы пришли въ себя отъ всего этого и отдали отчетъ въ случившемся, первое, что мы сдѣлали, это стали неудержимо хохотать надъ такимъ приключеніемъ, а потомъ ужъ стали раскидывать умомъ, что намъ дѣлать.

Обсудивъ все, мы рѣшили сначала устроиться подъ елью

поудобнѣе, а потомъ ужъ напиться чаю и обсудить свое положеніе серіозно.

Особенно намъ горевать было нечего: съ нами—олени, на которыхъ мы послѣ метели можемъ выѣхать; убѣгутъ они, у насъ останутся лыжи, на которыхъ можно дойти до дома; а провизіи у насъ такой запасъ, что если бы эта метель продолжалась и цѣлую недѣлю, то, вѣроятно, и тогда мы не умерли бы съ голода, имѣя, кромѣ того, подъ руками сухія вѣтки ели, чтобы согрѣться.

Но надо было считаться съ тѣмъ, что было, и мы принялись дѣятельно за дѣло, вооружившись, чѣмъ попало, чтобы выкопать подъ деревомъ поглубже яму и засѣсть туда, такъ какъ наступила ночь.

Черезъ полчаса усиленной работы яма была готова, вѣтви ели намъ послужили поломъ и постелью, другія, посуше, пригодились на костеръ, и черезъ какой-нибудь часъ мы сидѣли въ этой ямѣ, глубоко въ снѣгу, у ствола ели, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже пили чай изъ дорожнаго мѣднаго чайника.

Сюда не достигалъ къ намъ вѣтеръ, надъ нашей ямой была постлана большая кошма, а чтобы насъ не задавило снѣгомъ, были положены сверху нея санки, которыя его сдерживали.

Совсѣмъ снѣжная избушка съ отверстіемъ наверху, съ маленькимъ огонькомъ внизу, съ постелями около, и съ бѣлыми снѣжными стѣнами. Было только одно нехорошо: это—сыро, потому что отъ нашего костра таялъ снѣгъ, и, кромѣ того, насъ душило дымомъ, который отъ вѣтра не проходилъ, какъ слѣдуетъ, въ сдѣланное вверху отверстіе.

Но когда прогорѣлъ окончательно костеръ, когда остались только красные горячіе угли, у насъ въ снѣжной хижинѣ стало такъ тепло и весело, что мы даже рады были, пожалуй, такому приключенію въ дорогѣ.

Одно насъ смущало: не будетъ ли слишкомъ продолжительна эта метель, потому что, какъ ни хороша наша хи-

жина, но она можетъ скоро растаять, и тогда намъ снова придется работать—готовить другую, чтобы скрыться отъ вѣтра и снѣга.

Пока наше положеніе было прекрасно; воя и свиста вихрей мы почти не слышали; снѣгъ не порошилъ и не мочилъ насъ; въ снѣгу была такая тишина, какъ въ могилѣ, и мы только догадывались, что дѣлается въ воздухѣ, снаружи,—по тому, какъ вздрагиваетъ толстый стволъ ели, которая все машетъ и машетъ надъ нами своими длинными вѣтвями, вытянутыми на югъ, вмѣстѣ со склоненной и устремленной туда же вершиной.

Рядомъ съ нею стояли еще двѣ большія толстыя ели, съ вытянутыми вѣтвями и вершинами на югъ. Какъ онѣ очутились тутъ, когда кругомъ не было видно даже признака лѣса, который остался внизу,—намъ было непонятно, но мы были довольны этимъ маленькимъ оазисомъ среди вѣчнаго снѣга и камня: эти ели все-таки намъ напоминали, что мы вблизи лѣсовъ, не безъ защиты, и можемъ пользоваться ихъ сугробами и сухими вѣтками для костра и постели.

Обсудивъ все, что касалось этихъ елей, мы перешли къ вопросу о томъ, что дѣлать, чтобы насъ не поѣли тутъ волки.

Мы оба прекрасно знали, что волковъ тутъ множество; не разъ видали этихъ низенькихъ, приземистыхъ, почти бѣлыхъ по шерсти горныхъ волковъ, и уже нѣсколько разъ замѣчали, что они мало боятся здѣсь человѣка и такъ нахальны, такъ голодны и злы, что только отвернись и перестань караулить оленей, какъ они тутъ же безжалостно задавятъ ихъ, даже сытые, словно нарочно хотятъ досадить этимъ человѣку.

Эти волки не такъ были опасны для насъ, потому что съ нами была винтовка; но не было сомнѣнія, что они передавятъ и разгонятъ нашихъ оленей, какъ только найдутъ ихъ слѣдъ на горахъ и въ лѣсу.

Кромѣ волковъ, у насъ на этихъ горахъ не было непрія-

телей: бурый медвѣдь теперь спалъ въ берлогѣ; черная, кровожадная росомаха, хотя и бродила по этимъ горамъ зимой, но она не осмѣлится напасть ни на насъ, ни на оленей, и мы, обсудивъ все это и положившись во всемъ на волю Божію, наконецъ, сладко заснули, завернувшись въ наши шубы, потому что мы нѣсколько устали и промерзли на этихъ горахъ въ пути.

Ночью мы нѣсколько разъ просыпались и прислушивались, что творится на вольномъ воздухѣ.

Вѣтеръ вылъ въ вершинѣ ели еще сильнѣе; слышался какъ-будто вой волковъ; вѣтви глухо шумѣли, и слышно было, какъ снѣгъ обсыпалъ насъ сверху, шелестя по стволу и вѣтвямъ. Мы закутывались плотнѣе въ наши шубы и снова, тревожно вздрагивая отъ сырости, засыпали, чтобы проснуться послѣ короткаго, какъ намъ казалось, забытья.

Эта ночь тянулась скучно и долго; мы рады были, когда наступило утро, и намъ можно было выползти изъ своей норы на сугробъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ.

Съ наступающимъ днемъ какъ-будто метель затихла; пока мы пили чай, сдѣлалось окончательно свѣтло, и вихри, страшные вихри только порой набѣгали еще на насъ съ горы, словно уставая ужъ бороться съ упрямыми елями.

Моему проводнику показалось, что погода перемѣнилась, что можно было отправиться искать оленей, и онъ, вставъ на лыжи, скользнулъ одной ногой, скользнулъ другой и быстро покатился по направленію къ горѣ, къ которой убѣжали вчера олени.

Тамъ, на голыхъ розсыпяхъ камней, почти не было снѣга,—онъ унесенъ былъ вѣтромъ,—тамъ разстилался густой бѣлый мохъ, и мой остякъ, навѣрное, зналъ, что олени пасутся въ тѣхъ мѣстахъ. Я проводилъ его, посмотрѣлъ, какъ онъ бѣжитъ, ловко раскачиваясь на лыжахъ, и снова опустился въ свою снѣжную нору, гдѣ догоралъ нашъ утренній огонекъ.

* * *

Теперь въ ямѣ стало невесело. Свѣтъ наступившаго дня вполнѣ освѣтилъ ея убожество, котораго мы не замѣчали ночью. Мертвая тишина давила, и я задумался, въ первый разъ задумался, какъ невесела эта обстановка.

Гдѣ-то подъ корнемъ елей скреблась мышь; вверху потрескивали отъ вѣтра вѣтки, и было такъ грустно, что я снова прилегъ, было, уснуть, чтобы скоротать время.

Но сна не было. Думы, одна другой темнѣе, бродили въ головѣ; нѣсколько разъ я вставалъ и поднимался наверхъ; но тамъ была видна только одна вершина голой горы, ко-

торая мрачно смотрѣла темными камнями, обнаженными отъ снѣга.

Но, присѣвъ тоскливо на камни, я вдругъ увидалъ пару мышекъ-пеструшекъ, которыя словно какимъ чудомъ появились на сугробѣ изъ-подъ снѣга и сѣли недалеко другъ отъ друга, словно грѣясь привѣтливыми лучами зимняго невеселаго солнышка.

Я не одинъ. Звѣрки эти мнѣ давно знакомы, но только, видѣвъ часто ихъ лѣтомъ на этихъ горахъ, я не узналъ ихъ сразу, такъ какъ они перемѣнили свою темнобурую шерстку на бѣлую, въ которой они страшно походили въ миніатюрѣ на бѣлыхъ медвѣдей. Мохнатыя, безъ хвостовъ, съ короткими толстыми лапками, — мышки были уморительны въ своемъ зимнемъ нарядѣ, и я невольно разсмѣялся, слѣдя за ними, какъ они топорщились въ своемъ просторномъ костюмѣ, охорашивая его, стоя на заднихъ лапкахъ.

Видимо, онѣ тоже вышли подышать и погрѣться на солнцѣ; видимо, имъ тоже, какъ и мнѣ, наскучило сидѣть вѣчно въ снѣгу, и я задумался надъ ихъ жизнью подъ этими сугробами, въ долгую зиму, которую онѣ коротаютъ подъ тремя елями. Несомнѣнно, это было мѣсто ихъ жительства; несомнѣнно, онѣ скрывались тутъ зимой и лѣтомъ; несомнѣнно, онѣ питались тутъ мхомъ и травкою, и тутъ же, гдѣ-нибудь подъ корнемъ ели, у нихъ теплое травяное гнѣздо, въ видѣ скатаннаго кома сѣна,—гнѣздо, въ которомъ онѣ спасались днемъ и ночью, только порой выходя по длиннымъ норамъ за пищей.

Я припомнилъ, какъ нашелъ разъ такое гнѣздо весной, когда оно вытаяло, и теперь ясно представилъ, какъ онѣ живутъ въ этомъ сугробѣ, спятъ въ этомъ комочкѣ сѣна, залѣзая туда снизу, въ дырочку и укладываясь тамъ другъ возлѣ друга.

Я видѣлъ, какъ онѣ спятъ, потому что не разъ держалъ этихъ смирныхъ маленькихъ грызуновъ у себя въ комнатѣ,

гдѣ онѣ преспокойно жили въ стеклянной пустой вазѣ, чрезъ стѣнки которой прекрасно я наблюдалъ всю ихъ несложную, но интересную, дружную жизнь.

И я, смотря на нихъ, представляю ихъ жилище и отдаю себѣ ясный отчетъ въ томъ, какъ онѣ пробиваются въ такую зиму среди общаго холода и бурь.

Какъ вдругъ мои сосѣдки скрылись быстро и неожиданно, словно ихъ не было возлѣ меня на этомъ сугробѣ.

Я думалъ, что онѣ меня замѣтили, что я пошевелился, и ужъ сталъ, было, жалѣть объ этой неосторожности, какъ вдругъ за ихъ сугробомъ увидалъ подбѣгающаго бѣлаго песца,--маленькую лисичку, которая, быстро взбѣжавъ на сугробъ, прислушалась однимъ ухомъ на секунду и вдругъ, сдѣлавъ отчаянный скачекъ вверхъ, словно она хотѣла словить тамъ пролетавшую муху, повернулась въ воздухѣ и всею своей тяжестью упала внизъ головой въ снѣгъ, проломила его и начала быстро, быстро рыть лапками, чтобы словить неосторожную, убѣжавшую въ нору мышку.

Это было такъ неожиданно и такъ меня поразило, что я даже поднялся на ноги. Но бѣлая пушистая лисичка меня не замѣчала, она вся ушла въ эту нору и рылась тамъ, все глубже и глубже уходя въ снѣгъ, откуда уже сталъ виденъ только ея пушистый бѣлый хвостъ.

Мнѣ жаль стало мышекъ,—это былъ ихъ врагъ; онъ зналъ, вѣроятно, что онѣ тутъ живутъ, и голодный, послѣ непогоды, прибѣжалъ сюда, какъ уже на знакомое мѣсто промысла. Видимо даже, что онъ хорошо зналъ ихъ обычай выходить въ эту пору утра на солнышко и зналъ, что теперь всего удобнѣе ихъ словить.

Но мышки мои были, видимо, уже ученыя: онѣ быстро скрылись по готовой норкѣ подъ ель, и песецъ напрасно вырылъ норку. Онъ порылся еще въ одномъ мѣстѣ, понюхалъ въ другомъ, прислушался въ третьемъ, бѣгая по сугробу, и, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь, побѣжалъ,

было, къ другому, сугробу, какъ вдругъ повелъ носомъ и остановился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня.

Я сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста,—мнѣ любопытно было все это видѣть и хотѣлось знать, что будетъ дальше.

Онъ узналъ человѣка, какъ-то уркнулъ и вдругъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, выгнувъ до смѣшного свою спину и распустивъ пушистый хвостъ по вѣтру. И въ одну минуту я снова уже одинъ, сижу подъ елью и думаю, какъ все это, однако, интересно было подсмотрѣть изъ той жизни, которую я даже за минуту до этого не могъ и предполагать, скучая въ снѣжной ямѣ.

* * *

А между тѣмъ, моего проводника все нѣтъ и нѣтъ. Солнышко ужъ поднялось высоко. Скоро полдень. Я смотрю на часы, и ихъ тихое чиканье среди наступившей тишины, мнѣ кажетея, одно только ее нарушаетъ.

Но—чу!—гдѣ-то кто-то крикнулъ... Звѣрь это или птица,—я еще не знаю и начинаю тревожно прислушиваться, поворотивъ въ ту сторону открытое ухо. Еще, еще такой же звукъ, и вдругъ я замѣчаю, какъ надъ сугробомъ пролетаетъ стадо бѣлыхъ куропатокъ, свистя крылышками; птицы едва замѣтны среди бѣлаго снѣга; онѣ опускаются у ближней ели, и, присѣвъ подъ нею, начинаютъ что-то ворковать.

Какая красивая, бѣлая, съ черной головкой птичка, какъ хороши ея черные глаза, и какъ милы ея одѣтыя въ бѣлый пухъ лапки, на которыхъ она теперь сидитъ, прямо поставивъ свой корпусъ! Это обычная жительница горъ, смирная курочка, которая совсѣмъ, повидимому, не боится человѣка. Я вспоминаю, какъ нѣсколько разъ мимо нея мы проѣзжали цѣлымъ караваномъ, когда она даже и не думала летѣть,—я вспоминаю, какъ она бѣжала передъ нами разъ долго по дорогѣ, какъ я на нее охотился, какъ я ее билъ, гонялъ

подстрѣленную по сугробамъ, но теперь у меня совсѣмъ нѣтъ желанія охотиться, и я нарочно присѣдаю еще ниже подъ елью, чтобы только полюбоваться этою бѣлою птичкой, которая безпечно ужъ бѣгаетъ около ели по кустамъ низкорослаго ивняка и начинаетъ проворно обрывать его мочки, питаясь только ими въ продолженіе долгой зимы.

Вотъ одна изъ нихъ, самочка,—я вижу это по осанкѣ,—подбѣгаетъ ужъ къ самой моей ели; она страшно занята тѣмъ, что отыскиваетъ и рветъ, и еще не видитъ меня. Я замираю отъ удовольствія и ожиданія, что она меня замѣтитъ и, готовъ Богъ знаетъ, что дать, чтобы имѣть въ это время въ рукахъ фотографическій аппаратъ, чтобы уловить на его пластинку эти граціозныя движенія, захвативъ эти пушистыя бѣлыя лапки, схвативъ этотъ черненькій толстый клювъ и бѣлое опереніе, которое слегка позолотило солнце.

Какъ она хороша, эта маленькая бѣлая птичка!.. Но вотъ она остановилась, увидѣвъ меня такъ близко, вотъ крикнула, и въ секунду изъ кустовъ съ трескомъ, крикомъ вылетѣло все маленькое стадо куропатокъ и понеслось, вздрагивая налету крылышками, и пало въ дальній тощій кустарникъ.

Я ждалъ, что еще кто-нибудь посѣтитъ меня въ этомъ сугробѣ у трехъ елей; но никого уже не было до вечера, и тогда только воротился мой проводникъ, выбѣжавъ неожиданно изъ-за горы и прикативъ ко мнѣ на своихъ легкихъ лыжахъ. Онъ весь былъ въ снѣгу, видимо, гдѣ-то бѣгалъ по лѣсу, его лицо дышало усталостью, волосы на лбу были мокры, и капюшонъ, замѣнявшій ему шапку, по обычаю, давно уже отвороченъ съ головы, и курчавые волосы его всѣ были подернуты легкимъ инеемъ.

Онъ только махнулъ мнѣ безнадежно рукой, когда я его спросилъ, гдѣ олени. Послѣ, подойдя ко мнѣ, онъ, задыхаясь, объяснилъ, что, какъ онъ и думалъ, ихъ угналъ волкъ, и если живы они, не передавлены еще въ эту ночь бурана, то, вѣроятно, куда-нибудь далеко, верстъ за двадцать, убѣжали отъ

волка... Почему онъ былъ увѣренъ, что ихъ угналъ волкъ,— онъ мнѣ не сказалъ; но я вѣрилъ ему потому, что нельзя было ему не вѣрить.

Когда мы съ нимъ снова пили чай въ снѣжной хижинѣ, онъ мнѣ сказалъ, что онъ оставитъ меня сегодня на цѣлую ночь одного.

— Зачѣмъ?—удивился я.

Онъ увѣрилъ, что это нужно, что онъ побѣжитъ на лыжахъ за сорокъ верстъ въ ближнія юрты остяковъ, тамъ достанетъ новыхъ оленей; возьметъ человѣка, чтобы онъ отыскалъ потерянныхъ, потому что иначе намъ совершенно не придется ѣхать по ту сторону Урала, да нельзя и выбраться отсюда домой, такъ какъ до нашей зимовки мало-мало было верстъ съ сотню.

Это меня опечалило: сидѣть всю ночь одному въ этой норѣ вмѣстѣ съ мышками казалось мнѣ скучнымъ; но онъ увѣрилъ, что меня тутъ никто не потревожитъ, что можно всю ночь поддерживать огонь, что ночи теперь свѣтлыя и лунныя, и утромъ, чѣмъ свѣтъ, онъ пріѣдетъ сюда на новыхъ оленяхъ, словивъ ихъ этой ночью въ юртахъ.

И я съ тоской долженъ былъ согласиться съ такими доводами; дикарь даже не хотѣлъ думать, что я боялся; я этого не пожелалъ обнаруживать и скоро остался одинъ, въ этой норѣ, подъ елями, проводивъ своего проводника, который, какъ ни въ чемъ не бывало, опять надѣлъ лыжи, шаркнулъ ими два раза и укатилъ подъ гору.

* * *

Когда онъ исчезъ, мнѣ показалось, что я погибну; но потомъ самообладаніе воротилось ко мнѣ, я припомнилъ, что у меня—провизія и лыжи, что я тоже могу убѣжать на нихъ, куда захочу, что у меня вдобавокъ есть ружье, и мнѣ стыдно стало за свою боязливость, и я храбро спустился въ

свою нору, чтобы приготовить себѣ ужинъ и этимъ хотя немного забыться.

Я старательно готовилъ себѣ ужинъ; я, какъ можно тише, медленнѣе, ѣлъ его, дѣлая видъ, что ничего особеннаго въ моей жизни не случилось. Потомъ я началъ записывать свои впечатлѣнія въ дневникъ; потомъ я сталъ разсматривать свои коллекціи; потомъ занялся чтеніемъ книги; но какъ я ни обманывалъ себя, чѣмъ позднѣе становилось, чѣмъ тише медленнѣе горѣлъ мой огонекъ, чѣмъ ближе и ближе приближалась молчаливая ночь, тѣмъ больше я начиналъ волноваться, невольно какъ-то прислушиваясь къ тому, что тамъ, наверху, дѣлается, тѣмъ больше замиралъ при каждомъ кажущемся ложномъ звукѣ... Выйти изъ своей норы я ужъ боялся; мнѣ казалось,—тамъ кто-то ходитъ, вонъ скрипитъ снѣгъ,—меня подкарауливаетъ страхъ, этотъ невидимый нашъ непріятель, быть можетъ, потому и страшный, что мы его никакъ не можемъ себѣ представить, кто онъ такой, въ образѣ ли человѣка, или бѣса,—невольно ужъ пугалъ меня, сжимая мое сердце... Наконецъ, эта неизвѣстность мнѣ стала невыносима, я рѣшился убѣдиться своими глазами, что тамъ меня ждетъ, и, хотя признаюсь, дрожали мои руки, но я взялъ свой штуцеръ и быстро выскочилъ наверхъ, готовый выстрѣлить... Но тамъ надо всѣмъ раскинулась только лунная зимняя ночь. Метель давно затихла; сугробы искрились подъ свѣтомъ луны, а она, тихая, мирно катилась между легкими, перистыми облаками, то заходя за нихъ слегка, то снова появляясь, чтобы еще ярче облить матовымъ свѣтомъ эту снѣжную равнину, гдѣ горѣли милліоны разноцвѣтныхъ искръ. И казалось, что этотъ снѣгъ, эта гора съ облитою свѣтомъ вершиной, эти черныя теперь ели съ вытянутыми вершинами, все это были одна лишь сказка, которую, помню, мнѣ любила разсказывать моя няня.

Но страхъ, невидимый страхъ, все еще былъ гдѣ-то около меня. Я обернулся посмотрѣть, нѣтъ ли кого за дремлющей

елью; но тамъ только лежали три темныя тѣни; я обернулся посмотрѣть въ стороны, но тамъ только блестѣли сугробы. Какъ вдругъ, мнѣ показалось,—словно двигается на одномъ изъ нихъ что-то бѣлое, небольшое, еще, еще... Всматриваюсь,—ихъ много, и я застываю, еще не вѣря глазамъ, на которые, отъ утомленія и непривычки послѣ свѣта костра, ужъ навернулись слезы.

Всматриваюсь. Дѣйствительно, что-то метлешится. Всматриваюсь усиленно. Дѣйствительно, что-то прыгаетъ, маленькое, бѣлое, какъ тотъ же снѣгъ, только не блестящее, почему оно и замѣтно.

„Куропатки", —думаю и начинаю тихонько подкрадываться вдоль тѣни своей ели, снимая съ плеча ружье.

Иду. Крадусь. Ближе... Ближе... Вотъ ужъ остается шаговъ двадцать пять... Глаза застилаютъ слезы, едва дышу... Наконецъ, ползу, чтобы разсмотрѣть, что такое, и вдругъ, при выглянувшемъ изъ-за облачка мѣсяцѣ, вижу, что это зайцы... Множество зайцевъ, бѣлыхъ, пушистыхъ, которые прыгаютъ по сугробу, припадаютъ къ нему, словно крадучись, потомъ вскакиваютъ, бѣгутъ, скачутъ, встаютъ на дыбы, подпрыгиваютъ на воздухъ и, какъ щенята, начинаютъ бѣгать, кружиться, прыгать другъ черезъ друга и снова припадать, прятаться и разбѣгаться по сугробу... Я почти не вѣрю глазамъ. Я никогда ничего не воображалъ подобнаго, я забываюсь настолько, что не знаю, гдѣ я, и мнѣ кажется, что это сказка, сонъ въ зимнюю ночь; но это дѣйствительность. Я ложусь на снѣгъ, лежу, любуюсь этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ животной жизни и готовъ аплодировать, готовъ кричать отъ восторга, когда вижу, какіе скачки дѣлаютъ эти бѣленькія ловкія животныя, почти становясь во весь ростъ въ воздухѣ при прыжкѣ; какъ они уморительно садятся на-дыбы на сугробѣ и бьютъ другъ друга лапками и, словно вспугнутые кѣмъ, снова разбѣгаются, чтобы снова появиться всѣмъ своимъ обществомъ на вершинѣ снѣжнаго сіяющаго сугроба.

Не знаю, сколько бы это времени продолжалось, если бы не противный мой кашель: я кашлянулъ,—игра исчезла. Я пошелъ на этотъ сугробъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что я видѣлъ; оказалось, онъ весь былъ утоптанъ зайцами; но они ужъ убѣжали въ лѣсъ, вѣроятно, прибѣгая сюда только въ такія ночи на игрище.

Это меня заняло на минуту; я весь былъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и пересталъ даже бояться; но, когда остался одинъ, мнѣ снова показалось, что кто-то около меня бродитъ, и дошло до того, что мнѣ сталъ казаться какой-то подозрительный огонекъ, даже пара огней изъ-за дальняго сугроба, и показалось, что спугнулъ зайцевъ не мой тихій кашель, который я старался задерживать, а скорѣе всего волкъ, заслышавшій и подкрадывавшійся къ человѣку...

И я ничѣмъ другимъ не могъ побороть страха, какъ

только оглушительнымъ выстрѣломъ, который откликнулся въ ближайшей горѣ и долгимъ эхомъ разнесся по горамъ и въ дальнемъ лѣсу, чтобы тамъ замолкнуть.

Это меня ободрило: огни какъ-будто исчезли,—и я поторопился, пока они не возобновились, убраться въ свою хижину, спустить кошму и закрыться.

Я не помню, какъ забылся въ этотъ вечеръ: я не помню, что видѣлъ во снѣ,—помню только, что пробудился ужъ на другое утро, когда услышалъ подъ собою шаги и разговоръ моего проводника.

Оказалось, что я, какъ убитый, проводивъ ночь, спалъ чуть не до самаго полдня; оказалось, что мой проводникъ сдержалъ слово и привелъ мнѣ оленей, и съ нимъ явился еще одинъ молодой остякъ, которому онъ препоручилъ разыскивать своихъ оленей.

Когда мы пили чай въ послѣдній разъ въ этой памятной ямѣ, я разсказалъ имъ про свои ночныя приключенія. Они оба долго смѣялись этому,—они видали подобное не разъ, зная, наблюдая часто природу, и стали разсказывать мнѣ столько наблюденій про бѣлыхъ зайцевъ, что я позавидовалъ тому, какъ много они знаютъ про жизнь этого звѣрка, когда я, изучившій зоологію, не знаю и сотой доли.

Черезъ часъ-два мы уже ѣхали за Уралъ. Горы были словно безъ воздуха; солнце обливало ихъ свѣтомъ, и свѣтлосинія тѣни на ихъ хребтахъ пріятно обрисовывали ихъ неровности, рисуя одну изъ зимнихъ очаровательныхъ картинъ.

И я, любуясь ею, спускаясь съ горъ снова въ темные лѣса, уношу столько пріятныхъ картинъ въ своемъ сердцѣ объ этой природѣ, какія рѣдко приходится уносить изъ путешествія даже въ болѣе роскошныхъ, южныхъ странахъ,—чѣмъ страшно доволенъ, познакомившись и убѣдившись, что и подъ бѣлымъ снѣгомъ зимою есть жизнь, быть можетъ, нисколько не хуже той, которая бываетъ тогда, когда грѣетъ солнце, и всюду блеститъ зелень, и летаютъ бабочки.

И, вспоминая теперь эту ночь, эту снѣжную яму, этотъ буранъ, загнавшій насъ въ нее, мнѣ какъ-то веселѣе кажется эта метель, потому что, я увѣренъ, она никого не погубитъ въ лѣсу и въ полѣ, а только на день сдержитъ ту скрытую въ снѣгу жизнь, которая послѣ нея снова выскочитъ на сугробы, снова обрадуется, снова пойдетъ привольно, подобно тому, какъ дѣти, избавясь отъ маленькой непріятности, весело выбѣгаютъ снова на просторъ и свободу. Жаль только одного, что мы не можемъ всего этого видѣть и наблюдать, потому что комнаты и книги скрыли совсѣмъ отъ насъ эту жизнь, а глубокій снѣгъ и холодъ пугаютъ насъ и не пускаютъ въ тотъ лѣсъ, въ которомъ мы такъ любили гулять лѣтомъ.

Шадринскъ, 24 ноября.
1898 года.

Яковъ Ивановичъ
Павловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Таня Логай	3
Самоѣдъ Неволя	29
Семка-ямщикъ	63
Первыя жертвы	76
Тасо	91
Вечерній звонъ	114
Въ юртѣ остяка	128
Вогулъ Галя	140
Въ метель	157

Книгоиздательство **Д. И. Тихомирова.**

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Аленушкины сказки. Съ 45 рисунками художниковъ Аѳанасьева, Андреева, Гугунавы и Литвиненко. 11-е роскошное изданіе на плотной бумагѣ. Ц. 1 р. Допущена У. К. М. Н. П. для ученич. библ. начальн. народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отношеніе № 15379, отъ 26 мая 1910 года).

— **Сказка про славнаго царя Гороха и его прекрасныхъ дочерей, царевну Кутафью и царевну Горошинку.** Съ 23 оригинальными рисунками въ текстѣ художника Н. Д. Бартрамъ. Роскошное изданіе на плотной бумагѣ Верже. Ц. 1 р. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 28111, отъ 30 ноября 1904 г.).

— **Изъ далекаго прошлаго.** Воспоминанія. 2-е изд. Ц. 1 р. Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній книга рекомендована для чтенія кадетамъ III, IV и V классовъ. М. Н. П. допущена для библ. низш. и средн. учебн. завед., а также въ безпл. библ. и чит.

— **Разсказы и сказки.** Первый томъ. Съ рисунками художниковъ: Андреева, Аѳанасьева, Праотцева и друг. 11-е изданіе. Ц. 1 р. Допущена У. К. М. Н. П. для ученическ. библіотекъ низшихъ училищъ. (Отношеніе № 16224, отъ 2 іюля 1908 года).

— **Разсказы и сказки.** Второй томъ. 4-е изданіе. Ц. 1 р. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низшихъ и средн. учебн. заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 13622, отъ 29 апрѣля 1904 года).

— **Акъ-Бозатъ.** Разсказъ. Съ 6-ю рисунками художника А. С. Степанова. 4-е изданіе. Ц. 20 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 21119, отъ 10 іюля 1904 года).

— **Бѣлое золото.** Повѣсть. 8-е изданіе. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. книга допущена для ученическ. библ. средн. и низш. учебн. заведеній и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Отношеніе № 424, отъ 8 янв. 1908 г.).

— **По Уралу.** Сборникъ разсказовъ. 5-ое изданіе. Ц. 50 к. Съ рисунк. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. (Отношеніе № 10215, отъ 23 марта 1904 года).

— **Зарницы.** Сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. Съ 10-ю рисунками. 8-е изданіе. Ц. 75 к. Книга допущена У. К. М. Н. П. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл. библіотеки и читальни. (Отношеніе № 11446, отъ 8 апрѣля 1904 года).

— **Черная армія.** Сказка. Съ рис. Ѳ. Бондаренко. 3-е изд. Ц. 5 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ. Д. Н. Хитрый нѣмецъ. Разсказъ. Съ рис. В. Андреева. 2-е изд. Ц. 5 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. народ. библіотеки и читальни. (Отнош. № 10508, отъ 24 марта 1904 г.).

— **Послѣдняя треба.** Разсказъ. Съ рис. В. Андреева и А. Кучеренко. 6-ое изд. Ц. 6 к. Допущена въ безплат. народн. читал. и библіотеки.

— **Дорогой камень.** 2-е изданіе. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя читальни и библіотеки. (Отнош. № 10508, отъ 24 марта 1904 года).

— **Дѣдушкино золото.** Разсказъ. 2-е изданіе. Ц. 10 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. народ. читал. и библіот. (Отн. № 10508, отъ 24 марта 1904 г.).

— **Упрямый козелъ.** Сказка. 5-е изд. Съ рис. А. Н. Афанасьева. Ц. 10 к. О. О. У. К. допущена въ ученическія библ. низшихъ учебныхъ заведеній. (Отнош. № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

— **Сѣрая шейка.** Разсказъ. Съ рис. 4-е изд. Ц. 5 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 11530, отъ 5 апрѣля 1904 года).

— **Въ глуши.** Разсказъ. Съ рис. А. Кучеренко. 2-е изд. Ц. 7 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 10508, отъ 24 марта 1904 года).

— **Земля не принимаетъ.** Разсказъ. Съ рис. В. Андреева. 3-е изданіе. Ц. 5 к. Допущ. въ безплат. народ. чит. и библ.

— **Ангелочки.** Разсказъ. Съ рис. В. Андреева. 3-е изд. Ц. 5 к. Допущ. въ безпл. народ. чит. и библ.

— **Сударь Пантелей—свѣтъ Ивановичъ.** Новгородское преданіе. Съ рис. худ. Бартрамъ. Ц. 7 к.

— **Свѣтлячки.** Сказки. Изящное изданіе на роскошной бумагѣ съ рисунками. Для маленькихъ дѣтей. Четвертое изданіе. Ц. 1 р. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ таковыя же библіотеки для младшаго возраста среднихъ учеб. завед. (Отн. № 6253, отъ 12 марта 1909 г.).

— **Кара-ханымъ.** Разсказъ. Съ рис. 3-е изд. Ц. 5 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ безплат. народ. читал. и библіотеки. (Отн. № 4545, отъ 7 февраля 1911 года).

— **Былинки.** Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунками художниковъ В. В. Спасскаго, А. А. Кучеренко и др. 3-е изданіе. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библіот. низшихъ училищъ. (Отн. № 34231, отъ 13 дек. 1910 г.). Главнымъ Управл. военно-учеб. завед. книга рекомендована для чтенія кадетамъ приготовит. кл. (Циркуляръ № 59, отъ 24 ноября 1905 г.).

— **Живая вода.** Разсказы. Съ рисунками художниковъ: Воронова, Спасскаго и др. 3-е изд. Ц. 50 к. О. О. У. К. М. Н. П. одобрена въ учительскія библ. низш. учеб. зав. и въ публич. народ. чит. и библ. (Отн. № 8376, отъ 15 іюля 1905 г.). Главн. Упр. в.-уч. завед. рекомендована для чтенія кадетамъ III, IV и V классовъ. (Циркул. № 59, отъ 24 ноября 1905 г.).

— **Рождественскіе огни.** Разсказы съ рисунками. 2-е изд. Ц. 50 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. старш. возр. библ. сред. учеб. завед., а равно и въ безплат. народ. чит. (Отн. № 7577, отъ 23 іюня 1905 г.). Глав. Управ. в.-учеб. завед. рекомендована для чтенія кадетамъ III, IV и V классовъ. (Цирк. № 59, отъ 24 ноября 1905 г.).

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

НОВЫЯ КНИГИ:

АЛЕКСѢЕВЪ, В. М. В. Ломоносовъ. Съ рис. Ц. 15 к.

— **300-лѣтіе Смутнаго времени.** 6 очерковъ. Ц. 33 к.

— **Двѣнадцатый годъ.** Ц. 20 к.

— **Избраніе М. Ѳ. Романова на царство.** Ц. 5 к.

Дѣтскія сказки со всего бѣлаго свѣта. Пер. съ Бостонскаго изд. кн. Е. С. Кудашевой. Ц. 50 к. въ переплетѣ.

ИВАНОВЪ, Ив., проф. Изъ исторіи Москвы. Истор. очеркъ. 4-е испр. и доп. изд. Съ рисунками. Ц. 30 к.

Книжка-первинка. Русскія сказки. Подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Съ рис. Н. Богатова. Ц. 25 к.

КОТЕНЪ, П. Воспоминанія сержанта французской арміи о Двѣнадцатомъ годѣ. Съ рис. Ц. 15 к.

МЕЙ, Л. А. Избранныя стихотворенія. Съ біогр. и портретомъ поэта, подъ ред. Д. И. Тихомирова. Ц. 10 к.

— **Библейскія стихотворенія.** Ц. 15 к.

— **Изъ духовнаго міра.** Ц. 5 к.

— **Истор. сказанія и преданія изъ русской жизни.** Ц. 20 к.

Народная война. Изъ романа Л. Н. Толстого «Война и миръ» и изъ «Воспоминаній» гр. де-Сегюра. Ц. 25 к.

НИКИТИНЪ, И. С. Жена ямщика. Ц. 1 к.

— **Моленіе о чашѣ.** Ц. 1 к.

— **Кулакъ.** Ц. 15 к.

— **Сборникъ избран. стих. съ біогр. очеркомъ,** сост. Д. И. Тихомировымъ. Ц. 15 к.

Отечественная война 1812 г. въ басняхъ и стихотвореніяхъ, подъ редакціей Д. И. Тихомирова. Ц. 15 к.

СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Москва подъ рукою Наполеона. Истор. бытовая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.

СѢРОПОЛКО, С. О. Народныя библіотеки. Порядокъ открытія библіотекъ и ихъ организація. Ц. 15 к.

— **Внѣшкольное образованіе.** Сборникъ статей. Ц. 40 к.

ШМЕЛЕВЪ, И. Одной дорогой. Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 10 к.

— **Свѣтлая страница.** Съ рис. худ. Н. А. Богатова. Ц. 15 к.

— **Пряникъ.** Разсказъ доктора. Съ рис. худ. И. Сивкова. Ц. 6 к.

— **Послѣдній выстрѣлъ.** Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 12 к.

— **Липа и пальма.** Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Н. Богатова. Ц. 12 к.

— **Къ солнцу.** Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Н. Богатова. Ц. 10 к.

5-02

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССІЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпис[ке] по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ завед., въ горо[дскія] сія, по положенію 1872 г., училища и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, разсказы сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) [по]пулярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и картинъ, а также нѣсколько

безплатныхъ приложеній.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы

---

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго само[образованія] образованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:		«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе» съ «Педаг. Листкомъ»:	
Безъ доставки на годъ	4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ	5 р. —
Съ достав. и пересылк. на годъ. .	5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ. . .	6 » — »
Безъ доставки на 3/4 года. . . .	3 » 50 »	Безъ достав. на 3/4 года	3 » 75 »
Съ достав. и перес. на 3/4 года. .	3 » 75 »	Съ достав. и перес. на 3/4 года. .	4 » 50 »
Безъ доставки. . . на 1/2 года. .	2 » 25 »	Безъ доставки . . . на 1/2 года. .	2 » 50 »
Съ достав. и перес. на 1/2 года. .	2 » 50 »	Съ достав. и перес . на 1/2 года. .	3 » — »
Безъ доставки. . . на 1/4 года. .	1 » 15 »	Безъ доставки . . . на 1/4 года. .	1 » 75 »
Съ достав. и перес. на 1/4 года. .	1 » 25 »	Съ достав. и перес . на 1/4 года. .	1 » 90 »

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССІИ“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 р.

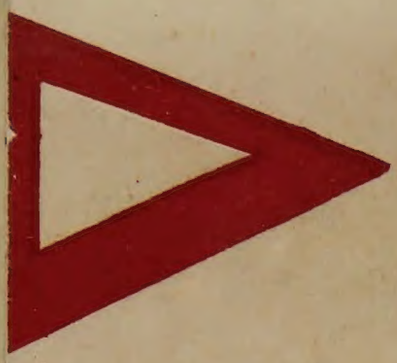
За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб., 1/2 стран.—20 руб.

Издательница *Е. Н. Тихомирова.* Редакторъ *Д. И. Тихомиров*.

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молча[новкѣ] домъ № 24—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ ре[дакцію] «ЮНАЯ РОССІЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается безп[латно].



99962004
Окружная библиотека